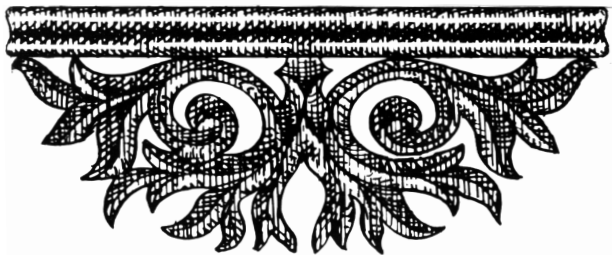

СЕРГЕЙ ЗАПЛАВНЫЙ
ТОМСКИЕ
СКАЗАНИЯ

ТОМСК
2007

УДК 882
ББК 84(2р)6
3328

История Томска уходит за горизонт четырех столетий. Документально-художественное исследование Сергея Заплавного «Томские сказания» помогает заглянуть вглубь веков, узнать, откуда произошли названия Томь, Ушайка, Басандайка, Эушта, каким образом князь эуштинцев Тоян связан с найманским ханом Таяном, кто такие мамуты и легендарная чудь, ушедшая под землю, где находится пушкинское Лукоморье, когда появились в нем русские люди, какое отношение к Томску имел построенный новгородцами городок Соновец, а затем Грустина, попавшая на карты западно-европейских авторов 16–17 веков, и многое другое. С помощью литературных реконструкций дошедших до нас сюжетов устного народного творчества писатель связывает времена и судьбы разных поколений, добавляет к истории Томска новые сведения и краски.

*Книга издана на средства
Администрации города Томска
Проект Томского управления культуры*

Художник **Анатолий Заплавный**

© Заплавный С.А., текст, 2007

© Заплавный А.А.,

художественное оформление, 2007

ISBN 5-9528-0048-3

Внуку Руслану посвящаю...

Автор

Эхо реальных событий

Свод сибирских легенд и сказаний насчитывает сотни тысяч строк. Он открывает нам мир чудес, героических деяний, всепобеждающей любви, природной красоты и мудрости. Показывает, кого и за какие поступки народ считал достойным почитания, а кого порицал или высмеивал. Это вымышленный и в то же время реальный мир. Его отличает простодушие, свойственное жителям тайги, гор и степей, особая ритмика и душевный настрой.

Не каждому дано создать столь необычный мир, наполнить его звуками, яркими и содержательными красками, соединить фантастическое и житейское в занимательном сюжете. По сути дела певец-сказитель – это такой же творец мира, как небесные, земные и подземные боги, которым поклонялись в пору язычества сибирские народы. Просто творил он этот мир не действием, а метким и многозначным словом.

О том, откуда взялись творцы-сказители, повествует такая вот незамысловатая легенда, записанная в верхнем Притомье:

«Давным-давно это было. Из далеких мест по непроходимой *тайге*¹ два быка в родные края шли-возвращались. Путь, по которому шли, утаптывали, рогами деревья ломали.

¹ невысокая гора, покрытая лесом

Когда по болоту шли, ноги их в болоте увязали. Когда по хребту шли, хозяева гор пути им не давали. Когда шли по берегу реки, хозяева рек хотели их в воду утащить. Так идя, те быки о своей земле думали-тосковали. «Когда же мы увидим вновь наши золотые горы, наши белые степи! – песню, мыча, пели. – Если кругом нас послушать, шум тайги слышится. Если кругом поглядеть, деревья, имеющие листья, до неба достают. Ветви деревьев синеву неба заслоняют. Днем лучи солнца до нас не доходят, ночью лучи месяца не доходят».

В то время один охотник в лесу промышлял. Вдруг вдали затрещали деревья и загремели камни. Испугался охотник: «Уж не хозяева ли гор деревьями швыряются?!» Потом увидел: с огромными рогами быки идут. Потом услышал: о своей земле скучая, песню, мыча, поют. Та песня в сердце охотнику крепко запала. Он ее долго слушал. Потом из верхнего слоя кедра *комыс*² сделал, вырвал из хвоста коня два белых волоса, натянул и, перебирая пальцами,

² музыкальный инструмент, напоминающий мандолину

стал петь: «Нет ничего краше родной земли. Она жарче огня. Где-то, говорят, золото валяется, а пойдешь – и меди не найдешь. Собаке хорошо, где сытно, а человеку – на родине. Лучше ее подошвой быть, чем султаном на чужбине».

Тот охотник, говорят, стал потом великим *кайчи*³. Когда он ночью пел и играл, стоящие на небе звезды к земле приближались, стоящий на небе месяц к земле припадал. Бушующий в тайге ветер затихал. Звери и птицы, бросив детенышей, из тайги выходили, а старики плакали».

Без таких вот *кайчи* в старину не обходились ни один праздник, ни одна свадьба, ни одни состязания. Их можно было встретить у ложа больного и у колыбели новорожденного, в крытой белым войлоком юрте богача и корьевом жилище бедняка. А у племен, занимавшихся охотой и коневодством (к их числу относились и томские татары), был обычай брать певцов-сказителей с собой на промысел или пастбище.

Свое искусство *кайчи* показывали непременно ночью – у костра или при свете домашнего очага. Ведь ночь, как считалось тогда, самое опасное для человека время. Это время духов, с которыми лучше не связываться. Вот и нужно отвлечь их, ублажить, задобрить, восхитить. Тогда они будут милостивы днем: под стрелы охотников отборную дичь загонят, траву на пастбищах гуще и сочней сделают, удачу в домашних, торговых и других делах людям дадут, правильно поступать научат. А для слушателей это не только удовольствие, защита от духов, но и наука, как жить, к чему стремиться, чему подражать.

Одним из первых собирателей бесценного сибирского фольклора стал выдающийся русский тюрколог, знаток языков и этнографии народов Зауралья, Казахстана и Средней Азии академик Василий Васильевич Радлов. Десять научных поездок совершил он

³ певец-сказитель

сюда (1860–1870 годы), тысячи километров прошел и проехал, со многими певцами-сказителями и шаманами-камами встретился. Во время этих поездок он вел дневники, в которых емко и живописно описывал достопримечательности тех или иных мест, жизнь, быт, обычаи и традиции коренных народов, их историю, занятия, национальные особенности. И повсюду пересыпал свои записи пословицами, фрагментами из сибирского эпоса, песен, заклинаний, легенд. Вот как оценивалась в них роль певцов-сказителей:

*Слова кайчи сунь в мешок,
Речь уважаемого человека сунь в сумку.*

А вот как почиталась роль предков:

*Корни дерева – в земле,
Корни человека – в народе.
Без рода нет человека,
Без мерки нет сапога.*

В 1863 году, во время четвертого своего путешествия по Сибири, Радлов побывал в Томске. Здесь он соприкоснулся с бытующими в среде местных жителей легендами и включил в свои записи информацию о них.

Двадцать один год спустя в Лейпциге вышел в свет двухтомник Радлова со скромным названием – «Из Сибири (страницы дневника)». В этом поистине энциклопедическом труде содержится первое упоминание об устном народном творчестве томских татар. Много позже (1989) дневники Радлова были переизданы в России, но уже однотомником. В целях экономии редаклегия «Этнографической библиотеки», осуществившая выпуск, сократила часть книги. В число сокращений попали и томские страницы. Но для тех, кого интересует судьба томских легенд и сказаний, ценность академического труда Радлова от этого не уменьшилась. Он дает ключ к пониманию сибирского фольклора, его структуры, языковых особенностей, сюжетных построений, заимствований и многого другого.

Надо сказать, что к тому времени, когда Радлов побывал в Томске, здесь уже почувствовали важность для краеведения фольклорных материалов. В № 52 «Томских губернских ведомостей» за 1860 год, например,

появилась статья Я. Андреева «Сибирская старина». В ней шла речь о томских преданиях, в том числе о сказовой истории Юрточной горы. На ее вершине (район почтамта) стояли когда-то юрты пастухов и легендарного Ушая. Затем здесь жил татарин по имени Гурбан. Это место полюбилось молодежи юного города Томска. По праздничным дням она устраивала здесь песни и пляски. Так вот и родилась традиция – ходить сюда на заговенье перед Петровым постом «топтать Гурбан». (Это говорит о том, что «топтали» его не только мусульмане, но и православные).

Открытие первого в азиатской части России Томского императорского университета (1888) стало началом системного изучения землепользования и хозяйственного быта края, его этнографии, истории, геологии, гидрографии, археологии и, конечно, мифологии. Интересы ученых и энтузиастов-исследователей сблизились. Немало научных экспедиций они провели совместными усилиями, немало разнообразных коллекций собрали. Однако и Томск с его окрестностями продолжал дарить немало открытий. Одно из них было сделано в поселении с историческим названием Тахтамышевы юрты (ныне деревня Тахтамышево). По преданию старожилов именно здесь, в шести верстах от Томска, за рекой по южной ветке покоится прах хана Тохтамыша, великого полководца, правителя Золотой Орды, прямого потомка Чингисхана, от меча которого некогда дрожали многие земли и народы. Исторические источники подтверждают: так могло быть. Многолетняя война хана Тохтамыша с бывшим его другом – темником и эмиром Средней Азии Тимуром, известным также под именем Тамерлан, закончилась поражением Тохтамыша. Он был свергнут, бежал к литовскому князю Витовту, но вместе с ним вновь разбит на реке Ворскле, на этот раз новым ханом Золотой Орды Темир-Кутлуем. Некоторое время после этого Тохтамыш управлял столицей Сибирского ханства Искером (он же Сибир, Кашлык), а закончил свои дни ссыльным в удельном княжестве зуштинцев.

Достоверность «сибирского следа» Тохтамыша решил проверить неутомимый путешественник,

археолог, этнограф, редактор газеты «Сибирская жизнь», написавший впоследствии увлекательное краеведческое повествование «Томская старина», Александр Васильевич Адрианов. Вместе с такими же, как сам, учеными-энтузиастами он отправился в Тахтамышевы юрты в надежде отыскать место погребения легендарного хана. Были вскрыты десятки захоронений, но в них покоились останки простых смертных. Однако экспедицию Адрианова нельзя назвать неудачной. Нашлись в Тахтамышевых юртах долгожители с даром народных сказителей. От них-то и услышали археологи легенду о смертельном поединке прославленного старца Тохтамыша с юным богатырем, сыном эмира Золотой Орды Идегея, Нурданбеком.

Примерно в то же время, когда Адрианов вел поиски могилы Тохтамыша, в Томске родилось Общество изучения Сибири. В 1918 году один из наиболее деятельных его членов, музейный работник, а позже сотрудник Западно-Сибирского геологического управления Иван Михайлович Мягков, около деревни Кафтанчиково (она находится в семи километрах от Тахтамышева) записал «Предание о княжне Томе и Ушае», а в 1926 году опубликовал его со своими комментариями в третьем номере журнала «Сибирские огни». Сама легенда особыми художественными достоинствами не отличалась. Она напоминала не очень умелое школьное сочинение, похожее на пересказ знакомого и вместе с тем не знакомого нам произведения. Зато комментарий содержал немало интересных фактов и сопоставлений подлинной и мифологической истории Притомья.

В 1951 году в томской школе № 7 под руководством учителя истории, фронтовика, инвалида второй группы Николая Витальевича Татаурова ребята создали первый в Томске школьный музей, посвященный истории любимого города. Много ценных экспонатов собрали они, много ярких сочинений написали, много увлекательных экскурсий со сверстниками из других школ провели. Особый интерес во время этих экскурсий вызывали сказания и легенды, в которых оживали богатырь Эушт, князь Тоян, мурза Басандай, меткий стрелок из

лука Ушай, княжна Тома и другие персонажи, имена которых запечатлены в местных географических названиях. Вероятно, это и побудило Татаурова сделать обработку ряда скопившихся в архивах легенд. Как учитель, он чувствовал, на какие моменты в них надо сделать упор, что дополнить и разъяснить, а что сократить как необязательное либо устаревшее. Юные краеведы нуждались в пособии для внеклассного чтения, и Татауров его сделал. Работники народного образования того времени снимали с него копии и широко пользовались во внеклассной работе.

Жизнь Татаурова оборвалась в тридцать пять лет. Много позже, в 1993 году, сотрудники Государственного архива Томской области подготовили и нашли возможность издать его «Томские сказания». Эта небольшая книжка, вышедшая в издательстве Томского государственного университета, давно стала библиографической редкостью.

Немногие томичи смогли прочитать документальное повествование о Томи известного сибирского поэта, выпускника историко-филологического факультета ТГУ Геннадия Юрова. А все потому, что выпущена она Кемеровским книжным издательством: первая часть – «Труженица Томь» – в 1974 году, вторая – «Река родная» – пять лет спустя. Среди множества интересных фактов на ее страницах промелькивает краткое изложение записанной автором в Горной Шории легенды о том, как богатырь Карлыган полюбил красавицу Томаку. Любовь их была так сильна, а препятствия на ее пути столь велики, что влюбленные превратились в две горы, а их дочь стала рекой Томсу. Она рождается из расщелины Карлыгана, другое название которого Таскыл, что значит *голая вершина*.

Эту легенду Юров предварил таким пояснением: «В древности Кузнецкую котловину населяли кеты – предки остяков. Они-то и дали имя реке. В основе названия лежит эмоциональное чувство, чувство удивления, восхищения, гордости: «То-о-ом», что означает *большая река*. Кеты имели, видимо, все основания считать ее одной из полноводных и могучих рек Сибири. Воинственные тюркские племена в начале первого

тысячелетия оттеснили кетов с берегов реки, однако название переняли, несколько изменив его: «Томсу-Том».

По-иному объяснял происхождение топонима *Томь* выдающийся лингвист, исследователь языка древних кетов, лауреат Государственной премии СССР, томич, профессор Андрей Петрович Дульзон.

«В современном русском языке понятие *река* передается словом *сес*, – аргументировал он свою точку зрения, развивая и творчески обосновывая идеи академика В.В. Радлова, – А слово «тоом» пришло к нам из пумпокольского диалекта кетского языка и означало цвет речной воды – «темный». Такой ее видели кеты низовьев Томи при впадении в Обь. Тюрки, заселившие эти места позже, переняли это слово у кетов в форме «том», то есть с кратким «о». «Томь», «Томсу» – так река называется во всех тюркских наречиях. Русским переселенцам оставалось только подвести это имя под категорию мужского (Том) или женского рода (Томь, Тома). Эти варианты долго конкурировали и встречались еще в печатных изданиях XVIII и даже XIX века. В конце концов во всеобщее употребление вошла форма «Томь», созданная по образцу наиболее часто встречающихся гидронимов женского рода. Томь – значит, темная».

Точка зрения Дульзона ныне принята большинством лингвистов. Вот как подкрепил ее другой крупный томский ученый, ихтиолог и гидробиолог Бодо Германович Иоганзен: «Томь темная потому, что прозрачная. Каждая река имеет свой индивидуальный оттенок, зависящий от физико-географической среды. Томь – горная по своему характеру, с каменистым галечным дном. А равнинная Обь течет по песчаному руслу, несет размытые пески и глины. И потому – белая. Контраст оттенков вод обеих рек при слиянии настолько велик, что Томь кажется действительной темной».

Протяженность Томи – 827 километров. Она соединяет две области – Томскую и Кемеровскую. Было время, когда кемеровчане называли ее голубым проспектом Кузбасса, но и тогда этот эпитет выглядел поэтической натяжкой. Томь давно потеряла свой природный цвет.

Его погубили промышленные стоки угольных, химических и металлургических предприятий. Но и сегодня на дне и на берегах этого «проспекта» можно найти дымчатые аметисты, желтые цитрины, зеленые порфириды, яшму, похожие на горный хрусталь агаты, другие драгоценные и полудрагоценные камни. Они похожи на ожерелье, которое украшало легендарную красавицу Тоом-Тому-Томсу-Томь.

Фольклор любого народа – это часть его, пусть и мифологизированной, но истории. При внимательном прочтении в нем можно различить эхо реальных событий. Вот, скажем, шорское сказание, записанное Геннадием Юровым. Оно переносит нас в то время, когда небольшое угро-финское племя, называющее себя *шорами* (русские называли их *кузнецами* или *кузнецкими татарами*), обосновалось в бассейне рек Кондомы и Мрассу. Попав в кабалу к татарским государствам Сибири, оно почти утратило родное наречие, стало говорить на языке тюрков, но при этом сохранило немало кетских слов. Одно из них – Томсу.

Документально-публицистические книги Юрова, по сути дела, – очерки его путешествий по Томи. Прежде чем взяться за перо, он прошел ее от истока до устья, перелопатил массу документов, встречался со многими замечательными людьми. С Андреем Петровичем Дульзоном – в том числе. Ему он пересказал шорские сказания, в которых так или иначе упоминается Томсу. И вот какой комментарий получил:

«Я считаю, легенды подобного рода придумали русские. Возьмем знаменитую легенду об Ушае и Томе, от любви которых якобы родилась речка Ушайка. Я объездил все тюркские поселения области и нигде не встречал ее подтверждения. Дело в том, что в тюркских языках отсутствует категория рода. Все эти любовные истории не могли возникнуть в среде коренного населения, в среде аборигенов Сибири. Так что версия насчет Карлыгана и Томаки – родителей Томи – надумана».

Вероятно, после столь скептической реакции Дульзона и не включил Юров в свое повествование полный текст легенды, записанной им в Горной Шории, заменил

его сверхкратким пересказом. А жаль. Доводы Андрея Петровича убедительны, но, на мой взгляд, он не учел несколько немаловажных обстоятельств.

В эпосе томских татар, шорцев, различных племен Алтая и других тюркских народов Сибири существует довольно заметный пласт легенд и сказаний, в которых любовь, соперничество, погоня, борьба с чужеземцами не просто сюжет движут, но являются еще и поводом, позволяющим объяснить происхождение тех или иных местных названий. Каждой горе, реке, долине, лесному массиву в них не только имя дано, но и образное сравнение. С детской непосредственностью рисуют народные сказители голову, плечи, лопатки, подмышки, грудь и колени гор, пуп и чрево земли, бедра, сосцы, лоно рек и озер, мохнатое брюхо или отцовскую крышу леса... Насколько широко распространена среди сибирских аборигенов традиция очеловечивать и обозначать символическим именем место своего обитания, говорят, к примеру, такие вот легенды, на этот раз алтайские. Для краткости изложу их схематично.

Бия и Катунь

Когда-то на Алтае не было больших рек и гор. Здесь на огромных равнинах могучий хан жил. Главное его сокровище – дочь Катунь. Многие знатные женихи к ней сватались, но напрасно. Она тайно любила пастуха Бия. Вот и убежала от отца, превратившись в реку. Узнав об этом, Бий тоже обернулся бурным потоком и устремился ей навстречу. Долго бежали они. Наконец встретились и, обнявшись, потекли вместе. Разгневался хан, слуг превратил в валуны, а сам окаменел и стал горой Белухой.

Золотое озеро

Это случилось в неурожайный год. Опустела тайга. Выгорел ячмень. Исчезла рыба из рек и озер. Погиб скот. Пришел к людям голод.

В то время один пастух нашел кусок золота величиной с лошадиную голову. Обрадовался он, решил обменять золото на еду.

Но в голодный год на золото ничего не купишь, семью не накормишь.

Опечалился пастух, потом рассердился, потом разгневался. Зачем ему золото, если смерть к земле клонит? Поднялся он высоко в гору и бросил бесполезный кусок в озеро. Следом сам кинулся.

С тех пор гора стала называться Алтынту (Золотая гора), а озеро Алтынколь (Золотое озеро). Телецким его телесы назвали. Освященное солнцем, оно золотом горит. Красивей и щедрее его на свете нет.

Эти легенды во многом напоминают как шорские, так и томские, не правда ли? В сокровищнице сибирского фольклора есть и другие, им подобные. Такая близость случайной быть не может. Она говорит о взаимовлиянии, общих корнях, родственном миропонимании их творцов.

Не забудем и того, что в народном творчестве сибирских татар, кроме сказок, плясовых песен с юмористическими скороговорками (*такмак*), поучительных пословиц и загадок, героических песен и сказаний о богатырях, есть еще один полуустный, полуписьменный жанр – *баиты*. Как правило, это литературные произведения на исторические темы, но с фантастическим сюжетом. Создавались они грамотными людьми. Со временем произведения эти утрачивали авторство и становились устными преданиями, которые расцветались фантазией народных певцов-сказителей. При таком ступенчатом сотворчестве влияние книжности вообще и русской сказовой традиции в частности вполне объяснимо.

Об этой традиции хочется сказать особо. Пожалуй, ни у одного народа в мире нет столько литературных произведений на фольклорной основе, как в России. Язык, поэзия и мифология в них неразрывно связаны и взаимообусловлены. Вот почему «безличное творчество народа», напитав художественную литературу, нередко вновь «перетекает в себя». Примеров тому множество. Наипервейший – Александр Сергеевич Пушкин.

Его удивительные сказки любят взрослые и дети, так они просты, мелодичны, образны и поучительны. Однако не многие знают, что Пушкин собрал и готовился издать сборник народных песен. Он даже предисловие к нему подготовил, а в нем сделал упор на исторические, то есть сказовые песни. Свои записи поэт передал известному русскому фольклористу и публицисту Петру Васильевичу Киреевскому.

Вот как вспоминал об этом их современник, автор капитального труда в двух томах под названием «Исторические очерки русской народной словесности и искусства» Федор Иванович Буслаев:

«Эту пачку, – сказал Киреевский, – дал мне сам Пушкин и при этом сказал: «Когда-нибудь от нечего делать разберите-ка, которые поет народ и которые смастерил я сам». И сколько ни старался я разгадать эту загадку, – продолжал Киреевский, – никак не могу сладить. Когда это мое собрание будет напечатано, песни Пушкина пойдут за народные».

И до сих пор остается загадкой, какие из песен, собранных Киреевским в десяти выпусках (1860–1874), «смастерил» Александр Сергеевич, – так они безупречно народны.

Но вернемся к томским сказаниям. По воспоминаниям Порфирия Порфирьевича Славнина, этнографа и сибиреоведа, в начале прошлого века в узком кругу научной интеллигенции основатель третьего в стране Томского института физической культуры Владислав Станиславович Пирусский признался, что это он в начале девяностых годов девятнадцатого столетия сочинил «Предание о княжне Томе и Ушае». «Узкий круг» состоял из следующих лиц: профессор Томского университета, известный ботаник, географ и гляциолог Василий Васильевич Сапожников, неутомимый собиратель книг по истории, географии, этнографии, экономике, издательскому делу Сибири, директор Томского реального училища в прошлом, Гаврил Константинович Тюменцев и сам Порфирий Порфирьевич. Сообщение Пирусского никого не удивило, ибо многие томские ученые тех лет имели многосторонние интересы и несомненные литературные способности.

Невольно возникает вопрос: а не это ли предание четверть века спустя записал у села Кафтанчиково Иван Михайлович Мягков? И такое могло быть. Но слово «смастерил», употребленное в свое время Пушкиным, в данной ситуации мне кажется более предпочтительным, нежели «сочинил». Оно не столь категорично и дает возможность предположить, что предание было сотворено по образу и подобию уже существующих у сибирских народов сказаний.

Мне выпала честь редактировать книгу-словарь известного сибирского лингвиста Иды Александровны Воробьевой «Язык земли» (Западно-Сибирское книжное издательство, 1973). Будучи студентом историко-филологического факультета Томского государственного университета, я слушал ее лекции, затем под ее руководством ездил на фольклорно-диалектологическую практику, записывал особыми знаками живую разговорную речь старожилов Притомья, сказки, песни, заговоры и загадки, а десять лет спустя встретился с ней уже в ином, непривычном для наших отношений качестве. Одну из глав своей книги Ида Александровна начала легендой о происхождении реки Мать-Янга, которая впадает в Обь возле города Колпашево, а продолжила таким образом:

«Топонимических легенд, подобных приведенной, существует очень много. Например, почти все жители Томска могут рассказать возвышенную и печальную историю о княжне Томе и ее возлюбленном Ушае, их горькой любви и гибели в реках Томи и Ушайке, названных якобы в их честь (...). Однако, несмотря на кажущуюся правдоподобность, все эти объяснения не могут быть научно обоснованными хотя бы уже потому, что связывают названия рек с русскими словами, а ведь многие из них были созданы задолго до прихода в Сибирь русского населения».

«Ну почему же? – возразил я. – Есть же у русских прозвища Ушак, Ушастый... Хотя, конечно, и у других народов немало похожих имен. Взять восточное божество Ушас. Насколько я помню, это богиня, наполняющая вселенную светом, освещающая дороги, дающая людям жизнь, славу, защиту. Переводится ее имя как «утренняя заря». От нее произошел другой образ

– Уши. А томские татары называли Ушайку Ушай-ре, то есть река по имени Ушай, или Ушай-га, что одно и то же. Возможно, между ними существует какая-то связь? Две с половиной тысячи лет назад в Срединной Азии, у реки Аму-Дарьи, правила скифская царица Томирисса. Не знаю, что ее имя означало, но ведь оно начинается с «Том». Или другую богиню взять – Томэм. В переводе с кетского – это Мать-жара, воплощающая положительное начало. Место Томэм под солнцем где-то на юге, в верховьях Енисея. Уж это к нам совсем близко. Да и вы сами на лекциях говорили, что звучание слов в разное время, в разных языках и при разных обстоятельствах меняется».

«Я рада, что вы помните, о чем говорилось на лекциях, – улыбнулась Ида Александровна, и вновь взгляд ее сделался деловым. – Варианты толкования того или иного топонима естественны. Вы, как литератор, вправе выбрать то, которое ближе вашему восприятию и художественной задаче. Но ученый должен быть скрупулезно точным и беспристрастным. Редактор книжного издательства тоже. Учтите и то, что в каждом населенном пункте функционирует своя система взаимосвязанных и взаимообусловленных названий. Возьмем, к примеру, тот же гидроним Ушайка. Топонимическая анкета, проведенная в Томском районе, показала, что в большинстве населенных пунктов, прилегающих к этой реке, жители называют ее Ушайкой, а в Барабинке нашли этому названию свою замену – Ум. Это уже микротопоним, известный ограниченному кругу людей. Не будем вдаваться в его смысл и происхождение. Важно другое: названия и правда меняются, но в этом всегда есть своя логика. Те, что обладают заметной степенью известности, устойчивы если не на всей, то на большей части территории. Это как устойчивость иммунной системы...».

Редакторская моя работа свелась тогда к увлекательным, насыщенным обилием интереснейших идей и сведений беседам. В конце концов моя собеседница согласилась, что «появление нового мотивированного признака не всегда приводит к изменению внешнего

фонетического облика слова (Обь из обе¹, Томь и Ушайка – из имени княжны Томи и Ушая и так далее)».

Прозвучала и такая очень важная мысль: золотые россыпи легенд и сказаний даже самым опытным собирателям далеко не всегда в руки даются. Там, где меняется уклад жизни коренного населения, его численность, национальный состав и многое другое, прерывается связь поколений, творцов и носителей устного народного творчества, что-то возникает вновь, а что-то исчезает или видоизменяется.

Вот и томские сказания дошли до нас далеко не в первоначальном виде. Есть среди них тексты, напоминающие подстрочники (иными словами, буквальные переводы с другого языка), есть *баиты*, есть литературно обработанные записи. Зачастую их сюжетная канва различается лишь деталями или перестановкой героев. Это позволяет мне выбрать из них самое существенное, объединить в несколько магистральных легенд и с помощью материалов В.В. Радлова и других исследователей постараться вернуть им национальный колорит. Иначе говоря, реконструировать.

Вот одна из таких реконструкций. Назовем ее

Схватка в небесах

авным-давно это было. Нынешнего прежде, прежнего после. На конце семи степей, за спиной девяти гор жил народ, опоясанный мечом. Его предводителем был грозный хан Таян, что значит *опора*. Отправляясь в поход, он надевал черный, как сажа, панцирь, брал в руки копье, которое не промахивается, цеплял семидесятигранный

¹ указание на то, что начало Оби дают две (обе) реки – Бия и Катунь; есть и другое толкование: *обва* – в переводе с зырянского – снежная вода

меч, который о чужие кости не тупится, садился на клыкастого коня с бронзовыми боками, и тогда ему не было равных. При взгляде на Таяна и его войско не отваживались плавать гуси, злые вороны падали наземь, а враги пускались в бегство. Горы еды, одежды и толпы пленников сами стекались к нему. Богатства множились день ото дня. Никому другому Таян не оставлял даже кожу с ног быков. Вот почему одни люди любили его, другие боялись, третьи ненавидели.

Среди ненавидящих был молодой пастух Ушай, человек разорённого Таяном племени. Он вырос в неволе, без материнской ласки. Одежда его состояла из кожаного халата, как у низких рабов, пища из грубой каши, которую он ел из собачьей чашки, постель из колючей травы или жаркого песка. Больше всего Ушай любил коней, которых пас. Он часто разговаривал с ними, играл на курае¹ и пел то грустные, то воинственные песни. В одной говорилось:

Та, что кормила меня грудью,

Моя мать. Эй! Эй! Эй! Э!

Мой отец с русыми волосами

И повязкой на лбу, не похожий на остальных.

Эй! Эй! Эй! Э! Где вы?

Я должен отомстить за вас толстощеки.

Я должен стать сильнее себя.

Эй! Эй! Эй! Э! Таян, ты заплатишься,

Так и знай!

У Таян-хана тем временем была своя печаль. Семьдесят семь жен имел он, но ни одна из них не смогла родить ему сына-наследника. Устав терпеть такое, он велел закопать их

¹ дудка из полого стебля дягиля

в землю живыми. При себе лишь красавицу Тому оставил – не поднялась на нее рука. В неприступных горах среди вершин с сильным ветром, среди скал, вбитых в глубь неба, среди белых заоблачных льдов Алатау¹ построил Таян

¹ название, образованное словами *ала* – пестрые, *тау* – горы

для нее дворец-тюрьму, украсил драгоценными камнями и золотом. Только горные орлы знали путь к нему, только Таян умел пройти во дворец через открывающиеся-закрывающиеся скалы и назад выйти.

Туда-сюда скакал Таян, чтобы увидеть Тому. Через земли чужого народа перебирался. Топот множества коней — погоню за собой слышал. Молодым огнем на склоне лет горел. Но при виде его Тома склоняла голову, как будто соль ей в глаза попала. И тогда гневом вскипали сердце и лицо Таяна.

— Зачем ты смотришь на меня, будто я ресница в твоём глазу? — спрашивал он, задыхаясь от возмущения. — Зачем ты кривишься, будто я заноза у тебя в зубах? Ты должна быть рада мне. Ты должна дать мне сына. Если не сделаешь, пусть тебя не будет на этой земле!

Ничего не отвечала Тома, весне подобная. Через силу пила из золотого ковша, через силу ела с серебряных блюд, через силу ждала, когда хан уйдет-скроется-оставит ее хоть на время. Не радовали Тому узорные шелка, не ласкали взгляд расписные ковры, не слышала она звона драгоценных монист, которые дарил Таян. Не лежало к нему ее гордое сердце.

Однажды, когда Таян заснул от огорчения, что не видит желанной улыбки на губах Тома, случилось неожиданное. Через открывающиеся-закрывающиеся скалы проник внутрь дворца-тюрьмы юноша в бедной одежде, но с видом богатыря. Это был Ушай. Выследить Таяна и добраться до тайного места в горах ему помог конь Эрдине, что значит *драгоценность*. Этого коня Ушай заметил еще жеребенком.

Заботился о нем, как о родном. Чувствовал, что это необычный конь. Так и оказалось. Когда надо, у Эрдине появлялись крылья, глазу других людей не видимые. Когда надо, нюх у него становился, как у собаки, идущей по следу. Когда никого не было рядом, Эрдине говорил с Ушаем человеческим голосом, и они оба были довольны.

Оставив Эрдине у входа, Ушай вошел вглубь горы, украшенной расписными коврами и прозрачными тканями с золотым и серебряным шитьем. Перед ним было много дверей. Горя нетерпением отомстить Таяну, бросился Ушай в одну, бросился в другую, бросился в третью. Никого в них не видно. Лишь в четвертой увидел женщину такой красоты, будто она сама собой родилась, пупа не имея. Ее лицо подобно свежей летящей радужной воде. Ее глаза жгли, как удары лунных подков. От ее вида зазеленел бы, кажется, и сухой кедровник.

— Кто ты? — замороженно остановился Ушай. — Назови свое имя!

— Я — та, которая живет взаперти, — ответила красавица. — Таян считает меня своей женой, но разве может быть жена у гнилого дерева? Зови меня Томой. Это имя дали мне родители. Я давно не слышала, как его произносят люди, подобные тебе. Заодно и свое имя назови. Мне кажется, оно достойно человека, осмелившегося войти сюда наперекор хану.

— Люди называют меня Ушаем, — был ответ. — Таян мой народ сожрал, рабом меня сделал. Хочу, чтобы он за свое зло поплатился.

Стали они дальше разговаривать. Чем дольше разговаривали, тем сердца их громче стучали.

— Как ты прекрасна! — не мог скрыть своего восторга Ушай. — На горный цветок танталай¹ похожа. Я видел тебя во сне, теперь открытыми глазами вижу. Здесь ты и того лучше. Под мышкой голубой скалы у входа стоит мой крылатый конь Эрдине. Самая большая месть Таяну будет, если я заберу тебя с собой. Разделишь ли ты мои скитания?

— Я ждала тебя семьсот дней, — припала к его груди Тома. — Я ждала тебя семьсот ночей. Теперь мое ожиданье сбылось. Как же я могу не пойти за тобой, если ты зовешь?

Обо всем на свете забыли они. Собираясь идти, не шли — так им хотелось насмотреться друг на друга. Ноги не слушались. Руки не расцеплялись. Время летело незаметно.

Но вдруг зашевелились стены гор, зазвенели подвески из драгоценных камней, задрожали светильники. Это верный конь Эрдине от нетерпения копытом топнул.

Очнулись влюбленные, поспешили к выходу. Но очнулся и Таян. Увидев убегающих, взревел он раненым зверем, выскочил из дворца следом. Тут началась у них с Ушаем беспощадная битва.

Вскочил Таян на своего клыкастого коня, ударил Ушай палицей с железными шипами. Пошатнулся Ушай, но белый, как снег, Эрдине не дал ему упасть. Подхватил к себе на спину и отпрыгнул в сторону.

Силён хан Таян. Тело у него железа крепче. Удар, как молния. Дыхание, как болотный туман. Но Ушай не слабее хана.

Вот носятся они по небу, похожие на темную и светлую тучи. Когда сшибаются, не дождь на землю падает, а кровь дождем сыплется. Тая-

¹ род эдельвейса

на клыкастый конь белого коня Ушая зубами свирепо рвет. Изорвал совсем.

Не устоял Эрдине. Ослабли его израненные крылья. Упал на каменистую землю вместе с Ушаем.

Налетел сверху злобный Таян, мечом семидесятигранным на семьдесят частей их рассек. Потекла кровь Ушая и его верного коня сначала ручьем, потом рекой.

Узнав об этом, бросилась со скалы Тома. Поток слез подхватил ее. Долго она неслась так, пока не стала другой рекой. Там, где они соединились, зародилась Том-тура, иначе говоря, Томская крепость. Те, кто живет в ней теперь, называют ее городом Томском.

С первых строк этого сказания возникает ощущение, что в нем живописуется не тот Тоян, по челобитию которого в 1604 году русский царь Борис Годунов «велел в вотчине его в Томи поставить город». Тот был всего лишь бикмурзой (князем), а тут действует грозный хан. Владения того занимали побережье в таежных низовьях реки Томь, а этот жил «в конце семи степей, за спиною девяти гор». Имена их тоже звучали несколько по-разному: Таян и Тоян. Всего лишь одна буква «о», а как много она меняет. (То же самое, кстати, мы видим и в случае с ханом Тохтамышем. На томской земле его имя приобрело иное звучание – Тахтамыш. Отсюда Тахтамышевы юрты, Тахтамышево).

Для того, чтобы узнать, что же соединяет хана и князя со схожими именами, обратимся к историческим документам и свидетельствам. Оказывается, во времена Темуджина, ставшего вскоре Чингисханом¹, его соседом и соперником был реально существовавший найманский хан Таян, тоже достаточно умелый

¹ Темуджин в переводе с древнемонгольского – кузнец, а чингис или тенгис – море, океан; могучий, как океан; владыка вселенной

и прославленный полководец. Его владения простирались от верховий Иртыша и Оби до истока Селенги и были «заперты» между Хинганским и Алтайскими хребтами.

Сведения о найманах скупы и противоречивы. Вот что сообщает о них иранский ученый, знаток истории, медицины, ботаники, строительной техники и естествознания Рашид ад-Дин (1247–1318): «Ранее эпохи Чингисхана государями найманов были Наркыш-Таян и Эниат-каан (...). Они разбили племя кыргызов (...). Бюрук и Таян, сыновья Эниат-хана, были современниками Чингисхана».

Рашид ад-Дина дополняет фламандский монах-католик Виллем Рубрук, совершивший путешествие в Монголию в 1253 году. «... на одной равнине между этих гор, – повествует он, – жил некий несторианин пастух (pastor), человек могущественный и владычествующий над народом, именуемым Найман и принадлежащий к христианам-несторианам. По смерти Кон-хама¹ этот несторианец превознес себя в короли, несториане называли его королем Иоанном, говоря о нем вдесятеро больше, чем было согласно с истиной». Его страна отделена от рая высокой стеной.

Еще один монах, на этот раз францисканец из Испании (имя его история не сохранила), побывавший в Средней Азии век спустя, написал «Книгу познания», а в ней рассказал о христианском государстве царя Ивана. Есть в этой книге и описание Иванова царства, правда, весьма фантастическое. В нем живут рогатые и одноглазые люди, гиганты и пигмеи, слоны и белые медведи, пантеры и верблюды. И даже птица феникс имеется. Сам Иван называет свое царство «Три Индии». Из его письма византийскому императору Мануилу Комнину следовало, что жители этого царства летают на крылатых драконах, возле царского дворца бьет фонтан с живой водой, а Иван владеет магическим зеркалом, в котором можно увидеть, что происходит в других концах мира.

¹ властитель северных по отношению к Монголии стран (конец XI – начало XII в.)

Налет сказочности в этих свидетельствах не должен особенно смущать: его и отбросить можно. Важно другое. Если и не весь народ Найман, описанный монахами-путешественниками, имел христианские корни, то его предводитель (пастух-пастор) – определенно.

Имеет ли это отношение к предыстории нашего города?

Томский исследователь, автор интереснейших гипотез «Сибирская прародина» (издана в Томске в 2004 году, переиздана в Москве в 2006 году), «Сибирское Лукоморье» (2005) и «Сибирский поход Александра Македонского» (2006) Николай Сергеевич Новгородов убежден, что имеет. «...у азиатских степняков не было имен, дававшихся от рождения до конца дней, – пишет он. – Ребенку при рождении давали одно имя, юноша носил другое, став мужем, он получал третье, а с получением ханской власти – четвертое. Таким образом, имя Таян, сохранившееся до 17-го века, возможно, показывает нам, что уделом Таян-ханов были низовья Томи, район нынешнего города Томска».

Автор не случайно делает оговорку «возможно». Ведь есть немало исторических свидетельств, которые расходятся с его предположениями. Обратимся к ним.

«Это было смутное время монголов, – читаем в исторических хрониках XIII века. – Их раздирала всенародная распря. В постель свою не ложились, друг друга грабили. Вся поверхность земли содрогалась – вседневная брань шла. Не прилечь под свое одеяло – до того шла общая вражда».

«Разве для того существуют солнце и луна, чтобы и солнце и луна светили и сияли на небе рядом? – говорили друг другу Темуджин и Таян. – Так же и на земле. Как могут быть на ней рядом два хана?».

В 1204 году Темуджин с войском в сорок пять тысяч всадников вторгся во владения Таяна. Тот отступил к реке Алтай, что рождается на склонах Хангая. Там и произошла решающая битва. Храбро дрался Таян, много тяжелых ран получил. Вместе с нукерами (военные слуги вождя) взобрался он на вершину крутой горы Наху-гун, предпочтя смерть пленению.

«Кости ломались, как сучья, – так описали древние историки эту битву. – Лошади скользили на крови от ее множества. Горы дрожали. Две тучи, зацепившись за острия горы Наху-гун, тоже кровью пролились. Малая кровь принадлежала Темуджину, большая – Таян-хану. Мясом найманов долго потом откармливались псы. Так Темуджин стал хозяином монгольских степей».

Но ведь, заметим себе, схватка мифического Таян-хана с пастухом Ушаем очень напоминает описание этой битвы...

Смерть предводителя далеко не всегда означала смерть народа. Разбитые, но непокоренные телеутские племена найманов и очу бежали в низовья Иртыша к реке Сибирке (район нынешнего Тобольска). Позже люди из племени очу, чернореченские и чатские татары откочевали в Притомье и на Алтай, пустили здесь крепкие корни.

География сказания «Схватка в небесах» удивительным образом совпадает с географией переселения разбитых Темуджином найманов. Понятным становится и то, в каком именно Алатау построил хан Таян дворец-тюрьму для красавицы Тома. Ну, конечно, в Кузнецком, точнее говоря, в землях шорцев, которые умели делать железо и ковать из него металлические изделия. Там, на горе Карлыган, как мы помним, и рождается река Томь.

У тех же кузнецов-шорцев (еще их называли *темир-узы*, то есть, делатели железа) есть трогательная легенда о вечно юной Таян-Арыг (*чистая опора*).

Таян-Арыг была предназначена в невесты такому же, как сама, светлому, романтически настроенному юноше Алтын-Сому. Но ее любви другие богатыри добивались. И тогда Таян-Арыг «в золотую лисицу превратилась, из дому убежала. Многие богатыри за лисицей гонялись, догнать не могли». Погнался за лисицей и потерявший рассудок Алтын-Сом. В конце концов именно он «во дворец золотой кинулся, золотую лисицу увидел, – за хвост ее ухватив, из дворца выволок,

о коновязь золотую ее головой ударил – невесту свою Таян-Арыг погубил». Затем, когда медную иглу, дающую безумие, у него из спины вынули, «на вершину Темир-Тайги (*железной тайги*) Алтын-Сом поднялся, вершины девяти лиственниц соединив, золотой гроб с телом Таян-Арыг к лиственницам подвесил, чтоб вороны тело невесты не истребляли, черви земные не источили. Семь дней Алтын-Сом на вершине горы лежал, слезами горькими обливался: «Невеста моя, бедная Таян-Арыг, на этом свете мы не соединились, на тот свет за тобою хочу уйти...». Но легенда кончается счастливо. Верный конь Алтын-Сома животворную воду нашел, своего хозяина и его невесту оживил. Спустились они с вершины Темир-Тайги, и начался свадебный *той* (пир). «Сто богатырей за столом уселись. Айран (хмельной напиток) рекою полился. На том пиру и я, *кайчи* (певец-сказитель), побывал, девять дней и ночей пирувал. Длинное не укорачивал, короткое не удлинял. Всё, что видел и слышал, рассказал! Алтын-Сом пусть с Таян-Арыг живет, счастье-удачу свою нам пусть дает!».

Таким образом, имя Таян в далеком прошлом носили не только мужчины, но и женщины Южной Сибири и Северного Алтая. И рисовались эти герои как темными, так и светлыми красками. Всё зависело от фантазии и той назидательной задачи, которая одухотворяла талант певца-сказителя.

У многих сибирских народов существовал обычай давать названия рекам и озерам по имени тех, кто утонул или утоплен в них. Это позволяет предположить, что нечто подобное отражено и в томских сказаниях о Томе и Ушае. Во всяком случае, и такое могло быть.

А теперь обратимся к легенде, которая повествует о том, как, пустив корни в сибирской земле, потомки найманов стали *эушталар* (то есть эуштинцами).

Богатырь Эүшт

Когда-то давным-давно, на рассвете лет, когда золото валялось у нас под ногами, но брать его было некому, в лесных землях у реки с темной-светлой водой появился человек, изможденный дальней дорогой. Зарывшись в горячий песок, он уснул и проспал так три дня. Потом встал и отправился на охоту. Мало ли охотился, много ли охотился, вдруг видит, звероподобное чудовище с мохнатой шерстью на брюхе, с маленькими острыми ушами и с клыкастой пастью глотателя преследует жеребца-однолетку. Убив мать-кобылицу, он хотел и жеребенку горло порвать.

Не стал раздумывать человек, сразил чудовище своим острым копьем, а жеребенку сказал: со мной живи, я тебя в обиду никому не дам. Потом снял шкуру с чудовища и повесил сушиться. Рядом костер развел, стал еду себе готовить.

Не понравился дым, не понравился огонь Духу Тайги. Закашлялся он:

— Так и меня сжечь можно.

Потом велел своему сыну Золотому Кедру:

— Пойди, посмотри, кто из дышащих посмел наш покой нарушить. Если он со злом пришел, пусть ноги его на этой стороне останутся, а голова на другую сторону ляжет.

Золотой Кедр сделал так, как Дух Тайги сказал.

— Откуда ты взялся? — зашуршал он над головой пришельца колючими ветками. — Здесь распоряжается мой отец, вырастивший траву на земле, иглы и листья на деревьях, направляющий птиц и зверей, владыка всех лесных

созданий. Скажи, кто ты такой и что от тебя ждать?

— Мое имя Эушт, — спокойно ответил тот.
— Я пришел издалека, чтобы посмотреть, хорошо ли будет здесь моему народу.

— Каждый народ должен жить там, где живет, — нахмурился Золотой Кедр. — Если все будут с места на место ходить, порядка не будет.

— Ты прав, — согласился Эушт, — Но я тебе так скажу: наверху черный берег, красный берег внизу. Не было бы красного берега, не было бы нужды покидать нам свои прежние жилища. В мыслях у меня нет ничего плохого. От-эне (мать огня), что живет в каждом очаге, научила меня не причинять вреда живущему рядом. Если твой отец и ты доверитесь мне, потом не пожалеете. Что бы ни случилось, я буду на вашей стороне.

— Тогда покажи, что ты можешь. По ту сторону реки на горе озеро есть. Оно черными слезами наполнено. От них всё черно вокруг — лес, трава, птицы, звери, небо. В том озере черный богатырь живет, зла мешок. От его могучего рева беременеют все лосихи вокруг. От его вонючего дыхания поднимается ядовитый туман. Его ноздри пышут огнем, от которого тайга загорается. Слабое место у него в левом ухе находится. Если проткнуть его, всё опять живым станет, черное в белое превратится.

— Ладно, — сказал Эушт. — Покажу.

Вот он надел шкуру убитого чудовища, нашел черное озеро. А под горой копьё острием вверх воткнул.

Не узнал его черный богатырь, подумал, что это звероподобный сосед-глотатель к нему в гости идет. Обрадовался ему. Огонь и ядовитый туман перестал делать. Скорей навстречу идущему поспешил. Хотел его трижды обнять, как положено. Но тут Эушт шкуру чудовища с себя сбросил, поднял черного богатыря выше головы и левым ухом на копьё бросил. Точно попал.

И сразу всё другим стало. Вода и небо глубиной наполнились. Черные деревья покрылись зелеными листьями. Свежий ветер туда-

сюда полетел. Черное озеро превратилось в белое. Кто из него напьется, сильным станет, здоровым станет, счастливым станет.

Эушт сам из озера напился. Заодно жеребенка напоил. И тот сразу взрослым сделался, сильным и, как озеро, белым.

Обрадовались Дух Тайги и Золотой Кедр, подарили Эушту решетки и кошмы для юрты, вырезанную из дерева посуду и многое другое. Задумались, что бы еще хорошее подарить? Но так и не придумали.

Вскоре настала зима, а зимою замерзает даже небо. Но это лучшее время для охоты. Много дичи попадалось Эушту. Он добывал ровно столько, сколько требовалось ему для еды и одежды. Очаг растапливал только сушняком, оставляя живые деревья расти.

Потом земля раскололась, и появилась зелень. Это наступила весна.

Дни шли за днями. Дух Тайги и Золотой Кедр привыкли к Эушту, стали считать своим. Порою они незримо появлялись у дымового отверстия его юрты, через которое прорастало *домашнее дерево*¹, и наблюдали, что он делает.

Эушт отдыхал, готовил еду или тихим голосом пел песни. Всё чаще и чаще в них звучали печаль и одиночество, несовместимые с весной. Вот одна из этих песен:

Что есть ценного в лесу?

Ценен прекрасный соболь.

Что есть ценного в моих мыслях?

Это девушка с шестью косами.

Ее брови — черные бобры!

Ее душа подобна соколу.

¹ символ триединства мира: его вершина служит коновязью небесному богу, корни — подземному, ствол — земным духам и самому человеку

*Я для нее гусь, добыча.
Моя грудь — приманчивый бубен.
Ах, жизнь без милой,
Пусть она длится хоть тысячу лет,
Не стоит она и дня...*

Как-то раз, после такой песни, спустилась с дерева к Эушту белка и, превратившись в девушку с шестью косами, одетую в платье невесты из красного сукна, встала от него по левую руку.

— Это моя дочь, — сказал охотнику Дух Тайги. — Пусть она будет хозяйкой твоего жилища, матерью твоих детей, число которых превысит выводок глухарей! Пусть их будет больше, чем ивовых прутьев! Да сияет перед тобой всегда месяц. Да светит всегда за тобой яркое солнце! Пусть перед тобой по твоему подолу идут дети, а за тобой идут большие стада! Да будет платье твое всегда чистым. Да будет спина твоя всегда

здоровой. Да будет всегда быстрым твой разум.
Пусть вечно длится твоя жизнь!

Не верил своим глазам Эушт, глядя на девушку. Не помня себя, слушал он нежданные слова Духа Тайги. Огнем горело его сердце. Радостью светились его глаза. Птицами разлетались его мысли.

Опомнившись, позвал Эушт своего верного коня, посадил девушку себе за спину и помчался ввысь, напевая:

*Взмахивай своими крыльями,
мой летящий конь!*

Поднимайся в высокое небо! Ын, ын, ын!

Выше белых облаков, выше синих туч,

В недра голубого небесного простора.

Я хочу, чтобы нами любовались

Таг-Ээзи и Алтын-Ерс¹,

С которыми я давно породнился.

Я хочу, чтобы моя спутница замирала,

Когда мы скачем наперегонки

С властителями неба. Ын, ын, ын!

В прекрасной солнечной стране

Есть хороший водопой — Белое озеро.

Рядом далеко видна река Тоом.

Скитания мои кончились.

Здесь мне суждено жить.

Хватит здесь места и моему народу.

Пусть дальше скачет Эушт по небу. Все равно к своему жилищу с деревом в дымоходе вернется. Его удачу-счастье, в одно соединяя, я, рассказавший все это, теперь собрал, в широкий мешок закинул. В кустах я белого зайца поймал. На белого зайца навьючив, в эту землю доставил. Сидя слушавшим людям полные доли доставил, лежа слушавшим

¹ Дух Тайги и Золотой Кедр

людям полдоли доставил. Хочу, чтобы они сказали: «Так! Так!».

Мне кажется, это сказание с таким вот жизнерадостно-простодушным концом в пояснениях не нуждается. Его своеобразно продолжает

Легенда о Белом озере

старое время это было, когда народ Эушты совсем молодой был, болезней не знал, зла не ведал. Кто придет, всех с радостью встречал.

Однажды пришли два человека с добрыми лицами и хорошими словами. На самом деле это были враги всего живого Дельбеген¹ и Каракула². Пожили они, поели и ушли дальше, захохотав. После них стали люди в Эуште болеть и умирать.

Много народа умерло. Никто не мог понять, почему.

Стал за всех отвечающий Эушт думать. Ничего не придумал. Решил спросить совета у Духа Тайги, своего родича. Тот лишь вздохнул тяжело:

— С языков, источающих мед, яд может капнуть. Вот он и капнул.

— Что же делать? — озадачился Эушт.

— Грязь чистотой и бесстрашием лечат. Нет зла, которое они не переселят. Нет болезни,

¹ Дельбеген — людоед с семью головами

² Каракула — чудовище, живущее у края неба; так же звали тайшу (самого знатного князьца калмыцких племен), воевавшего с монгольским Алтын-ханом и Казакской (кыргыз-кайсацкой) ордой.

которую они не одолеют. Завтра закипит озеро по ту сторону реки, огнем и смрадом покроется. Это шайтаны во главе с Дельбегеном и Каракулой на пир соберутся. Если ты в озеро завтра сумеешь войти и трижды в него окунуться, — злые силы рассыплются, твой народ в покое оставят.

— Пусть высушит меня солнце, если я этого не сделаю! — поклялся Эушт.

Назавтра он рано встал и отправился к озеру. Лицо от огня прятать не стал. Не стал зажимать нос от вонючего запаха. Когда шел, глаза у него полопались, кожа задымилась, одежда в золу превратилась; Эушт всё стерпел. Все три раза в горящую воду стойко окунулся.

Тогда вода стала чистой, жизнь сотворяющей. Шайтаны в страхе в разные стороны разбежались. У косматого Дельбегена из семи голов одна осталась. На время он забыл, как людских жен и детей красть, болезни на них напускать, стойбища разорять. А у Каракулы ноги переплелись, язык тугим узлом завязался, уши тощими крыльями стали. Полетел он на них, как ошипанная утка.

Пришли к озеру люди Эушты, омыли водой лицо и грудь, молодыми и здоровыми снова сделались. После этого на берегу палатку печали они поставили. Посыпая голову золой, женщины начали Эушта оплакивать:

— Наша жизнь дороже своей для него оказалась. Вот какой был у нас предводитель! Пусть его имя живет вечно! Горе нам! Слава Эушту!

Не успели они все слезы выплакать, как из молочных глубин исцеляющего озера вышел белый золоторогий олень. Все сразу поняли,

что это Эушт. И до сих пор он указывает белый¹ путь своему народу. А озеро с тех пор Белым называется.

На что следует обратить внимание в этой легенде? Мне кажется, прежде всего на то, что Белое озеро и впрямь целебными свойствами обладало. Местные жители излечивали его водами болезни глаз, желудка, суставов и других органов. Молва о нем притягивала в Томск страждущих из других сибирских городов и поселений. Причину лечебных свойств озера объяснили впоследствии ученые Томского императорского университета, который существовал поначалу в составе одного лишь медицинского факультета. Оказывается, Белое озеро подпитывали не какие-нибудь, а вот именно радоновые ключи.

В семидесятые годы прошлого столетия городские власти решили очистить дно озера, углубить, расширить, одеть берега в камень, словом, превратить его в достопримечательность Томска. Для начала перекрыли радоновые ключи, но к благоустроительным работам приступили лишь через год. За это время ключи проточили новые пути. Пришлось наполнить озеро обычной речной водой. Внешне это незаметно. Но ведь есть историческая память. Есть красивые легенды и сказания. В них пульсирует яркий поэтический образ – *Живая вода*. Одно дело, если он бесплотен, другое дело, если его можно попробовать на вкус.

Но время не перепишешь. Что есть, то есть...

Переходя к четвертому сказанию, хочу напомнить, что хан Тохтамыш, которому оно посвящено, то ли умер, то ли погиб в 1406 году. Это был человек с холодным умом, железной волей, неукротимым характером и честолюбивыми замыслами. Он был одним из правителей Золотой Орды, то есть орды, правитель которой восседал в шатре, крытом золотой тканью и украшенном золотыми обвязками. Это свидетельствовало о величии и могуществе хана.

¹ белый – значит счастливый, божественный

В 1382 году хан Тохтамыш организовал поход в русские земли и большой урон им нанес. Его жизнь – это цепь громких побед и столь же громких поражений. Но даже лишившись власти, загнанный в далекое сибирское поселение Кызыл-Каш на нижней Томи, больной и стареющий Тохтамыш мечтал вернуть себе безграничную власть в Орде. Его посланцы тайно отправлялись в разные стороны огромного золотоордынского ханства в поисках сторонников. Узнав об этом, эмир Идегей решил умертвить своего все еще влиятельного соперника. С этой целью он послал на Томь своего сына Нурданбека. Так это было или нет, трудно сказать. Доверимся легенде.

Могилла хана Тахтамыша

то было давным-давно, в незапамятное время. На берегу светлого озера Куль жил молодой старец Тахтамыш. Никто не знал, откуда он родом. Его привезли когда-то *килмешек* (пришлые) в боевых одеждах и связанным бросили. Он развязался и сделал лук с десятиглазыми¹ стрелами, которые, летя, свистели. Услышав этот свист, звери и птицы ошеломленно замирали, потом убитыми падали. Так Тахтамыш охотиться стал.

Однажды, исходив ноги по тайге, он уснул крепко, обняв пригорок с зеленой травой, как обнимают невесту. Тогда из травы появилась красавица и разбудила охотника.

– Тебя мне только не хватало, – обрадовался Тахтамыш. – Будь в моем доме хозяйкой.

¹ образное обозначение стрел с десятью отверстиями

С этими словами он надел на шею девицы свой платок. Так Тахтамыш обзавелся красавицей женой Томар, что значит «стрела с тупым концом». Такая стрела, попадая, не портит шкурки соболя, куницы, горносталя.

Стали люди приходить к Тахтамышу. Стал он приходить к людям. Слава о его уме и меткости далеко пошла. С молодыми он вел себя, как молодой. Со стариками, как старец.

Никто не мог победить его в рукопашной борьбе. Никто не мог сравниться с ним в мудрости. Имеющие много табунов *кааны*¹ считали за честь сесть с ним вокруг большого камня с плоской поверхностью, чтобы играть в кости. Много коней Тахтамыш у них выиграл, но всех, не жалея, отдал тем, у кого их не было. Лишь одного себе оставил — лучшего. Ак-Кулатом его назвал, что значит *бело-игрневый*². Так Тахтамыш обзавелся быстроногим скакуном и сам стал вместе с ним быстроногим.

¹ понятие, равнозначное слову *господин*

² игрневый (игрений) — конь рыжей масти с белесоватой гривой и таким же хвостом

Не было у Тахтамыша ближних врагов, но нашлись дальние. Явился однажды в Кызыл-Каш посланник одного из тех *килмешек*, что привезли его сюда связанным и бросили. Не стал говорить с ним Тахтамыш. Вместо этого навьючил на спину ему седло и, захохотав, отпустил.

Вот другой посланник пришел. Тахтамыш ему бороду обстриг, а это не меньшее оскорбление.

Тогда явился отомстить за прежние оскорбления третий. Это был настоящий богатырь — величественный, как кедр, с плечами, похожими на камни. Сидел он на мохнатом пятнистом коне, в руках держал многосильный меч.

— Покажи, на что ты способен! — вызвал он на поединок Тахтамыша. — Я вобью тебя, как острый кол, в землю!

Усмехнулся Тахтамыш, молча вскочил на Ак-Кулата и выехал на широкий луг перед озером. Был он ростом, как все, но вдруг стал великаном, подобным приезжому богатырю.

Удивились люди: как это может быть?! Стали дальше смотреть.

Тут гром над головой раздался. Солнце скрылось за черным туманом. Полетели по небу, как змеи, молнии. Посыпались, как железный дождь, удары. Кони птицами вились. Богатыри, как падающие скалы, сшибались.

Каждая капля крови, Тахтамышем пролитая, красной ягодой становилась. Каждая капля, приезжим богатырем пролитая, в жабу превращалась, прыгать начинала.

Семь дней так бились они. Семь ночей бились. Тут не выдержала Томар, юная жена молодого старца Тахтамыша, взмолилась:

— Оставь его, муж мой! Побереги себя!

Оглянулся Тахтамыш, хотел ей ответить. Но тут приезжий богатырь вихрем налетел на него

и снес мечом голову. Упала она и покати­лась по широкому лугу, так что луг вздрогнул. Захо­хотал победитель, сказал, обращаясь к голове:

— Когда ты был великим ханом, Тахтамыш, твои нукеры так же делали. Поставив побеж­денного у тележного колеса, они ровняли его ростом с чекой, отрубая голову. Вот и ты пожи­ви без головы. Боялись тебя люди. Боялись тебя народы. Ты растерзывал их, как лохмотья. Горо­да превращал в пустыни, дороги в цепи зловон­ных могил. Золото и шелковые ткани, сыновей и дочерей, волов и коней — всё, подобно ковру, ты сворачивал и увозил с собой. За всё плохое я тебе сейчас отомстил. Всё хорошее, что случи­лось с тобой после, останется здесь. Прощай!

Так сказал неизвестный богатырь и ускакал в неизвестном направлении.

Никто не стал его задерживать.

Все смотрели на отрубленную голову и удивлялись:

— Неужели все это время с нами жил вели­кий хан? Как мы этого не знали?

С почестями предали земле Тахтамыша люди. Под огромной лиственницей положили его — в боевых доспехах. В жертву Ак-Кулата по обычаю принесся, голову коня возле ног хо­зяина положили.

Стоя над могилой, самый старый человек рода сказал:

— Настоящему охотнику зверь сам в руки бежит. Настоящий хан в бою погибает. Искал на небе, а нашел у ног. Счастье переменчиво, но плохая ли, хорошая ли, память вечна. Будем ее хранить.

Что до юной жены Тахтамыша, то она, уз­нав, кого потеряла, бросилась в ближний во­доем. С тех пор он называется Черной речкой. Впадая в большую реку, Черная речка тоже

становится большой, и тогда люди называют ее Томар или Томой.

Жители сел Тахтамышево и Черная речка передают это предание из поколения в поколение. Время стирает его первоначальные краски. Ныне многие подробности утрачены, остались лишь общие очертания. Да еще картина талантливого художника, камнереза, всю жизнь проработавшего учителем в Тахтамышеве, ныне покойного Фариды Мухаммедовича Рецептова «Хан Тахтамыш». На ней изображен тот самый «молодой старец», о котором повествуется в сказании «Могила хана Тахтамыш». Давно нет ни этой могилы, ни огромной лиственницы над ней. Четыре с лишним десятилетия назад здесь прошла современная автострада. Каждый день из Томска и в Томск проносятся по ней сотни машин. Тем, кто находится в них, я хочу пожелать доброго пути и краеведческого интереса к этой дороге. На ней много и других памятных мест.

А теперь обратимся к сказаниям, уходящим своими корнями в шестнадцатый век.

Они наиболее известны томичам. Но в них действует уже не найманский хан Таян и не героиня шорского эпоса Таян-Арыг, а князь зуштинцев Тоян, имя которого пишется через «о».

Золотой аркан

коло большой реки на высоком месте, окруженном золотистым *карагайником* (сосняком), стоял хорошо укрепленный городок князя зуштинцев Тояна, а на другом берегу жил со своим племенем мурза Басандай. Хоть и соседи они были, а согласия между ними не было. Басандай тайком посылал своих людей в охотничьи уголья

Тояна, табуны своих коней, будто бы случайно, велел загонять на его пастбища, а когда в Эуште случилось несчастье, лопался от злой радости. Но при встречах речи его были слаще меда, а улыбка поползала до ушей.

Долго терпел его двуличие Тоян, наконец, не выдержал:

— Вор крадет у пешего, который не догонит, или у соседа, который постесняется спросить. Не встречал ли ты подозрительных людей в моих владениях, о светильник дружелюбия, Басандай?

Услышав это, тот оскорбленно метнул бровями молнии и, уперев в бока кулаки, ответил:

— В твоих словах я слышу яд подозрения, о Тоян. Лучше бы ты потерял дар речи, чем говорить такое.

— Почему и не сказать? — усмехнулся Тоян. — Грязь с одежды сходит при стирке, грязь с поступков — от прямых слов. Не станешь же ты со мной из-за них драться...

— Стану! — рассердился необъятный телом Басандай. — С водой не шути — утонешь, с огнем не играй — сгоришь.

Стали они драться. Три дня дрались, как два могучих быка, пока не упали без сил. Лежат голова к голове, а Таг Ээзи (дух тайги) наклонился над ними и советует:

— Если правая рука соседа затеет драку, пусть левая ее остановит. Разбросать легко, собрать трудно. Чтобы птица взлетела, ей надо два крыла. Одно крыло есть у Тояна — это его сын Ушай, умелый в восьми разных делах. Другое крыло есть у Басандая — это его юная дочь Тома, прекрасная, как утренняя заря. Породнившись ими, вы забудете свои споры.

Соединив силы, вы перестанете быть легкой добычей степняков, которые, приходя, разоряют ваши жилища, а тайгу выжигают вместе с травой. Не хотите думать о ней, подумайте о своем народе.

Опираясь на ладони, приподнялся Тоян и сказал Басандаю:

— Таг Ээзи правильно говорит. Горы не сойдутся, но мы — народ одной судьбы. Нельзя нам ссориться. Я беру свои слова назад и готов ради общей пользы устроить *кыс сурату* (свадьбу).

— Э, нет, — ответил Басандай. — Много могущественных владык хотело бы видеть мою дочь любимой женой. Молва о ее красоте достигла даже ушей Сарыг-хана (Желтого хана). Разве твой сын сравнится с ним? Разве остановит тех, кто сильнее Эушты?

— Кто хочет быть хитрее лисицы, того приходящие из дальних земель скоро в свою шубу превратят, — горестно вздохнул Тоян. — Прощай, не умеющий думать.

После этого они больше не встречались. Зато встретились Ушай и Тома. Во время охоты, преследуя сохатого, юноша и сам не заметил, как оказался в угодьях Басандая. Что случилось дальше, всякий может догадаться. Увидев девушку, Ушай стал подобен охваченному безумием — так преобразила его любовь. Увидев юношу, Тома расцвела, как невиданной красоты цветок.

В золотой аркан попался он. В золотой аркан попала она. С каждым днем этот аркан затягивался все туже и туже. Не проходило дня, чтобы Ушай не появлялся тайком у Белого озера, где они могли предаваться мечтам. Но даже самые красивые мечты когда-то

кончаются. Кончились и эти. Сарыг-хан и правда прислал однажды двенадцать своих доверенных людей, чтобы они заключили *кингеш* (свадебный сговор) с Басандаем.

— О, мой отец, — взмолилась Тома, — Я могу быть женой только одного человека. Это Ушай, сын благородного Тояна. Если он посадит меня

позади себя на коня, я буду счастлива. Другому я не дамся.

— Ты всего лишь дочь и должна меня слушаться, — рассердился Басандай. — Я лучше знаю, за чью спину посадить тебя.

Но не знал он, насколько верна своему слову его дочь. Когда за ней прибыл свадебный поезд Сарыг-хана, она вырвалась из рук родичей и, добежав до большой реки, бросилась в нее.

Ушай в это время охотился в верховьях другой реки. Узнав о смерти любимой, он бросился в нее и повернул течение в другую сторону. С тех пор эти реки нераздельны. Одну люди называют Томой, другую Ушай-ре или просто Ушайкой.

Времена приходят и уходят, но следы памяти оставляют. Остались они и на этот раз. После смерти Ушай и Тома Сарыг-хан решил отомстить Басандаю за дочь, которая его отвергла. Он велел разорить Басандаев городок, а самого мурзу зашить в лисьи шкуры и держать в них до тех пор, пока не задохнется. Так бесславно окончил свою жизнь Басандай. Что касается Тояна, то и до сих пор над Ушай-ре кружит седой сокол, похожий на него. Если бы мы могли узнать его мысли, то услышали бы следующее:

*Чтобы о земле судить, узнай —
покидают ее люди или нет.*

*Чтобы о детях судить, узнай —
верны ли они своим избранникам...*

Еще целый ряд легенд, дополняя одна другую, утверждают, что Тома была дочерью не Басандая, а Тояна. Такая перемена полюсов меняет и сюжет.

Ушай и Тома

то было, то давным-давно случилось. Большие кедры тогда еще только из земли показались, отцы теперешних стариков молоко матери сосали.

В те времена правителем Эушты князь Тоян был. Ростом он до половины большого кедра доставал, умом до облаков поднимался. От его забот Эуште хорошо жилось, лучше, чем людям его соседа Басандаю, на толстый мешок похожего.

Вот как в Эуште о соседях говорили:

Если ты войдешь к Басандаю,

И перед ним будет еда,

налитая в большую миску,

Он не даст тебе ни глотка.

Когда Басандай, насытившись,

спать ляжет,

Слуги-родичи, как журавли, склоняя шеи,

К обедкам его кругом соберутся.

Будут они доедать то, что осталось,

И клясться друг другу, говорить:

«Кто бы сейчас сюда ни вошел,

Не дадим никому ни кусочка.

Пусть отсюда дальше уходят,

не задерживаясь...»

Знал Басандай про такое к нему и его родичам отношение. Знал, но только посмеивался:

— Нет озера без лягушек. Пусть квакают. Много разных людей на свете, всех не накормишь.

Когда подросла дочь Тояна Тома, у Басандая слюни потекли:

— Хочу такую жену иметь. Старые все надоели. Сразу видно, дочь Тояна целомудреннее

сороки, белее яйца. С ней я быстро помолодею.

Посылая сватов к Тояну, он распорядился:

— Красивых слов говорить не стоит. Сразу скажите, какой калым (выкуп) я за невесту дам. Будем считать, тогда и сочтемся.

Но рано Басандай себя удачливым женихом почувствовал. Не нравился он Тояну. Его дочери Томе и вовсе противен был. Она любила Ушай, меткого стрелка из лука. Никаких богатств Ушай не имел, кроме чистой души и верного сердца.

В трудном положении оказался Тоян — дочь свою обидеть не хотел, но и поддержку сильного соседа потерять опасался.

Много обидчиков было у Эушты. То боевые кыргызы за алманом (данью) придут, то черные или белые калмыки нагрянут. Какая-никакая поддержка от Басандая все же лучше, чем ничего. Вот и велел Тоян передать ему:

— Есть у Томы еще женихи. Пусть всё решат состязания между достойнейшими.

— Не бывать этому! — ответил Басандай. — Знаю, с кем ты меня сравнить хочешь. С безродным Ушаем, которому самая большая цена — хромым конь. Я же владею тучными табунами. Поспеш с ответом, Тоян, не то я скажу всем, что обглоданную кость и собаки не гложут.

— Не конями ценится человек, делами, — сказал Тоян. — Между влюбленными садится только глупец. Сам подумай, зачем мне это?

— Тогда нам с тобой не по пути! — задохнулся от злобы Басандай. — Завтра ты будешь локти кусать, попомни, — и переметнулся на сторону врагов.

Тяжкое время для Эушты настало. С одной стороны степняки к Тоян-калле (Тоянову

городку) подступили, с другой стороны озлобленный Басандай накинуться готов. Вот-вот кровавая битва начнется.

Тут навстречу грозному войску вышел бесстрашный Ушай и вызвал на поединок сильнейшего из набежчиков. Если он победит — горе Эуште, если Ушай победит — позор степнякам. Тогда они по закону единоборства должны уйти без добычи.

Согласились набежчики, выпустили против Ушая богатыря всех богатырей Тезака. Схватка без промедления началась.

Без коней бились, без мечей бились, одними руками. То один поднимет противника вверх и клонит его к черной земле, то другой, вывернувшись ловко, пересиливать начинает. Ломали они друг друга, гнули, как черемуховые стволы, душили, кулаками били. Ни один другого не может свалить.

Вот сражаются они так, пока не кончится день. Вот сражаются они так, пока не кончится ночь. Вот сражаются они так, пока не сменяются луны.

Подбадривают Ушая Тома и народ Эушты. Подбадривают Тезака степняки. Только Басандай не знает, что делать. Когда Тезек теснит Ушая, дрожит от радости. Когда Ушай теснит Тезака, бледнеет от страха. Не нами сказано: выпивший яд, умирает один раз, предавший своих сородичей — тысячу раз. Он подобен утке, которая задом нырять пытается. Он подобен козе, которая при каждой стрижке умирает. Он подобен зайцу, у которого в глазах двоится.

Самое большое желание Басандая, чтобы Тезек победил. Самое большое желание Басандая, чтобы степняки Тоян-каллу разорили, а Тома стала его девятой женой.

Но не бывать этому. Из последних сил поднял Ушай Тезека и бросил в пыль, как гнилое дерево. От богатырского удара оторвались у Тезека могучие руки. От сокрушительного удара отвалились его крепкие ноги. От смертельного удара лопнула огромная, как котел, голова. Ползли из нее ядовитые шайтаны

(злые духи), запрыгали вокруг, как летающие кобылки, саранче подобные.

Увидев все это, степняки повернули коней и поскакали, не оглядываясь, прочь от Эушты. Следом поскакал Басандай со своими родичами. Но далеко ему не удалось убежать. Догнали его шайтаны, стали на куски рвать.

Кричал Басандай, будто его в кипящий котел посадили.

Когда из него дух вышел, шайтаны в Тоян-каллу болезни пускать побежали.

Не до Ушая людям стало, не до его победы. Нашествие шайтанов страшнее, чем нашествие степняков. От них даже самый умелый кам (шаман) не спасет.

Никто кроме Тома не заметил, как упал Ушай, как закрылись его залитые потом глаза, как захрипела всеми звуками его поломанная грудь, а его жизнь стала короче конского волоса.

Подстреленной птицей склонилась над Ушаем верная Тома.

— Если ты умрешь теперь, Эушта осиротеет, — поцеловала Ушай в плечо она. — И я осиротею вместе с ней. Ведь я поклялась быть твоей женой. Не оставляй меня, Ушай. Я хочу войти в твою юрту, одеться в сукно и шелка. Этого желает каждая девушка. Дай мне баюкать твоего ребенка.

— Если я умру, небо ведь не обрушится, — погладил он ее косы, — Не упадет на землю. Я сделал все, что мог. Остальное не в моей власти.

Так разговаривали они до последнего вздоха.

— Утешься, милая, — успокаивал Тому Ушай. — Сердце мое восхваляет тебя. Ты прекрасна! Никогда я не стану старым. Это значит, никогда не состарится нашей любви.

— Никогда! — эхом откликалась Тома, — Куда бы ты ни ушел, я последую за тобой.

Вот и настал смертный час Ушая.

Окаменела у его изголовья Тома. Лишь слезы текли из ее бездонных глаз. Они текли все сильнее и сильнее, пока не превратились в Белое озеро.

Подошел к озеру мальчик, отравленный шайтанами, вышедшими из головы чужедальнего богатыря Тезека, напился и сразу здоровым стал. Тогда все, кого поразили такие же болезни, последовали его примеру — и тоже исцелились.

Жизнь и радость вернулись в Эушту, но уже без Тома и Ушая. Их путь рекам подобен. Их любовь Белому озеру сродни. Правильно сказал Ушай: такая любовь никогда не состарится.

Особым разнообразием сюжетов сибирский народный эпос не отличается. Вот и томские сказания имеют похожую конструкцию: любовь-ненависть становится в них причиной поединка, а поединок венчает торжество или гибель главных героев. Но важна ведь не только сюжетная конструкция. Не менее, если не более, важны мотивы любви-ненависти. А вот тут в творческой палитре сибирских певцов-сказителей обнаруживается удивительное разнообразие жизненных коллизий, умение выделить главное, вложить в текст свои сокровенные мысли и чувства, найти единственно верные краски.

Главная причина поединка в первом из приведенных выше сказаний — месть пастуха Ушая своему поработителю хану Таяну. К ней по ходу действия добавляется другая — борьба за внезапную любовь к Томе, молодой жене хана. Во втором сказании богатырь Эушт сражается со звероподобным чудовищем и черным богатырем, чтобы породниться с Духом Тайги и Золотым Кедром,

стать жителем сибирского края. В третьем он совершает подвиг самопожертвования, а это тоже поединок, но уже с самим собой. Хан Тахтамыш бьется за власть с богатырем, олицетворяющим тех, кто отнял ее у него. В следующем сказании борьба отцов, Тояна и Басандая, приводит к гибели детей, влюбленных друг в друга. Та же борьба отцов в сказании «Тома и Ушай» обостряется изменой Басандая Эуште. А измена у любого народа – это самое тяжкое преступление. Ведь родная земля – «золотая колыбель».

Не только в татарских народных сказаниях, но и в царских грамотах начала семнадцатого века имя мурзы Басандая упоминается с той же отрицательной оценкой – «вор и изменник». Борясь за старшинство в Эуште, он стал врагом бикмурзы (князя) Тояна, решившего объединиться с Русией (так во многих документах того времени обозначалась Россия). Сам же Басандай считал, что Эушта должна стать вассалом могущественных владык южной Сибири. Ведь они тоже тюрки, а не иноверная и иноязыкая Хаданга (Россия).

Казалось бы, чем его выбор хуже того, что сделал Тоян? Ведь им двигали чувства, которые вполне можно отнести к патриотическим.

Так-то оно так, да не совсем так. В рецензии на мой исторический роман-трилогию «Клятва Тояна» («Русский писатель», № 22, 2005) народный поэт Алтая Аржан Адаров ответил на этот вопрос так: «Тогда карта Сибири была пестрой, многонациональной, наполненной бесчисленными противоречиями. Крепко стояли Джунгарские ханства Тербен-Ойротов, монгольских Алтын-ханов, Бухарского эмирата, султаны черных киргизов. До сих пор почему-то принято считать, что от монголо-татарского ига пострадала только земля русская. От этого ига в первую очередь пострадали народы Сибири, Казахстана, Средней Азии. Только политика, объединяющая и защищающая мирные племена от бесчисленных набегов воинственных народов, помогли России укрепить свои позиции и освоить богатейшую страну Сибирь (...). Сама история разрушает бытующую еще у части историков и недобросовестных политиков

версию о сугубо насильственном присоединении Сибири к России, о порабощении русскими сибирских народов. В действительности всё происходило сложнее и вместе с тем проще. Закон выживания диктовал необходимость для малочисленных племен встать за спину сильного, приняв его подданство. Именно так поступил Тоян. Хочется подчеркнуть: сам, по собственному желанию, исходя из исторической необходимости».

В то время, когда двести пятьдесят казаков разных национальностей (большинство составляли русские, но были и поляки, литовцы, малороссы (украинцы), белорусы, чуваша, мордва и другие), сто Кодских остяков (кеты, ханты, селькупы) и столько же зуштинцев строили Томск, а сменившие их «годовальщики» обживали город, Басандай козни «против Москвы» строил. В 1605 году, как следует из отписки Кетского воеводы Постника Бельского, открылся у него в крепости заговор. Один из заговорщиков на допросе показал: «присылали де к нам зимою томский князец Басанда да киргисский князец Номзи Чюлымского князьца Лачу (...) и велели де нам (...) Кетцкий острог взяти и государевых служивых людей побивати (...) и хотят приходить к Томскому городу в деловую пору, как люди разойдутся на пашни и на рыбную ловлю, и промышлять над Томским городом всякими мерами (...) и нам де грозили: не возьмете де вы Кецкого острогу, и мы взем Томской город, да вас всех побьем (...) И женки приходя, сказывали, что есть над Томском городом умышление».

Не сохранилось сведений, что случилось с Басандай-Басандаем после того, как томские воеводы получили из Кетска это предупреждение.

Двумя годами позже в Томске «учинилася бесовская болезнь со служивыми и надо многими людьми и над жёнками». Ее тоже связали с кознями Басандая. Из этого можно сделать вывод, что все это время он благополучно скрывался от расправы, а попался на новом «умышлении» – когда напускал «шайтанов для болезни». Позже его имя в документах не встречается. Это может означать одно: Басандай «убран с дороги».

Иное дело Тоян. Последние сведения о нем относятся к 1621 году. Полтора с лишним десятилетия он крепил отношения Томска, а следовательно России, с предводителями других сибирских племен. Благодаря Тояну присягнул на верность Москве предводитель телеутов зайсан Абак. Томские воеводы обязались оберегать его от «мунгальского Алтын-хана и Казакской орды», разрешили кочевать «блиско Томского города», «устроить за рекой калмацкий торг», а «ясаку за то не давати» (то есть торговать без пошлин). Вот как описал посредничество Тояна томский дьяк:

«Ныне, во 117 году¹ февраля в 4 день посылали к Обаку князя Тояна да томских казаков Ивашка Колонну, да Ваську Мелентьева, да Ивашка Петлина, велели звать князя и лучших мурз к царскому жалованью (...) Обак приехал, с ним мурзы и лутчие люди... Царсково жалованья дали Обаку князю: однорядку² малиновую, лундыш³, да рубашку золотую, да колпак, да сапоги, а мурзам по однорядке рословской (...). После Обак и мурзы калмацкие почали часто з базаром с лошадьми и коровами приходить в Томской город, и коровами служивые люди наполнилися...».

Так на томской земле начиналось животноводство.

Летом того же 1609 года на дальние пастбища Эушты напали воинственные кужегеты. Табуны коней и отары овец захватили они, но далеко отогнать не успели. На пути их встал Абак со своими воинами. Пришлось кужегетам, бросив добычу, убираться восвояси. За такое «братство» томские воеводы наградили его однорядкой «из добрых сукон» и не менее «добрым» кафтаном.

Не раз потом казаки, зуштинцы и телеуты сообща сдерживали натиск енисейских киргизов и черных калмыков, известных под именем джунгар. Порой и сами в наступление переходили. Но так было не всегда. Порой согласие между ними вдруг сменяла вражда.

¹ то есть в 7117 году от сотворения мира или 1609 году от Рождества Христова

² долгополый однобортный кафтан без ворота

³ верхняя одежда

Причин для этого хватало. То воеводы своих обещаний не выполнят, то Абак начнет лавировать, более выгодных союзников искать.

По «калмацкому торгу» можно было судить, в каких они «сей день» находятся отношениях. Если ломится от людей и скота – «дружат», если почти пуст – «сердятся».

Торг просуществовал до 1662 года. Благодаря ему в земляном городке на Юрточной горе осело немало чатов и телеутов. Они легко нашли общий язык с эштинцами и бухарцами (так здесь называли мусульман из числа среднеазиатских купцов, ремесленников и караванщиков). В 1631 году воевода Петр Пронский всех их «перевел в Нижний острог» на притомские заливные луга (ныне район Московского тракта). Горожане называли этот район Заисточьем. Так возникли татарская слобода и улица Татарская. Здесь и рождались первые томские сказания – на пересечении языков, судеб, верований и обычаев.

Фантазия народных сказителей имеет удивительное свойство: крупницы подлинной истории она укрупняет, расцветчивает воображением, делает занимательным и непременно поучительным. Взять хотя бы сказание «Ушай и Тома». Оно учит беззаветной некорыстной любви. Оно напоминает: яд отступничества губит (или должен губить!) прежде всего самого отступника. Таков закон если не жизни, то справедливости.

А теперь мне хочется познакомить читателей с «Легендой о Томе», написанной в наши дни Татьяной Ефремовной Мейко. Она писатель, автор книг «Сад судеб» (1994), «Сказки Мейко» (1994), «Красное словцо» (2002), «Сказки» (2004). Уже по названиям ее сборников можно понять, как сильны в ее творчестве фольклорные мотивы. Меняются времена, взрослеют и развиваются народы, сближаются их обычаи и традиции, иными становятся вкусы и устремления, но в душе человека всегда живет мечта об ослепительной любви и верности, красоте и счастье, мужестве и справедливости. Этим и определяется сегодня интерес к сказовым и сказочным произведениям. Этим, думается, интересно и писательское прочтение томских легенд Татьяной Мейко.

Легенда о Томе

Славился князь Тоян не богатствами несметными, не многочисленным войском, не лихими набегами, а миролюбием, рассудительностью и радением о благе родного племени. Много поколений прожило племя оседло, не меняя стойбища, но не скудели пастбища, не переводилось зверье в лесах и рыба в реках. И благодарили за это люди Духа тайги, и поклонялись священному кедру, растущему на семи ветрах.

А еще славился Тоян красотой сестры своей — Тома. Немало было красавиц в округе, но все они тускнели рядом с молодой княжной, как звезды при луне. Даже птицы не смели петь до ее пробуждения, а ждали, когда с восходом солнца выйдет Тома, чтоб славить песней рождающееся утро, и только тогда вплетали в ее напев свои голоса, как бисер в золотое шитье. А по вечерам собирались все около белой юрты, как сердце в груди, расположенной в центре стойбища, рассаживались вокруг прозрачного родника, слушали старинные баллады и рассказы о богатырях, основавших племя. И тянулся от Томиной юрты к небу голубой дымок, как жилка, отходящая от сердца.

И как не спрятать в чистом небе полную луну, так не скрыть было красоты Томиной. Даже из-за далекого Урала приезжали отважные молодцы, чтобы только взглянуть на нее, а с высоких южных вершин приносили породистые скакуны горячих джигитов, надеющихся заслужить ее расположение. Но давно уже отдала Тома свое сердце молодому Ушаю,

самому лихому наезднику, удачливому охотнику и рыболову.

Прослышал о Томе калмыцкий хан Тайшан. Была и у него своя мрачная слава: черным дымом тянулась она вслед за ним, когда смерчем налетал он на мирные племена, и как стадо оставляет за собой вытопанную степь, так оставалась за ним опустошенная земля. Но гордился Тайшан этой славой, как кичился табунами неслитанными, несметными стадами и отарами.

И вот приехал калмыцкий хан к Тоюну с дорогими подарками да со сватами. А сватов тех была тьма, и все на борзых конях, в полном воинском снаряжении. Хозяином разъезжал он по становищу в золотом седле с золотыми стремянами, хвастал золотой рукоятью сабли, ножами с драгоценными камнями, слитками серебра и золота.

Укрылась Тома от непрошеного гостя в юрте. Спадали ее черные волосы, как тучи, на лунный лик. И как луне нечем отвести тучи, так же без сил лежали руки Тома. Рядом с ней был верный Ушай, он то садился, закрывая лицо ладонями, то вскакивал и потрясал кулаками, посылая проклятья Тайшану, то клялся своей возлюбленной в вечной преданности и уговаривал ее бежать с ним в тайгу. Но качала Тома опущенной головой.

— Как могу я спасти себя, бросить племя, оставить брата, заменившего мне отца?

Словно дымом заволокло лицо Ушая.

— Может быть, вы с Тайшаном уже в сговоре?! Может, привлек он тебя дорогими посулами? Если так — не стану мешать, мне ведь нечего подарить тебе, кроме этих рубиновых бус, которые я выменял за сто собольих шкурок и берег к нашей свадьбе. Возьми их в знак

моей любви и знай: огонь моего сердца жарче этих рубинов!

Надела Тома бусы и гордо вскинула голову.

— Ни минуты не буду рабой проклятого хана! Если придется пожертвовать собой ради племени, судьбу мою решит вот этот кинжал...

Три дня попросил Тоян у калмыцкого хана для принятия решения. А когда отошло за холм чужое войско, собрал он совет племени у юрты, стоящей, как сердце, посреди стойбища, и сказал:

— Как вырвать сердце из груди, как отдать свирепому Тайшану нашу Тому? Но не потерпит он отказа — всех погубит, все выжжет дотла... Свернем же юрты, возьмем детей и на рассвете снимемся с места, уйдем далеко в тайгу.

Молчание повисло над становищем. Тяжело уходить с обжитых мест, от священного кедра, от родных могил в чужие и неведомые края. Смотрела Тома на суровые лица мужчин, на рыдающих женщин, на седых стариков, украдкой утирающих слезы, и все ниже опускала голову, скрывая прекрасное лицо и проклиная свою красоту.

Тихо встала она, никем не замеченная, ушла в тайгу, чтоб собраться с мыслями и попрощаться с родными местами. С детства известными тропинками поднялась на холм, туда, где травы были особенно густы, где сплетались друг с другом сосны ветвями, где на семи ветрах рос священный кедр. Прижалась к его темной коре, услышала, как поднимаются по исполинскому стволу соки от земли к вершине, уходящей под облака, и взмолилась:

— Всё готова отдать за родную землю, за могилы предков! О, священный Дух тайги, тесно душе в груди, возьми мою жизнь, но спаси племя.

Разом вздохнули семь ветров. Заскрипел, застонал старый кедр, загудела вековая хвоя. И, откликнувшись на ее мольбу, ответил Дух тайги:

— Человек на земле, как хвоинка на сосне — ничтожен и скоротечен его век. Не одну, а три жизни придется отдать тебе, чтоб спасти племя Тояна от нависшей над ним беды. В первый раз умрет твое прекрасное тело, но воскреснет и останется жить на свете твой дух. Во второй раз умрет твой гордый дух, но останется жить в мире память о тебе. Но пройдет столько дней, сколько хвоинок на моих ветвях, и исчезнет даже память. Ничего не останется от прекрасной Тома.

— На всё готова ради родного племени, — не задумываясь, повторила девушка.

На следующее утро проснулась она не от пенья птиц, а от свиста стрел и звона сабель. Выскочила из юрты — дымом пахло в лицо.

Коварен был Тайшан, проведал о планах Тояна и, никогда не знавший отказа, в бешенство пришел. Грозовой тучей налетело на становище калмыцкое войско. Бесстрашны были защитники родной земли, но слишком неравны силы. Сражаться с ордой Тайшана — что саблей ночь рубить. Бросилась Тома на калмыков, как на острый клинок. Смерти искала, но попала в полон.

* * *

Привез калмыцкий хан красавицу княжну к себе на Алтай, в высокую башню над каменистым ущельем. Самодовольно скалил он зубы, пытаясь улыбнуться, но от этого становился лишь безобразнее.

— Все, что пожелаю, будет моим! Захочу луну с неба, и она не посмеет противиться.

Так будь же разумной — если станешь ласкать меня и веселить песнями, сделаю тебя любимой женой...

Задрожала Тома, как натянутая тетива.

— Одну песню хочу подарить тебе — песню стрелы, которая вонзится в твое сердце. Вечно буду верна племени Тояна и возлюбленному моему Ушаю.

Сжал Тайшан, как змею, кнут в кулаке.

— Нет больше твоего племени. Там, где ты жила, нынче летают вороны, а скоро всё зарастет полынью и крапивой. Шаманы уже накинули на ваш стан аркан своего заклятия, и те, кого не порубили мои удалые воины, скоро подохнут, как отравленные мухи. Плачь по ним. Плачь до тех пор, пока не наполнится слезами каменное ущелье под твоими окнами. Может быть, тогда я пожалею и помилую тебя.

Ударил он плетью по полу с такой силой, что след отпечатался на камне, и вышел вон.

Только оставшись одна, дала волю слезам гордая Тома. Горе, переполнявшее ее грудь, ручьями хлынуло из глаз. Эхом отозвался в горах ее скорбный плач. И содрогнулись горы, заплакали вместе с ней — полились по ущелью прозрачные ключи. Залились слезами небесные тучи, заклекотал, зарыдал орел, круживший над ущельем, и к утру доверху наполнилась огромная скалистая чаша...

Увидев это, Тайшан пожелтел от злобы.

— Все равно твое сердце будет моим, даже если мне придется вырвать его из твоей строптивой груди, — взвизгнул он, протягивая к ней жадные руки.

Переполнилась душа гневом и горечью, рванулась из груди, вскрикнула Тома и бросилась из окна прямо в ущелье меж скал.

Сотряслись горы, содрогнулась каменная чаша, выплеснулась из нее вода и хлынула наружу. Взметнулась волна так высоко, что затопила дворец Тайшана и с яростью обрушилась на калмыцкое становище, все разрушая на своем пути.

А освобожденный дух Тома, вырвавшись из плена, вместе с водным потоком помчался на север, к родной земле.

* * *

Развеялся дымок над Томиной юртой, оборвалась голубая жилка...

Когда отступило войско Тайшана, не нашли Тома ни среди живых, ни среди раненых, ни среди убитых. Вскочил Ушай в седло, чтоб мчаться на поиски, но остановил его Тоян.

— Мы стрелы в общем колчане, — сказал он, — и каждая стрела должна бить в цель. Много мужчин полегло в битве, если мы с тобой уедем, кто будет охотиться и кормить племя?

Послушался Ушай, но не смирилась его душа. День и ночь, гонимый тоской, скитался он с колчаном и стрелами по лесам и лугам, но мало приносил добычи. Зоркий глаз мутнел от слез, дрожала прежде верная рука, и легкий луг оттягивал плечи. Хуже вражеского полона плен тоски — не порубить ее саблей, не ускакать от нее на лихом коне.

Вот едет он, к гриве коня припадая. Кружит орел в небе. Тревожно кричат птицы, рвут в клочья утреннюю тишь. И разрывается сердце. Солнце поднимается, окрашивая речку в алый цвет, обагривая стволы сосен. Кровью обливается сердце. А орел над головой все кружит, кружит, все ниже опускается... Окликнул его Ушай:

— Ты все видишь сверху, скажи, где возлюбленная моя Тома, жива ли она?

Камнем устремился вниз орел и уронил к ногам Ушай красные рубиновые бусы.

Поднял их Ушай и все понял. Стрелой вонзилось в сердце горе, оборвалось дыхание, и как подстреленная птица, кинулся он в реку с высокого утеса.

* * *

Мчится с алтайских гор живой поток, бурлит, кипит, пенится, льются с ним слезы Томины. Вот показалась вдали крона священного кедра. Взволновалась душа Тома и вышла из речной пены, легким облачком полетела над землей.

Узнав ее, веселее запели птицы, громче зашумели деревья, и в ответ просветлела душа Тома, отрадно ей было вновь увидеть родные места, пройти по своим заветным тропинкам, услышать птичьи голоса и горьковато-сладкие запахи цветов. С каждой минутой становилось ей все радостней, все легче, поднималась она все выше, выше...

И вот уж видит она мир сверху: леса, поля, реки большие и малые, родное становище и дым над юртами, различает знакомые лица, скорбные складки у губ, морщины у глаз и слезы, слезы... Слышит скорбные вздохи, болезненные стоны и плач. Новая беда арканом давит племя — раненые, искалеченные, изнуренные горем и голодом люди задыхаются, пораженные неизвестной болезнью, о которой не слышали даже старики.

Увидев все это, вновь отяжелела душа Тома и опустилась в самом центре становища, возле опустевшей белой юрты и осиротевшего

родника. Несколько дней прожила она в родном племени. Невидимая, неузнанная, ходила от юрты к юрте, обнимая всех душой, скорбела со скорбящими, плакала с плачущими, утешала сердца больных и убогих, играла с детьми, но большего сделать не могла — неведомая болезнь по-прежнему свирепствовала, унося все новые жизни.

И тогда пришла Тома на свое заветное место к священному кедру и во второй раз взмолилась:

— О, священный Дух тайги, возьми мою вторую жизнь, но сохрани племя.

Зашумели семь ветров, загудела вековая хвоя, и ответил Дух тайги:

— Есть на вершине холма озеро. Если войдешь в его воды со всей своей любовью к людям и родному краю, то освятится оно и станет целебным. Тогда племя Тояна будет спасено, но от тебя ничего не останется, кроме недолгой памяти.

Светлым дождем поутру сошла Тома на родное становище. Сжалось в эту минуту сердце Тояна, тревожным стуком отозвалось на стук дождя. Вышел он из юрты и увидел: на востоке сияющим шатром раскинулась радуга, а под ней стоит Тома, вся словно сотканная из утренних лучей.

«Видно, за мной пришла ее душа», — подумал он, и не было в его сердце печали, только жалость и тревога за судьбу племени.

Скоро все вышли из юрт и обратили лица к прекрасному призраку. А Тома протягивала руки, словно хотела обнять всех сразу и звала, манила, как манит из сумрачного жилища теплый солнечный день. И люди, не сговариваясь, пошли за ней.

Повела она их на восток, то исчезая, сквозя легким туманом через сеть ветвей, то вновь появляясь вдали. Высок холм, тяжело подниматься больным изнуренным людям, но обращивалась Тома, улыбалась каждому и сил придавала. Скоро оказалось племя Тояна на вершине холма, у большого круглого озера, белесого от утренней дымки тумана и отраженных в нем белых стволов берез.

Столпились люди на берегу, тесня друг друга к воде. В последний раз показалась Тома на островке в самом центре озера — в своем истинном облике, такой, какой знали и любили ее при жизни. С радостным криком кинулись люди в воду, но тут же исчезло видение, растворилось, растаяло вместе с утренним туманом.

Во второй раз умерла Тома. Но люди, омывшись в освященном ею озере, исцелились и возродились к жизни.

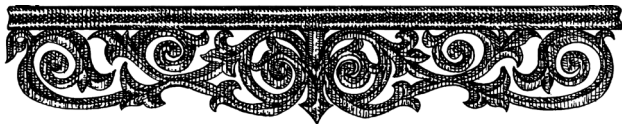
* * *

С тех пор минуло столько дней, сколько хвоинок было на священном кедре. Забылись былые печали. Но не сбылось третье предсказание Духа тайги. Не умерла в людских сердцах память о прекрасной девушке, бесконечно любившей свой край и свое племя.

В память о ней назвали реку Томь, текущую с гор Алтая. По имени реки назван город Томск, выросший на месте древнего стойбища. Даже память о влюбленном Ушае сохранилась в потомках Тояна: безымянная речка, в которой утопил он свое отчаянье, бросившись вниз с утеса, зовется с тех пор Ушайкой. Течет она с востока на запад через весь город, торопится и, только встретившись с Томью, соединив с нею воды, смиряет свое волнение и успокаивается.

Как чуда живьем закопалась

«Предание о княжне Томе и Ушае», записанное И.М. Мягковым в 1918 году у деревни Кафтанчиково, начинается так: «Это было давным-давно, когда только что появилось «белое дерево» (береза), признак несчастья для чуди. Дерево, предвещающее порабощение Сибири белым царем...».

О каком белом царе говорится в этой легенде? – Принято считать, об Иване Грозном. Ведь именно при нем атаман Ермак «со товарищи» Сибирь завоевал. Вот и стал Грозный величаться не только «всея Руси самодержцем», но еще и «царем Казанским, царем Астраханским, царем Сибирским».

О том, что Ермак завоевал Сибирь, мы знаем из школьных учебников, художественной и другой литературы. С одной стороны он рисуется в ней отважным и справедливым атаманом, с другой – именуется завоевателем. Возникает двойственность. Ну, как может народный герой, воспетый в сказаниях и песнях, быть захватчиком, поработителем?

Не знаю, как других, а меня этот вопрос не на шутку взволновал. Поэтому, наверное, став студентом историко-филологического факультета ТГУ, я обратился за ответом к научным источникам. Тогда-то и осознал по-настоящему, что история Сибири вовсе не временами Ивана Грозного начинается, а уходит в далекое

прошлое, наполненное многочисленными междуусобными войнами и одновременно многонациональной колонизацией, как мирной, так и насильственной. Не учитывая того, что предшествовало походу Ермака, трудно найти правильное определение его действиям. Но я для себя нашел: Ермак был *отвоевателем*. В том смысле, что вернул военным и в то же время дипломатическим путем несправедливо захваченное. Судите сами.

В 1555 году правители Сибирского ханства Едигер и Бекбулат отправили своих послов Тягрула и Панчяду в Москву просить, чтобы Иван Грозный «всю землю Сибирскую взял во свое имя и от сторон ото всех заступил». Прежде всего от сына бухарского хана Муртазы Кучума, правнука Чингисхана, который давно на эти земли зарился. Первую часть просьбы сибирских ханов Иван Грозный не медля выполнил, объявив, что принимает Сибирь «под свою высокую царскую руку», а вторую не успел. Силами бухарских, ногайских и башкирских боевых отрядов Кучум захватил-таки Сибирское «царство» и, умертвив Едигера и Бекбулата, обложил все мужское население Среднего Приобья непосильной данью. Более того, таежных жителей, поклонявшихся идолам и кумирам, в ислам силой стал загонять.

Восемнадцать лет – срок немалый. Столько продержался у власти Кучум-хан. А «збил его с куреня», как свидетельствовали летописцы того времени, казачий атаман Ермак с дружиной. Без ведома Ивана Грозного сбил, «своим промышлением». Но от этого его заслуга меньше не становится. Напротив. Ермак сделал то, что не удалось Ивану Грозному. Он на деле соединил Сибирь с Россией, как хотели того законные сибирские правители Едигер и Бекбулат. Разве можно его после этого назвать «поработителем»? Не зря в сибирском фольклоре о Ермаке говорится: «Добром пришел – добром встречен!». Такова истинная оценка его роли в сибирской истории.

А разве томская Эушта присоединена к России насильно? Князь Тоян не стал посылать к русскому царю доверенных людей, как Едигер и Бекбулат, сам к нему с челобитьем отправился. Решил встать за спину Москвы.

Работая над романом «Клятва Тояна», очень удивился я тому, что профессиональные историки эти два события (1555-й и 1604-й) между собой никак не сближают. А ведь внутренняя связь между ними несомненно есть. Такое повторение истории случайным не назовешь. Соправители Сибири Едигер и Бекбулат и князь Тоян правили в разное время и в разных местах Приобья, но логика их действий, их надежды и дальнейшее видение удивительным образом совпадают. Это говорит о том, что не только Москва стремилась в Сибирь, но и Сибирь – к Москве.

Много нового я открыл для себя в студенческие годы. Запало в память и странное слово *чудь*. Им обозначалось либо финское племя, либо народ странный, чужой и даже чудовищный. Вот и обратился я за разъяснениями к «Толковому словарю живого великорусского языка» Владимира Ивановича Даля. В нем говорилось, что *чудь* – это «народ-дикарь, живший, по преданию, в Сибири, в *бузгах* (курганах, могилах); испугавшись Ермака и внезапно явившейся с ним белой березы, признаке власти белаго – царя, *чудь* или *чудаки* вырыли подкопы, ушли туда со всем добром, подрубили стойки и погибли».

Несколько позже я узнал, что в своей книге «Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни: опыт славянской археологии» (Томск, 1898) основатель и строитель Томского императорского университета, крупный ученый в области медицины и археологии Василий Маркович Флоринский дал не менее диковинные сведения о чудди. По его версии – это одно из угро-финских племен. Вышло оно из Центральной Азии и, согласно легенде, основало свою столицу не где-нибудь, а на месте современного Томска – у Белого озера на Воскресенской горе. Столица эта называлась по имени верховного языческого божества чудди Волохом или Старгородом. А крестили чудский народ в водах Белого озера сошедшие с грозового неба апостолы Фома и Варфоломей. Отсюда *чудь* стала двигаться на запад. Смешавшись там со славянским этносом, она образовала Русское государство со столицей в Новгороде (859).

В той же книге Флоринский высказал и другое предположение: томская земля и ее городища могли входить в состав Биармии, то есть Пермского государства, центр которого находился на Северном Урале. После того, как Биармия стала вотчиной Великого Новгорода, она получила другое наименование – Югра.

Современник Даля и Флоринского В.И. Вербицкий, автор книги «Алтайские инородцы» (1883), в своих выводах тоже опирается на легенды.

«По всеобщему преданию алтайцев, – писал он, – во времена отдаленные Алтай населен был чудью, не имевшей ни ханов, ни зайсанов. В то время не было ни одной березы. Как скоро появилось это необычное дерево, чудь умозаключила, что ей несдобровать. Выкопали ямы, утвердили в них столбы для потолка из камней и земли, забрались в эти ямы, подрубили столбы и тем, без дальних хлопот, все дело покончили. Курганов, или больших конусообразных ям, обложенных камнями, которые инородцы признавали за могилы предшествовавшего им народа, в разных местах Алтая весьма много... Внутри некоторых курганов видны деревянные срубы и были находимы медные стремена, монеты и другие металлические вещи».

По Вербицкому выходит, что именно необычное (срубам) устройство некоторых алтайских курганов и родило у певцов-сказителей представление о чуде, как о закопавшем себя заживо народе. Но не только это заметил я в его исследовании. Как и Флоринский, он предлагал заглянуть в глубинные пласты истории. Информация этих исследователей меняла и смысл зачина в «Предании о княжне Томе и Ушае». Белым царем-поработителем, при котором в Сибири появилось «белое дерево» береза, становился уже не русский царь Иван Грозный, а неизвестный правитель тех стародавних времен, когда еще не было ни ханов, ни зайсанов.

«Что же это за времена? – задумался я. – Похоже, скифские».

Если так, то это период с VII века до нашей эры по III от Рождества Христова. Как известно, скифы оставили

свой след не только в Северном Причерноморье, но и в степях Срединной Азии. С одной стороны – это предки славян, их донской и запорожской вольницы, с другой – смесь воинственных племен кочевой Евразии. Если судить по изображениям на золотых и серебряных сосудах из скифских погребений, это были длинноволосые и длиннородые «белые» люди. Древнегреческий историк Геродот встречался со скифами в 450 году до нашей эры на землях нынешнего Поволжья. По его описаниям, это был жестокий, закаленный в боях, невоздержанный в употреблении вина и в то же время благородный, отважный, справедливый народ, ласковый к чужестранцам, искусный в земледелии, беспредельно преданный своим вождям и родным.

Вот и Александр Блок в своем знаменитом стихотворении «Скифы», обращаясь к «старому миру» Европы, писал:

Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.

Попробуйте, сразитесь с нами!

Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,

С раскосыми и жадными очами!

Для вас – века, для нас – единый час.

Мы, как послушные холопы,

Держали щит меж двух враждебных рас

Монголов и Европы!

.....

О, старый мир! Пока ты не погиб,

Пока томишься мукой сладкой,

Остановись, премудрый, как Эдип,

Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,

И обливаясь черной кровью,

Она глядит, глядит, глядит в тебя

И с ненавистью, и с любовью...

Таким образом, история говорит, что поработителями мифической чуди вполне могли стать азиатские скифы. Но и не только они. В начале нашей эры из монгольских степей выкатилась могучая «панцирная» конница гуннов (хунну), ураганом прошла по Сибири,

разоряя, уничтожая или поглощая в своем стремительном круговороте «насельников» этих мест. Обойдя Камень (Уральские горы), она двинулась дальше, присоединяя к себе славянские и другие племена. Это постепенно меняло облик и обычаи гуннов. В низовьях Дона и Днепра к ним примкнули скифы-савроматы. Вместе они, как пишут историки, выступили против «Немецких или, как их тогда называли, Готских областей. Повсюду разнесся слух о появлении неведомого диковинного народа, который то как вихрь спускался с высоких гор, то будто вырастал из земли и всё, что ни попадалось на пути, опрокидывал и разрушал».

В тех же «Скифах» А. Блока есть такие строки:

*Но сами мы – отныне вам не щит,
Отныне в бой не вступим сами,
Мы поглядим, как смертный бой кипит,
Своими узкими глазами.*

*Не сдвинемся, когда свирепый гунн
В карманах трупов будет шарить,
Жечь города, и в церковь гнать табун,
И мясо белых братьев жарить...*

Однако вернемся в монгольские степи, откуда начался завоевательный поход народа-войска хунну. Согласно его преданиям, прародительница монголов Алан-Гуа зачала своих сыновей от светло-русого (то есть белого) человека, который каждую ночь таинственно появлялся в ее юрте, влетая через дымник.

Вот и Ушай из томского сказания «Схватка в небесах» пел:

*Мой отец с русыми волосами
И повязкой на лбу, не похожий на остальных.
Эй! Эй! Эй! Эй!..*

Отец его, плененный ханом Таяном, мог быть знатным воином или предводителем одного из завоеванных найманами племен, а сам Таян – потомком христианского короля Иоанна, описанного монахом-францисканцем Виллемом Рубруком. Я уж не говорю о легендарном царе Иване, очень похожем на этого самого Иоанна.

Вот сколько претендентов на роль белого царя из «Предания о княжне Томе и Ушае» вдруг обнаружилось

– азиатские скифы, гунны, найманы, монголо-татары Чингисхана, его бухарский потомок хан Кучум...

«Тогда какое же именно племя подразумевается под словом *чудь*?» – загорелся я желанием до конца расшифровать зачин этого предания.

Чем больше думал, тем сильнее склонялся к мысли, что речь в нем идет о динлинах. И вот почему.

В курганах Западной Сибири и Центральной Азии археологи нашли немало погребальных масок как с монголоидными, так и европеоидными чертами лица. Последние принадлежали племенам, жившим здесь еще в первом веке до нашей эры. Летописцы именовали их динлинами. Это был оседлый народ. Землянкам и юртам он предпочитал крепкие рубленые дома. Поселения ставил по берегам больших рек. Умел добывать и плавить медные и железные руды, делать из них ножи, пики, мотыги и многое другое. Динлины занимались охотой и рыбной ловлей, знали земледелие. Разводили лошадей, коров, овец. Ездили не только на телегах, но и на колесницах.

По мнению таких авторитетных ученых-исследователей, как Н.А. Аристов и Г.Е. Грумм-Гржимайло, динлины – предки древних кетов, давших название Томи и многим другим рекам и озерам, лесам и болотам Западной Сибири и Северо-Енисейского края.

В одной из кетских легенд говорится, что однажды напали на кетов чудовищные великаны-людоеды. Пришлось им прятаться или бежать в болотистые, трудные для жизни земли.

Нашествие людоедов в этой легенде, по-моему, очень напоминает нашествие хуннов, а динлины – спрятавшуюся от чудовищных великанов *чудь*.

Согласно историческим хроникам, хуннские каганы, то есть предводители древних тюрков и монголов, не раз покоряли динлинов, но окончательно покорить так и не смогли. Каждый раз это небольшое свободолюбивое племя собирало силы и вновь оказывало сопротивление более мощному противнику.

Эта неравная, но упорная борьба и подсказала Роману Викторовичу Николаеву сюжет исторической

повести «Алакет из рода Быка». Она издана Кемеровским книжным издательством (1982), затем переиздана (1989). Это увлекательное художественное и вместе с тем научное произведение. Ведь Николаев по профессии археолог, доцент Кемеровского государственного университета. Кандидатскую диссертацию он защищал по теме «Фольклор и некоторые вопросы этнической культуры кетов». Наверное, поэтому его повесть об Алакете читается, как еще одно «томское сказание».

Томское – потому что имеет прямое отношение к истории Притомья.

И вновь память возвращает меня в студенческие годы, на этот раз на лекции по устному народному творчеству, которые читал кандидат филологических наук доцент ТГУ Николай Афанасьевич Антропянский. У него был высокий сократовский лоб, выразительный профессорский голос, вдохновенный взгляд. Это впечатляло. Между собой мы называли его академически благозвучно и уважительно – Антропус.

Однажды Антропус принес на занятие самодельную хрестоматию по сибирскому фольклору. Это была обычная папка-скоросшиватель. На ее цинковых «усах» под зажимом топорщилась стопка текстов со сказками, быличками, песнями, заговорами, легендами, отпечатанными на допотопной пишущей машинке. Часть этих текстов Николай Афанасьевич извлек из отчетов по фольклорно-диалектологической практике студентов, другую – из литературных сборников, научных работ, газет и журналов. Во время лекции он цитировал то поэтические, то прозаические строки из них, да так заразительно, что после занятия я простодушно спросил, не даст ли он мне папку на вечер – почитать. Интересно же...

– На руки не могу, – ответил он, словно извиняясь. – Только у себя дома.

Жил Антропянский напротив главпочтамта (бывшая Юрточная гора), в общежитии для преподавателей университета. Там я и проштудировал составленную им хрестоматию сибирского фольклора. Больше всего запомнился мне тогда сказ о мамутах, записанный кем-то из студентов у русского старожилы в селе Коларово (прежнее название села – Спасское) под Томском. Очень уж он перекликался с легендой о чуде.

Позже Николай Афанасьевич из Томска уехал, став преподавателем Новокузнецкого педагогического института. Где хранится заветная папка после его смерти, я не знаю. Остается одно – воспроизвести тот сказ по памяти. Если я что-то и присочинил, это не выходит за рамки реконструкции. Сюжет изменениям не подвергся. Настроимся на него.

В гостях у мамутов

ак ли, не так ли дело было, пойдн теперь у ветра спроси. А и не так, так всё равно так...

Шел себе как-то по томской Сибири странник, шел да по сторонам поглядывал. Родился — не торопился, а теперь ему и вовсе спешить некуда было. Красота вокруг неопиcуемая — солнышко светит, трава по грудь поднялась, птицы на все голоса распевают. Кабы не комары да слепни — чистый рай.

Вдруг, шапки с головы схватить не успел, свет теменью сменился.

— Что такое? — опешил странник.

Вокруг, куда глазом не кинь, выжженная земля. Одни обгорелые пни торчат.

Сел странник на тот, что поближе, задумался. Как быть? Вперед идти — страшно, назад — обидно. Это только рак назад пятится. Думал, думал, так ничего не придумал. Решил поспать, пока умная мысль сама в голову не придет. Утро вечера мудренее. Выбрал бугорок помягче да и прилег на него, не солоно хлебавши. Лежит, отдыхает.

Тут слышит, под землей кто-то взад-вперед ходит, по-звериному всхрапывает.

«Свят, свят, свят!» — перекрестился странник и скорей на другое место перелег. Ухом к земле припал — авось здесь никого нет. Зря понадеялся. В ухо ему человеческие голоса скребутся. Много голосов. Будто рой пчелиный.

Подхватился странник: бежать надо!

Сказано-сделано. Бежал, бежал, пока в нору не провалился. Нора глубокая. Долго пришлось в нее падать. Наконец упал.

На дне светильники на стене коптят. Люди в звериных шкурах странника окружили, на тарабарском языке чего-то лопочут. Ни слова не понять.

Полез было странник опять в нору, чтобы на белый свет выбраться, да не тут-то было: подземные люди его схватили и назад не пускают. Пришлось остаться.

На миру, как на яру: кругом тебя свет, и ты светел. А тут что ночь, что день — тьма крошечная. Светильники в ней, как звезды на небе, повсюду горят, да мало светят.

Много ли, мало времени провел в подземелье странник, а только речь своих новых знакомцев понимать стал. Вот и поведали они ему свою горькую историю. Оказывается, предшествовавший им народ наверху жил. Всё у него хорошо шло. Охота кормила. Единство согревало. Потомство множилось. Но тут налетели огнекрылые страшилища и сравняли их становища с землей. Кто уцелел, под ней спрятался. По другому жить стали. В мамутов¹ превратились. Звери, на которых они прежде охотились, на каменных стенах выбиты. Никто уже не помнит, как их прежде называли.

— Лоси это да медведи! — объяснил странник. — Как же вы без них теперь обходитесь?

— А мы лохматых землероев добываем — отвечают мамуты. — Они тут от тех же страшилищ прячутся. Хочешь, возьмем тебя с собой на охоту?

— Возьмите!

Ладно. Провертели мамуты в стене дырку, сунули в нее огонь, говорят страннику:

¹ во многих финских наречиях *ма* — земля, *мут* — крот; отсюда *мамуты* — земляные кроты

— Смотри!

Он глянул: батюшки-светы! Такие чудеса, что дыбом волоса. Землерой-то не зверушкой оказался, а громадным быком, у которого рога из пасти торчат, еще и на лохматую башку загибаются. Нос длинный, змеистый. Уши, как лопухи. Ноги на стволы кедра похожи. Тело висящей шерстью покрыто.

От огня этот бык в ярость впал. Стал дырку клыками раскапывать. Копал, копал, пока не увяз. Тут мамуты его на копыя и посадили.

Много мяса из быка получилось. Мамуты его до отвала ели, а кровью губы своему божееству мазали. Оно, как и звери, на стене выбито было. Голова лучами одета. В руках не то копье, не то царский жезл. А под ногами рыба-кит, на которой земля держится.

Странник тоже ел без оглядки. Зато три дня потом животом маялся. На четвертый решили мамуты его женить. Невесту молоденькую нашли, по их понятиям, раскрасавицу. А ему не глянется. На такой жениться, что в крапиву садиться. Вот и бухнулся он мамутам в ноги:

— Погостевал я у вас, любезные, попировал, землицы сырой понюхал. Пора бы и честь знать. Отпустите меня на волю вольную. Без дороги мне жизни нет. Для того и хожу, чтобы видеть. Для того и странствую, чтобы слышать. Для того и запоминаю, чтобы обо всем потом хорошим людям рассказать. Обручился я с милой Дороженькой на веки вечные, и никому нас теперь не разлучить.

Мамуты спорить не стали. У них свое на уме: а ну как странник выдаст их огнекрылым страшилищам?

Тогда он еще пуще просить стал:

— Если отпустите, черную землю над вашими головами белоствольными деревьями выбелю, зелеными листьями и цветущими травами украшу. Всякая нечисть белого цвета боится. Вот и ваши страшилища прочь разлетятся. Мое слово свято! — и крест на себя по христианскому обычаю положил.

На что мамуты темные были, всяким идолам и кумирам поклонялись, а святому кресту поверили. Выпустили они странника наверх, стали ждать, что из этого выйдет.

А ничего и не вышло. Ушел, даже не оглянулся.

Чужое время быстро летит, свое медленно движется. Наконец сошлось свое и чужое. Вернулся странник. Черные гари плодови- тыми семенами со всего света засеял, живой водой из окрестных рек и озер напоил. Снова перекрестился и дальше зашагал. Нельзя ему на одном месте сидеть — к земле присохнет, в придорожный камень превратится. Такая у него судьба.

В третий раз он в томскую Сибирь пришел, когда черная гарь березовым лесом покрылась, высокими травами зашумела, праздничный вид обрела. Думал, встретит здесь перебравшихся наверх мамутов. А те, знай себе, под землей сидят, ничего о его делах не ведают. Пришлось их за руку на Божий свет выводить.

Долго мамуты к земной жизни приживались, никак прижиться не могли. А все потому, что имя у них такое — подземные кроты. Наконец догадались переложить его на лохматых быков-землероев, чтобы с себя его оковы снять. И сразу всё на лад пошло.

А странник и досе по белу свету ходит, новые пути для людей разведывает. Но и томскую Сибирь навестить не забывает.

Вы, конечно, уже поняли, что гигантские быки-землерои, которым передали свое «подземное» имя возродившиеся мамуты, это жители тундры и степей мамонты. В древнекитайских книгах они называются тин-шу, в маньчжурских фан-шу, что значит «мышь, которая прячется». А величиной эти мыши со слона. Живут под землей в темных пещерах. Кости их белы и хорошо обрабатываются. Мясо холодное и целебное.

В одной из сибирских легенд живописуется, как «земляной крот» подрался с морским чудовищем англу, и то выбросило его на берег, да с такой силой, что соперник глубоко в землю ушел. С тех пор там и живет, передвигаясь с помощью клыков (бивней). Если рассердится, землю изнутри трясти начинает. Вот и получается землетрясение.

Люди Сибири собирали эти огромные клыки и городили из них остовы куполообразных жилищ, делали различные домашние предметы, долгими зимними вечерами занимались резьбой по кости.

Ученые называли мамонта «элефасом примигениусом», что в переводе с греко-латинского значит «первородный слон».

Такого вот «первородного слона» на северном склоне Лагерного сада в Томске и обнаружили три гончара, бравших там глину 14 апреля 1896 года. Был солнечный воскресный день. Вокруг гончаров тотчас собралась гуляющая по аллеям парка и у Верхней паромной переправы разновозрастная публика. Одни принялись советы давать, как лучше диковинное животное из мерзлой земли выковыривать, другие всякие небылицы о чистой и нечистой силе плести, третьи полезли помогать глинокопам. Шум, пересуды, толкотня. Каждому хочется в раскоп заглянуть, вынутые из земли кости потрогать. А о том, что археологический

памятник этим самым разрушают, ни у кого и мысли не возникло.

Лишь к вечеру слух о находке в Лагерном саду дошел до заведующего зоологическим музеем Томского императорского университета профессора Николая Феофановича Кащенко. Еще недавно он был ректором университета. Поэтому ему не составило труда организовать охрану ценного объекта и скомплектовать рабочую группу, которая бы помогала ему вести раскопки.

К ним Кащенко приступил уже на следующее утро. Всего за неделю, не давая себе отдыха, его группа извлекла из мерзлого грунта не только останки мамонта, но и первобытную стоянку бродячих охотников за «земляными кротами» обнаружила. По всем признакам выходило, что она появилась здесь восемнадцать тысячелетий назад – в эпоху верхнего палеолита.

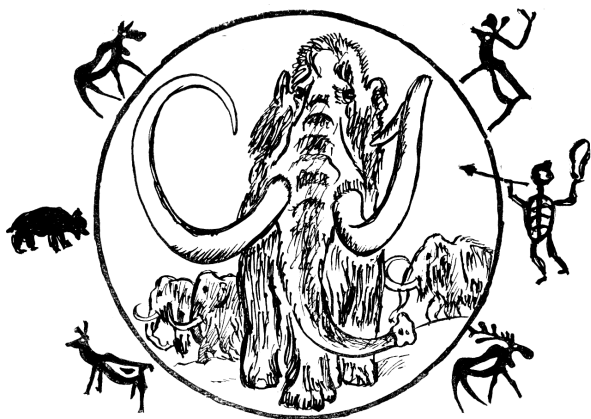
Подводя итоги этой поистине ювелирной работы, Кащенко записал: «Находка представляет нам хотя и неполную, но живую и новую картину... отрывок из жизни человека каменного периода, остатки его пиршества, по всей вероятности, после удачной охоты».

Это был первый случай в мировой практике, когда ученым удалось извлечь скелет мамонта целиком, без особых повреждений. Об этом событии много писали как в России, так и за границей. Оно явилось звеном такой вот логической цепочки-предположения, которую выстроили историки и археологи. По их мнению, охотники за мамонтами пришли в Сибирь с запада. Перевалив Урал, они сделали остановку в районе нынешнего Ачинска. А на территории современного Томска убили и съели молодого мамонта. Подкрепив таким образом силы, они двинулись через Енисей к берегам Ангары. Дальше их путь теряется во мгле тысячелетий.

Из той же мглы тысячелетий дошла до нас удивительная галерея древних рисунков Томской писаницы. Неизвестный землепроходец конца семнадцатого века оставил о ней такую запись: «... на краи реки Томи лежит камень велик и высок, а на нем написано: звери и скоты, и птицы и всякие подобия... а егда по некоторому

прелучию отторжется камень, а внутри того писано яко же и на краи».

По описанию известных натуралистов, историков, путешественников, побывавших здесь полвека спустя, кроме лосей, оленей, медведей, лошадей, на скалах Томской писаницы высечены изображения рыбы, «какой нигде не удавалось встречать», фигура божества, «у которого голова окружена лучами», и «болван – подобие человеку» со стадом животных, «привязанных одно к другому». Всё это «писано» чаще всего на крашенных поверхностях. Исследователи объясняли это так: «Однако оттого что сей камень в тех местах, где личины вырезаны, стесан и весь чорною краскою вымазан, можно признать древних язычников, которые в тех местах прежде жили, и было мольбище». По их мнению, Томская писаница – это памятник «прежнего населения и их незрелого вкуса и рисования».

Эти и многие другие свидетельства возвращают нас в подземные норы из сказа «В гостях у мамутов», повествуют о жизни людей каменного и бронзового веков. По сути дела, это их эпос. Только слово в нем заменено рисунком, сюжет – калейдоскопом охотничьих сцен и свадебными играми животных, мировосприятие – образами земного и загробного мира, знаками плодородия и

стихийного бедствия, голос – тысячелетним многозначительным молчанием.

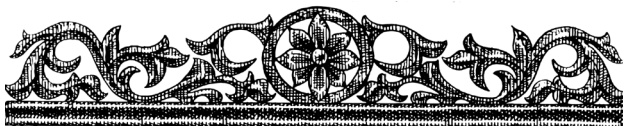
Томская писаница находится там, где, скатившись с гор Кузнецкого Алатау, Томь выходит на просторы Западно-Сибирской низменности, и каменное основание гор постепенно исчезает. Здесь в нее впадает речка Писаная. В двадцати шести километрах ниже по течению появляются Новоромановские Писаные камни, а напротив города Юрга берег Томи украшает Тутальская писаница. К сожалению, не все изображения на них сохранились. Утрачен солнцеголовый человек, фантастическая рыба и другие рисунки. Но те, что остались, полностью скопированы и исследованы. Они позволяют заглянуть в древний мир обитателей Приобья, попытаться понять их заботы и устремления, восприятие природы как части космоса.

На этом, пожалуй, и расстанемся с ними. Осталось прояснить ситуацию с белым деревом березой. Тут нам поможет мудрая наука биология. Березу она относит к деревьям-первопроходцам. Люди издавна замечали, как легко она захватывает любой свободный клочок земли, будь то заброшенные пашни или обширные гари (такие, например, как в сказе «В гостях у мамутов»), обочины дорог или светлые перелески. Березки даже на крыши домов забираются, в разрушенных кирпичных стенах прорастают.

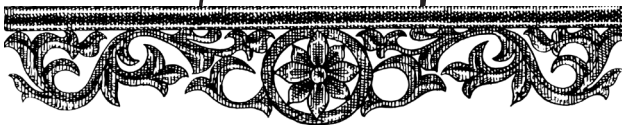
По своей природе береза крайне неприхотлива. Она растет на любых почвах – сухих и переувлажненных, плодородных и «скупых». Главное для нее – солнечный свет. Если что-то и губит ее, то беспросветность, густая тень.

А рассеивается она крохотными крылатыми плодами. В конце лета – начале осени их разносит по округе ветер. Семена попадают на одежду, на шапки самых разных путешествующих людей, на их транспортные средства. Что происходит дальше, можно представить. Где-то далеко, за тридевять земель в тридесятом царстве, в неведомом государстве, где живут люди с разным цветом кожи, вдруг вырастает береза или появляется березовая роща.

Многие народы мира любят березу, боготворят ее. Народы России – в особенности.

Томское Лукоморье

Много лет назад спросил я у мальчишек из нашего двора, что такое Лукоморье.

– Это сказка такая, – без запинки ответили они. – Про волшебную страну. Пушкин написал, – и, дополняя друг друга, наперебой начали декламировать строки из поэмы «Руслан и Людмила»:

*У Лукоморья дуб зеленый;
Златая цепь на дубе том:
И днем и ночью кот ученый
Всё ходит по цепи кругом;
Идет направо – песнь заводит,
Налево – сказки говорит.
Там чудеса: там леший бродит,
Русалка на ветвях сидит;
Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей;
Избушка там на курьих ножках
Стоит без окон, без дверей...*

.....

*В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит;
Там ступа с Бабою-ягой
Идет, бредет сама собой;
Там царь Кащей над златом чахнет;
Там русский дух... там Русью пахнет!*

В то, что они – жители этого самого Лукоморья, ребята долго не могли поверить.

– Правда, что ли? – окружили они меня. – Чем докажете?

– Есть летописи, есть старинные карты. На них Сибирь именуется Лукоморьем. Еще сын царя Бориса Годунова царевич Федор сделал «Чертеж России» с Лукоморией. А был он, между прочим, чуть постарше вас.

– И где теперь его чертеж? – заинтересовались мои собеседники. – Вы его видели?

– Нет. Но знаю, что в 1613 году его опубликовал Гесель Герритс. И наша Лукомория на нем есть.

– А еще где?

– На многих старинных отечественных и зарубежных картах.

– Даже на зарубежных? – не поверили ребята.

– Даже на зарубежных, – подтвердил я и стал перечислять: – Первым это сделал австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн. В 1549 году вышла его книга «Записки о московских делах». Она получила всемирную известность. В работе над ней Герберштейн использовал русские летописи, дорожники (иначе говоря, указатели дорог), судебники и, конечно, карты. По сути дела, он и открыл европейцам Сибирскую Лукоморию. Затем были карты с ней фламандца Герарда Меркатора (ему мы обязаны созданием глобуса), голландского купца Исаака Массы, итальянца Кантелли, французского географа Сансона. Есть карты с Лукоморией в коллекции графа Воронцова и других русских хранителей отечественной истории.

– Выходит, во всех странах про Лукоморье знают? – возбудились мои собеседники. – Вот здорово!.. А что значит Лукоморье?

– Страна в излучине моря.

– Но разве в Сибири море есть?

– И не одно. Обь и Енисей в какое море впадают?

– В Карское, – не очень уверенно ответил самый юный из них.

– Правильно, – похвалил его я. – А Лена? – и, не дождавшись ответа, снова похвалил: – Правильно.

Лена впадает в море Лаптевых. А Колыма в Восточно-Сибирское. Вот видите, сколько у Сибири морей.

– Какие же это моря? – хмыкнул мальчишка. – Это всё Северный Ледовитый океан. Мы его по географии проходили, – и убежденно добавил: – Море – это когда вокруг земля. А здесь они с океаном сливаются.

– Значит, и такие моря бывают ... океанические, – не стал спорить я. – А еще реки большие, как море. К примеру, Обь или ее приток Иртыш. Они ведь длиннее и полноводнее самых крупных европейских рек.

– И Волги?

– И Волги. А притоки Оби Чулым и Кеть превосходят своей величиной такие реки, как Днестр и Рейн. Представляете? Разве не могли их излучины или заливные луга на бескрайних берегах увидеться первопроходцам Сибири сказочным Лукоморьем?

– Могли, – согласились ребята. – Только дуб в Сибири все равно не растет!

– Зато растет чудо-дерево кедр. Могучее, как дуб, вечнозеленое, плодовитое. Теперь его и в европейской части России высаживают. А при Пушкине более привычным поэтическим образом был, конечно, дуб. Так тогда любое крупное дерево на Руси называли. Отсюда слово дубина. В руках былинных богатырей это было грозное оружие. Но делалось оно не обязательно из дуба. В дело шел ствол любого дерева, лишь бы он крепок и увесист был...

Видимо, мои слова о былинных богатырях напомнили ребятам, что во вступлении к «Руслану и Людмиле» были и такие строки:

*... Там о заре прихлынут волны
На брег песчаный и пустой,
И тридцать витязей прекрасных
Чредой из волн выходят ясных,
И с ними дядька их морской.*

– А дядьку-то их Черномором звали, – запереглядывались они. – Значит, он из Черного моря выходил. Откуда же еще? Из моря Лаптевых, что ли? Оно же ледяное!

– С Черномором вы в точку попали, – с готовностью согласился я. – Имя у него и впрямь красноречивое.

Но не спешите делать выводы. Действительно, было время, когда Лукоморье связывали только с южными морями – Черным и Азовским. К слову сказать, на Азовском и до сих пор есть участок изогнутого в дугу побережья, которое называют Лукоморьем. Но ведь и Ледовитый океан не всегда был Ледовитым. Когда-то его называли Скифским. Согласно древнегреческой мифологии, именно там, на Крайнем Севере, находилась страна вечной весны. До нее не долетали порывы холодного ветра Борея, а потому ее называли Гипербореей. Всё в этой стране было удивительно. Жители ее не знали старости и болезней. Земля давала два урожая в год. День длился полгода, столько же продолжалась ночь. Стоит ли удивляться, что страну эту омывали воды теплого, подобно Черному, моря? Черному – значит, такому чистому и глубокому, что вода его казалась черной... У каждого народа в жизни есть своя Лукомория. Вот и у нас с вами она есть. Причем со всеми чудесами пушкинского Лукоморья. Ну вот, скажем, строка – *следы невиданных зверей*... Скажите-ка, какими мехами славилась Сибирь?

– Соболиными.

– А еще?

– Лисьими. Горностаевыми. Бобровыми...

– Замечательно. А теперь представьте, что в тучах, таких, как над нами сейчас плывут, находится множество крошечных соболей, горностаев, белок, оленей, лисиц и другой живности. И вдруг – раз! – всё это богатство проливается на землю дождем. Зверушки разбегаются и заселяют Лукоморию. Осталось им, как и вам, только подрасти и самостоятельность обрести.

– Представить-то можно, – недоверчиво заулыбались ребята. – Но так не бывает.

– Согласен. Но что поделать, если в сказаниях одиннадцатого и последующих веков именно так Сибирское Лукоморье и рисуется? А его жители знаете, как в них выглядят?

– Как?

– Будто всё тело у них волосами покрыто. У одних вместо голов собачьи морды. У других шеи нет, а на месте головы находится грудь. Кошмар да и только. Не

люди, а лешие. Совсем как у Пушкина: «Там чудеса: там леший бродит...».

– А на самом деле как?

– На самом деле национальная одежда ненцев, хантов, манси, селькупов и других сибирских народов делается из оленьих шкур. Одни из этих одежд шьют мехом внутрь, другие мехом наружу, да не как-нибудь, а заодно с шапкой и рукавицами. Добавьте к этому меховую обувь и длинноволосые хвосты-оторочки. Со стороны посмотреть, и впрямь волосатое существо без шеи, а то и без головы. Могли купцы или заезжие иностранцы увидеть их такими?

– Могли! – дружно согласились ребята.

– Вот и я думаю, что могли... Пушкин вырос на сказках няни своей Арины Родионовны. А она ему пела: «У моря-моря, у самого Лукоморья». С тех пор он и полюбил народную быль и небыль. То, что на первый взгляд выдумкой может показаться, зачастую имеет реальные корни. Ну вот, скажем, ключевая строка: «Там русский дух... там Русью пахнет!». Многие думают, что русские в Сибири появились лишь в эпоху атамана Ермака. На самом деле много раньше. До нас дошло письменное «Сказание о человецех незнаемых в восточной стороне». Написано оно русским грамотеем. Можно сказать, с натуры написано. Или повесть о походе новгородского князя Улеба взять. В Сибирь на Железные ворота он двинулся в лето аж 1032 года. Правда, поход его был неудачным. Многие спутники Улеба там и погибли.

– На какие еще Железные ворота? – заинтересовались ребята.

Пришлось рассказать им легенду о том, как в третьем веке до нашей эры жители одного из восточных народов, завоеванных Александром Македонским, упростили его оградить их от злых Иаджуджей и Маджуджей. Вот всеильный царь, во многих сказаниях и священной книге ислама Коране выведенный под именем великого героя Зу-л-карнайна, что означает Двурогий, и загнал этих самых Иаджуджей и Маджуджей в Страну Мраков. Более того, стену с железными воротами там поставил. Стали изгнанники жить в недрах гор, заходящих в луку

Каяловы – фамилия редкая. Она указывает на то, что Каяловы переселились в Сибирь с той самой легендарной реки Каялы, где в 1185 году в битве с половцами, чеканно описанной в бессмертном «Слове о полку Игореве», «храбри русичи ... полёгоша за землю русскую».

Вот предание об этом переселении, записанное Г.И. Пелих. Согласно ему первыми на восток отправились соседи Каяловых Цингалы. Судя по всему, это были потомки *сингалов*¹, кочевого племени Индии и Цейлона, распространившегося оттуда по всему свету, а в русских княжествах известного как цыгане.

«Цингалы были конокрадами. Соседи били их за это «смертным боем». Ничего не помогало. Тогда предки Каяловых устроили специальный молебен и просили «Касьму-Димьяна»² (по другой версии – «речного старика»³) образумить Цингалов. И вот однажды зашаталась под ногами Цингалов земля, их дома стали проваливаться в образовавшуюся пропасть, а река изменила свое русло и потекла вместо запада на юг. Цингалы в ужасе бежали в Сибирь и поселились там у самого северного устья Иртыша. Но и здесь они стали воровать у остяков пушнину, которая лежала в никем не охраняемых амбарчиках. Тут совсем рассердился «речной старик». Застонала земля, зашатались горы. Сам могучий Иртыш изменил свое русло и хлынул в цингальские земли. Цингалы бросились бежать в гору, но гора раскололась на две части. Тогда Цингалы бросились на колени, умоляя богов спасти

¹ львиные люди

² святые угодники Косма и Дамиан почитались в простонародье как бессребреники, исцелители всяких недугов, хранители кур, но больше всего как Божьи кузнецы, умеющие «сковать свадьбу и души человеческие»

³ хозяин водного царства, Дедушка: одним он, как считалось тогда, оказывает покровительство, других наказывает; представление о нем связано с языческим Дажьбогом

их, и поклялись, что больше никогда не будут воровать. И сразу утихла земля и успокоился Иртыш, но он уже тёк по другую сторону горы, где раньше стояли дома Цингалов. С тех пор Цингалы перестали воровать. Они помирились и породнились с остяками. И сами «обостячились». Все стали жить хорошо и дружно. На месте старого русла Иртыша осталась цепь озер, которые теперь называются Цингальскими...».

Читая строки этого предания, я подумал: «А ведь Цингалы, то бишь цыгане, появились в Сибири в то же примерно время, когда ходил «на Железные ворота» новгородский князь Улеб. Возможно даже, что их пути тогда пересеклись». А еще мне вспомнился художественный образ знатока всемирной истории, академика Льва Николаевича Гумилева – «этнический реактор». Вот уж, действительно, только невиданной силы этнический реактор мог вызвать такие перемещения народов с востока на запад и с запада на восток, с севера на юг, а с юга на север, перемешать цыган с остяками, русских с татарами и многими другими народами, занести в Сибирь такие понятия, как *Лукомория*, *челдон*, совершить множество других непредсказуемых преобразований.

Но вернемся к рассказу Галины Ивановны Пелих:

«... Каяловы тронулись в путь, когда совершенно невозможно стало жить в родных краях из-за войн, грабежей и убийств (...) До Иртыша шли по «самарским речкам». Потом начались незнакомые места (...) Поселились на протоке (...) В Приобье Каяловы продолжали разводить коней-бахмутов. Корма здесь было много, особенно на заливных лугах и островах. Кони хорошо прижились к новым местам, однако порода стала вырождаться. Кони стали лохматыми и приземистыми. Они потеряли голубой цвет – превратились в сизых, но сохранили выносливость и резвость (...) Каяловы «до Ермака» жили с остяками «душа в душу».

Теперь обозленное казаками «остячьё» стало всех грабить. Не уступали им и казаки. Старая власть (остяцких князьцов) была разрушена, а новая (русского царя) еще не установилась. «Честному народу житья не стало». Каяловы снова снялись с места...».

«И снова заработал этнический реактор, – мысленно прокомментировал я эти строки. – Правда, на этот раз сравнительно небольшой, внутрисибирский».

«...Границей между двумя слоями русских старожилов служит завоевание Сибири казаками Ермака в конце XVI века, – пишет далее Г.И. Пелих. – И те, и другие называются здесь (и сами себя называют) челдонами. Прозвище «челдон» производится ими от двух слов: «чело» и «Дон». Слово «чело» трактуется как самый первый, начальный. Отсюда выводится слово «человек». «От чела произошел человек, от челдонов произошло русское население Сибири».

А вот и очень важный для нас вывод:

«Крутую дугу возвышенного обского берега (против северного устья Иртыша) русские старожилы назвали по образцу Причерноморья – Лукоморьем».

Того же мнения придерживается и А.М. Малолетко.

«В создании топонима Лукомория, – считает он, – «виноваты», на наш взгляд, не северяне-новгородцы, которые никогда не создавали здесь постоянных поселений, а южане из-за Дона. Это подтверждает и этноним *Samariequi* (самары) на карте Дж. Кантелли (1683 г.), незнакомый новгородцам, но известный по преданиям Каяловых. Насколько верны эти сведения о выходе Каяловых с Дона? Картографические материалы в основном подтверждают устные предания Каяловых».

Однако, судя по сказаниям северян-новгородцев, они все-таки создавали в Сибири если и не постоянные, то долговременные поселения, причем, не где-нибудь, а на месте нынешнего Томска.

Одно из этих сказаний в вольном пересказе звучит так:

ОСНОВАНИЕ ГОРОДКА ГОСНОВЦА

Прежде в Нова городе князей просто выбирали. Умрет который — сейчас весь народ на реку идет и свечи в руках держит. Опустят эти свечи в воду, потом вынут. У кого опять загорится — тот и князь.

В тот задавний год, которого и след простыл, свеча в руках казака Апаши загорелась. Значит, ему судьба Нова городом править. И стал Апаш в один миг Ипатием Новгородцем.

В пояс поклонились ему люди:

— Говори, княже, как дальше жить будем?

Он в ответ:

— Слышал я, братия, про клады сибирские. Туда зовет меня путь-дорога. Коли удастся с тамошними людьми дружбу завести, город у них сделаю. Будет на что потом новгородчине опереться. Коли войной встретят — оборонюсь. Ну, а коли святой крест от меня отвернется, в сыру землю с честью лягу.

— Так-то оно так, да не очень, — смутились новгородцы. — Ты уйдешь, а мы с кем останемся?

У Ипатия Новгородца и на этот случай ответ припасен.

— А вы, — говорит, — как я уйду, свечи в воду вдругорядь опустите. Я, — говорит, — за то в обиде не буду.

Казак он и есть казак. Хоть князем его назови, хоть в шелка и злато одень, милее всего ему добрый конь да вольная воля.

Не мешкая долго, собрал Ипатий дружину себе под стать и пустился с нею в дали

сибирские. Позади него — пыль столбом да бабы вздохи, впереди — солнце, холод и звезды.

У сибирцев хорошее правило есть: когда охотник обнаружит берлогу, он ее сначала кругом обойдет.

Вот и Ипатий Новгородец так сделал. Сперва сибирскую землю кругом обошел, потом только на реку Томь свернул, а с Томи на

Ушайку. Над ней горы¹ звонкой сосной поросли, а посреди тех гор — *лбище* (ровная вершина). На том лбище прежде монахи-отшельники святилище своему божеству Шакья Муни² поставили. Это святилище одно из четырех главных у них было. Если с Тибета смотреть, оно на север указывало. Три остальных в других землях — на юг, запад и восток. Но пришли откуда-то воистые люди и тех монахов разогнали. От времени их кумирня порушилась, остатки стен болотным мхом поросли.

Ночь провел на лбище Ипатий. Всё прислушивался, что вещует его сердце. Всё думал, гоже ли ставить город и православную церкву там, где иноверные обряды допреж совершались. На утро вышел к дружине с просветленным лицом:

— Радуйтесь, робята! Мне нонче голос свыше был: здесь город, что я Нову граду обещал, ставить следует, а в нем — храм православный. Как его наречём, думайте.

Казаки-атаманы вокруг глазами повели, потом плечами пожали:

— А и думать нечего, княже. Городу сему зваться Сосновец!

Так и стало по слову их.

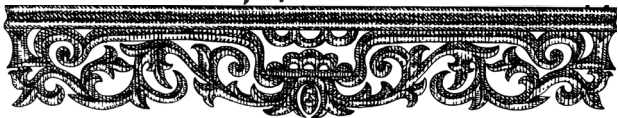
Цветно расцвел в томском краю городок Сосновец. Прихлынули к нему ближние и дальние сибирские народы. Лишь Ипатий Новгородец не захотел на месте сидеть. Кликнул он верных казаков, поклонился на четыре стороны света да и двинулся дальше — Беловодское царство искать.

¹ скорее всего, район Степановских гор, где ныне находится Академгородок

² одно из имен Будды, имя которого переводится как «Просветленный»; а «шакья муни» означает буквально «отшельник из шакьев»

Сказание о Грустине

Читая книгу Николая Сергеевича Новгородова «Сибирское Лукоморье» (2005), я вспомнил такой вот сказочный причёт: «На море на Окияне, на острове на Буяне стоит белая береза вниз ветвями, вверх кореньями». А вспомнил я его потому, что книга Новгородова – это цепь интереснейших взаимосвязанных гипотез, которые во многом не совпадают с официальной историографией, переворачивая устоявшиеся представления с ног на голову. Или с головы на ноги.

«Откуда пошла-есть Русская земля? Где располагалось русское месторазвитие или, по-другому говоря, славянская прародина? – спрашивает в предисловии автор и сам же отвечает: – Традиционно историки решают этот вопрос так: где народы живут сейчас, там они и рождались. Однако факты свидетельствуют о том, что многие народы рождались совсем в иных местах, не там, где их обнаружили летописи. Более того, истории известны эпохи Великих переселений, когда приходили в движение огромные людские массы, под их натиском разрушались и гибли крупнейшие империи, рождались новые государства... Очевидно, без вдумчивого отношения к источникам нам никогда не понять, откуда в доермаковской Сибири взялись такие исконно русские топонимы, как Лукоморье, Самара, Кия, Чумай, Бояры, Шуя, Порос и другие. Почему рыжебородых синеоких киргизских

князей в Минусе называли Урус-инал. Мы никогда не увидим генетической связи между огромным скифо-сибирским миром и не менее огромным славянским...».

По версии Новгородова, прародиной человечества является северная часть Сибирского Лукоморья, а точнее – полуостров Таймыр. Здесь когда-то возникла древняя цивилизация. Затем, в результате постепенного похолодания или климатической катастрофы, *населенники* этих мест вынуждены были строить подземные города или переселяться на юг в теплые лесостепи.

По профессии Николай Сергеевич – геолог, по призванию – исследователь. После окончания Томского государственного университета он работал в поисковой партии на Таймыре.

Работа поисковика – суровая, полная невзгод и лишений работа. Но она дарит незабываемые встречи с местными жителями, хранителями языка, обычаев, истории родного края, раскрывает не только геологические, но и многие другие тайны мироздания и мироустройства, учит сравнивать, размышлять, напиваться сведениями из различных областей знания. Там, на Таймыре, Новгородов новыми, уже взрослыми, глазами перечитал и Пушкина, и Мартынова, и легенды древних греков о Гиперборее, а потом много любопытного нашел в книге известного индийского ученого Б.Г. Тилака «Арктическая родина в Ведах». Проводя параллели между мифами Вед и героями славянского язычества, Тилак упоминал Кощея Бессмертного, Ивана – третьего сына и других персонажей русского фольклора; более того, высказал убеждение, что далекие предки всех индоевропейцев некогда жили в землях Приполярья.

С особым интересом прочитал Новгородов научно-фантастический роман «Земля Санникова» родоначальника сибирской школы геологов, проработавшего ординарным профессором Томского Технологического института с 1901 по 1912 год, лауреата Государственных и нескольких международных премий Владимира Афанасьевича Обручева. Под вдохновенным пером ученого и писателя вновь ожил райский уголок легендарной Гипербореи и его обитателей...».

С тех пор и стал накапливать Новгородов исторические, археологические, лингвистические, картографические, топонимические, этнологические, мифологические и другие материалы по истории Сибири и мира, естественно, в русле овладевшей им гипотезы «Гиперборея – Сибирская Прародина». В 1998 году Николай Сергеевич создал в Томске региональную общественную организацию под тем же названием.

Можно соглашаться или не соглашаться с доводами Новгородова, но книга его дает почувствовать связь языков, обычаев, культур разных народов, приблизиться к тому центру мироздания, которое соединяет землю и небо, человека и природу, прошлое и будущее, причину и следствие, знание и предположение.

На средневековых картах большинства западноевропейских авторов значатся несколько древнесибирских городов. Наиболее значимые из них – Серпонова и Грустина. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн (по национальности хорват) в своих «Записках о московских делах» написал о них так:

«От устья Иртыша до крепости Грустина (Grustina) два месяца пути, от нее до озера Китая (Kitai)... более чем три месяца пути. От этого озера приходят в большом множестве черные люди, лишенные общего всем дара слова; они приносят с собой много товаров, преимущественно же жемчуг и драгоценные камни, которые покупаются грустинцами и серпоновцами. Они называются *лукоморцами* (Lucomorua), лежащей по другую сторону Оби от крепости Серпонова (Serponovu). Сказывают, что с людьми Лукомории происходит нечто удивительное и невероятное, весьма похожее на басню: как носится слух, они каждый год умирают, именно 27 ноября, когда у русских празднуется память Св. Георгия, – а потом оживают, как лягушки, на следующую весну, большей частью около 24 апреля. Грустинцы и серпоновцы ведут с ними торговлю необыкновенным, неизвестным в других странах способом. Ибо когда у них наступает определенное время умереть или заснуть, они складывают товары в известном месте, а грустинцы и серпоновцы уносят их, оставляя вместо них свои товары и

делая ровный размен. Возвратясь к жизни, лукоморцы требуют назад свои товары, если находят, что им сделана несправедливая оценка. Оттого возникают между ними весьма часто ссоры и войны».

Ниже следует оговорка:

«Всё то, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне Русского Дорожника¹. Хотя в нем, по-видимому, и есть нечто баснословное и едва вероятное, как, например, сведения о людях немых, умирающих и оживающих, о Золотой старухе, о людях чудовищного вида и о рыбе с человеческим образом, и хотя я сам также старательно расспрашивал об этом и не мог узнать ничего наверное от какого-нибудь человека, который бы видел это собственными глазами (впрочем, они утверждали на основании всеобщей молвы, что это действительно так), все же мне не хотелось упустить что-нибудь, дабы я мог доставить другим более удобный случай к разыскиванию сих вещей. Поэтому я воспроизвел и те же названия местностей, которыми они именуются у русских».

Академик Борис Александрович Рыбаков, крупнейший специалист по археологии, истории и культуре славян и Древней Руси, считает, что жемчугом и драгоценными камнями торговали с грустинцами индусы, а Новгородов весьма логично и убедительно перекидывает мостик от грустинцев к «Трем Индиям» христианского царя Ивана из «Книги познаний» безымянного автора, монаха-францисканца XIV века. (Смотрите комментарий к сказанию «Схватка в небесах»).

Заинтересовали грустинцы и «сибирского» шведа Филиппа Иоганна Табберта. Во время знаменитой Полтавской битвы он был пленен и сослан в Тобольск. В 1719 году по именному указу Петра Первого для изучения истории, этнографии, естественных богатств, памятников Зауралья и вообще «всего замечательного» в Сибирь была направлена экспедиция доктора Д.Г. Мессершмидта. Удачно присоединившись к ней, Табберт самостоятельно обследовал Обь и Томь,

¹ Скорее всего, из «Указателя пути к Печоре, Югре и реке Оби»

совершил путешествие от Томска до Кузнецка, первым из европейцев скопировал рисунки Томской писаницы. Самые различные сведения, собранные Таббертом, и навели его на мысль, что Грустина в древние времена располагалась на месте Тоянова городка. Вернувшись на родину, Табберт получил дворянский титул и стал писаться Страленбергом. В 1730 году в Стокгольме было издано его «Описание северной и восточной части Европы и Азии». В ней говорилось: «Мнение наше, – что сии Еуштинцы или Гаустинцы есть Грустинцы, подтверждается тем, что мы здесь находимся в такой области, которая некогда не токмо в Сибири, но и у южных азиатцев была в великой славе, по хорошему состоянию жителей оныя».

Сравнив координатные сетки на средневековых картах С. Герберштейна, Г. Меркатора, И. Гондиуса, Г. Сансона и других западноевропейцев, Новгородов нашел еще одно подтверждение тому, что легендарная Грустина стояла на месте Тоянова городка или где-то поблизости, возможно, даже на территории сегодняшнего Томска.

«Северная широта г. Грустины, – подсчитал он, – безупречно определяется как 56 градусов 30 минут, что в идеале соответствует широте Томска и соответствует Томскому Приобью. С долготой несколько сложнее, поскольку Гринвичской лаборатории в те времена еще не было, и нулевой меридиан каждый картограф проводил там, где ему заблагорассудится. Тем не менее, после внесения необходимых поправок и приведения к Гринвичу, восточная долгота Грустины оказывается равной 84–87 градусам. Долгота Оби на широте Томска равна 84 градусам, а долгота самого Томска равна 85 градусам».

Внимательнейшим образом изучив надписи на средневековых картах Западной Сибири, Новгородов обнаружил на карте И. Гондиуса (1606) рядом с Грустиной приписку на латинском языке: «*urbs frigitus ad quality Tartari et Rutheni confluent*», что значит: «в этом холодном городе живут совместно татары и русские».

Чем не сюжет для нового томского сказания? Сказания о легендарной Грустине, которая «суть Эуштина».

В нее можно вплести и христанское царство индуса Ивана, и сказки из «Русского дорожника», и приключения Табберта-Страленберга, и много чего еще.

Исследователь – это особый тип ученого. Он не просто собирает и накапливает знания в своей области, но с той же страстью и упорством постигает сопредельные науки, как магнитом, собирая крупички необходимых ему сведений, делает порой неожиданные обобщения и совершает пусть небольшие, но свои открытия.

Вот и Новгородов невесть почему вдруг начал штудировать энциклопедическое издание под названием «Деяния Вселенских Соборов», изданное в Санкт-Петербурге в 1996 году. Будто кто-то подсказал ему, что в числе участников Второго Собора азиатских епископов, проходившего в 381 году, он встретит имя епископа Терентия Томского из Скифской области.

С удвоенным интересом Новгородов продолжил чтение, и вскоре был вознагражден за свое упорство. В акте Третьего Собора он обнаружил подпись епископа Тимофея Томитанского из Скифии, а в Четвертом Соборе участвовал епископ Александр области Томеон, опять же из скифской епархии.

«Случайно или нет настойчивое появление корня ТОМ в определениях скифских епархий и областей ТОМской, ТОМитанской, ТОМеон? – задумался Новгородов. – И что это за Томская епархия в Скифии, ведь Томска в IV веке еще не было?».

Обратившись к трудам известного толкователя Библии Валафрида Страбона, жившего пять веков спустя, он прочел: «Я слышал от верных братьев, что у некоторых скифских племен, преимущественно у томитан, и до сего времени богослужение отправляется на их собственном языке».

«Думается, под давно исчезнувшими скифами подразумевались уже совсем другие народы, – проанализировав еще ряд исторических источников, рассудил Новгородов. – Византийцы, например, скифами называли всех подряд, но особенно славян и русов. Иранцы же, наоборот, скифов из далекого прошлого называли русами».

Конечно, эти и другие приведенные Новгородовым факты еще не доказывают, что Томская епархия из Скифской области, фигурирующая в Актах Вселенских Соборов, находилась непременно на берегах Томи, но материал для дополнительного изучения, как и для очередного томского сказания, они, безусловно, дают.

Организация «Гиперборея – Сибирская Прародина», созданная Новгородовым, объединила разных людей – инженеров, научных сотрудников, преподавателей и студентов Сибирских Афин. В основу ее деятельности лег исследовательский проект «Томское Лукоморье». Исследовательский – значит подкрепляющий экспедициями и полевыми работами городские научные семинары. В рамках этого проекта юные туристы из клуба «Кедр» под началом опытных наставников обследовали бассейны Большой и Малой Ушайки, Басандайки, Тугояковки, затем побывали в поселке Красный Яр Молчановского района, на Томь-Обской стрелке в районе Нагорного Иштана, на Чулыме.

«Мы искали Грустину и геродотов торговый путь даже в сновидениях, – запишет в походном дневнике Новгородов. – А днем шли и пели какую-то задорную, всем известную песню, тут же переделывая ее на ходу на «грустинский» лад, чтобы рефреном звучали слова «Грустина», «лукоморье» и другие...».

В 2002 году группа энтузиастов организации «Гиперборея – Сибирская Прародина» решила более тщательно и целенаправленно обследовать Усть-Басандайский останец, где во время прежних раскопок томские археологи обнаружили средневековое татарское городище. По гипотезе Новгородова здесь должны были сохраниться следы крепости эпохи поздней бронзы и раннего железа. Координаты этой крепости (под названием Руиндж), совпадающие с координатами Басандайского городища, он нашел в иранской мифологии. Совпадал и климат, и ландшафт, и многое другое. Но главное – Басандайский останец как нельзя лучше подходил для строительства здесь неприступной крепости: высокий обрыв с рукотворными террасами, перемычка между

Томью и Басандайкой, похожая на плотину, удобная гавань, которую могла создать такая плотина.

К исследованиям в районе предполагаемой крепости удалось привлечь специалистов томских университетов, геологоразведочной экспедиции, Центра по охране памятников областной администрации. С помощью прибора «георадар» проведено зондирование почв. Велось также и ручное бурение, биолокации. Общий анализ результатов геофизических работ и находок показал, что «былое существование крепости на останце подтверждается». Была ли эта крепость Руинджем или нет, неизвестно. Но сама возможность ее существования таит в себе сюжет еще не одного томского сказания.

А теперь вернемся в начало семнадцатого века. Вот реконструкция сказания, в котором небыль помогает полнее прочувствовать быль, то есть реальные дела и заботы первостроителей Томска:

Тучая сила и крест святой

Тод на год не приходится. Одним летом служилые казаки город над рекой Томой вскинули, другим надо при нем государеву пашню распахать. Мать-сыра земля всех кормит, всех поит, всех одевает, всех своим теплом пригревает.

А земляца у Тома тучная, мягкая, по работушке крестьянской соскучилась. Здешние сибирцы ячень сеют, да мало. Они отродясь коневоды да охотники, да рыбаки, рожь да пшеница им не в обычай. А казаку лишь тогда хорошо, когда Бог на стене, хлеб на столе, а от татей¹ вокруг застава крепкая.

¹ вор, разбойник

Еще по зиме взялись казаки сохи делать. Этот колодку из рябинового кряжа вытесывает, тот обжи да рогали (оглобли и рукояти) стружит, третий лемеха с полицами для отвала земли ладит. Трудятся и поют себе распевают, как шумливые птицы на солнечном припеке. Одному поле-раздолье на думку взошло, другому — ретивая зазнобушка, третий оттого в веселье впал, что передний заднему — мост на погост: живет — не оглянется, помрет — не спохватится. Зато причет у всех один-общий: которая-де служба нужней, та и честней. А честнее земельной службы ничего на свете нет и не было. Господь повелел от нее кормиться.

Вот пришла весна — красна да голодна. Собрались отощавшие казаки на пашню. Один из них, Ивашка Простота, тут и говорит:

— А пора бы нам, ребятушки, землей побрататься.

— Это как же? — спрашивают сослужильцы.

— А вот как, — отвечает Ивашка Простота. — Каждый из нас горсть родимой землицы из отецких краев на груди принес. Ежели по щепотке вкладчину собрать, пригоршня и получится. Покрестим ее да рассыплем пошире в свежие борозды. Человек с человеком сходится, а земле с землей почему не сойтись? Общую да крещеную никакая беда-напасть не возьмет. Станем и мы у нее за спиной, как за каменной стеной. Одна крепость есть, устроим другую.

Удивились казаки:

— Ай да Ивашка. С виду прост, а на поверку мозговит. Славно придумал.

Расстелили они чистую холстину и ну по щепотке родимой землицы в нее ссыпать. Вятская щепоть с костромской смешалась,

олонецкая с пермской, новгородская с астраханской, вологодская с великоустюжеской, рязанская с соликамской, мезенская с подмосковной. Одним словом, чуть не половина Руси на той холстинке в пригоршню собралась.

А дальше и вовсе чудо чудное приключилось. Землица вдруг на глазах казачьего круга стала расти, множиться, пока всю холстину с опупком (с горкой) не закрыла.

Одним это в радость показалось, другим в укор. Ведь не всякий казак — пахарь и народу защитник. Есть и такие, что на службу государеву из гулящих людей заверстались. Слух прошел, будто на Сибири их большая пожива ждет. Как тут не оказачиться? Но гулящие люди сроду ладанок¹ с отчей землицей в дорогу не брали. Раньше это в глаза не бросалось, а тут видно стало. Вот и разделились казаки на тех и этих.

Те в сторону отошли, а эти два поля за речкой Ушайкой высмотрели. Одно поле в низинке перед Юрточной горой раскинулось, другое в лесу на ее маковке затерялось. Не поле даже, поляна. Точнее сказать, *елань*, таежная плешина. Оба эти места и решили казаки на починок распахать.

За коньми дело не стало. У сибирцев-эуштинцев их табун на табуне. Выбирай любого. Да вот беда — сильно норовистые, от пашни воротятся, от сохи шарахаются. Как быть?

Тут вышел вперед казак прозвищем Миклушка Селянинович. Хоть и не былинный богатырь, но тоже не промах. Походил он меж коней, посмотрел, какой из них для пашни подходящ. Который поглянется, он его одной

¹ мешочек с пахучей смолой (ладаном) или с какой-либо святыней; носили его на шее вместе с крестом

рукой поднимет, другой на весу погладит да и скажет ласково: «Здорово, кормилец!». А как на ноги поставит, тот за ним, будто жеребенок за маткой, *иго-го-го* бежит. Так вот и набралось семь коней-пахарей.

Что на Руси, что на Сибири семь — подходящее число. На неделе-то семь дён и все для работы. Трудись миру на пользу, зато спи для себя. С коньми и того проще: двое пашут, пятеры им хвостами машут.

Ну вот. Поделили казаки отчую землю для побратания на два поля, стали думать, кому первый клин у реки доверить.

А тут и думать нечего. Ясное дело, Ивашке Простоте. Он нынешней складчине зачинщик, ему и честь.

А верхнюю елань-поле доверили зачать казаку прозвищем Микулушка Селянинович. Тот расшивную рубаху и лапти, будто у себя на Рязани, по такому случаю проворно надел, подворотки до колен крест-накрест подвязал, бороду, как на праздник, распустил. Идет себе, посвистывает, одной рукою соху несет, другой птиц на лету ласкает. Улыбка у него от радости от уха до уха. Любодорого смотреть.

Следом казаки со своей половиной земли поспешают, понять не могут, отчего им соха на плече у Микулушки девицей-раскрасавицей кажется. Видно, день такой, что все вокруг цветет-молодеет, растёт-прибывает.

Как только пришли казаки на елань, так и шумнули нижним оратаям (пахарям):

— В добрый час!

В добрый так в добрый.

Тут на обоих полях казаки, помолясь, разом грянули:

*Гой, земля еси сырая,
Земля матёрая,
Матьер нам еси родная!
Всех еси нас породила,
Воспоила, вскармила,
В Сибирь нарядила.*

*Тяжка тяга там земная.
Святогору не поднять.
Помоги ж ее спыймать...*

Тут-то и пошли с края на край Ивашка Простота да казак прозвищем Микулушка Селянинович. Один ловкостью удалецкой играет, другой силушкой молодецкой. Женихи да и только. А невестами у них сохи-сестры свет Андреевны¹.

Лепота² вокруг неопиcуемая. Грачики по раскрытой землице попрыгивают, червячишек, будто яства заморские, из нее выхватывают, шумят-пошумливают, летят-полётывают. Ну божья благодать — ни в сказке сказать, ни пером описать.

Остальным казакам-пахарям тоже пожениться с Андреевнами охота. Каждый к ним в очередь по общему согласию встал. А пока земельку с холстинки по свежим бороздам крохами раскидывают, оратаям песенными причетами советы подают:

*Держись за сошеньку,
За кривую ноженьку.
Она в люди вывезет.
Не с неба роса,
Сколько пот с лица
Красит молодца.
Утрись, не утрись,
Новый выступит,
Рожу выдубит.
Ходи веселей.
Сапог не жалей.
Даст Бог дождь,
Уродится и рожь.*

¹ так в старину величали соху-орало

² великолепие, пригожество, красота

А рядом другие песни-припевки звучат:

*Любезная мать-земля,
Ты — наша семья.
Скрепи и помилуй!
Солнышко, повернись!
Красное, разожгись!
Отомкни нам летечко,
Летечко теплое.
Лето хлебородное!
Только ангелы с неба
Не просят хлеба.
А нам без него
ни туды, ни сюды.
Коли хлебушко есть,
С ним можно
и беду-ябеду съесть.*

Пели казаки да пахали, про напасть не знали. Тут налетела на город туча — туча черная, бусурманская¹. Это воистые² киргизы воровски подкрались. Раньше они да черные и белые калмыки здешний народ эушту данями и насильствами обижали, а как стала эушта за спину Москвы, пришли Томской рассейский город разорить.

Тех горе-казаков, у которых ладанок с отечкой землицей отродясь не бывало, киргизы без труда побили-поранили, а об караулы истинных казаков-защитников споткнулись-рассыпались. Те по ним с пушек ударили да с ружей-пищалей. Потом врукопашную, не страшась, пошли. Таких мало повалить, надо убить. А они не убиваются.

Тогда киргизы за речку Ушайку бросились — пашенных казаков погромить. Да не тут-то

¹ не христианская, иноверная

² воинственные, боевые

было. Увидал их Ивашка Простота, знак своим подал:

— Прыгайте, ребята, в борозды! В них сила отчая и крест святой!

Подхватил его клич на своем поле казак прозвищем Микула Селянинович. И попрыгали служивые, как им сказано, в борозды глубокие, повернулись к набежчикам встреч лицом, а в руках-то голым-голо. Не подумали они на пашню оружие взять, а надо бы.

Ну, ничего. На сей раз с божьей помощью обошлось. Мечут киргизы в пахарей свои стрелы. Те им прямо в грудь летят, да уязвить не могут. Перед казаками будто невидимая стена выросла. Всё об нее ломается, всё расшибается.

Вот казак прозвищем Микулушка Селянинович и сообразил. Пока киргизы новые стрелы достают, высунется из-за этой стены наружу, хватать в каждую руку по ротозею — да и сшибает их лбами намертво. Только треск стоит.

За ним и другие пахари хватать-колотить неприятеля начали. Много наколотили, всех не сосчитать. А со спины киргизов казаки из крепости побивают. Такие жернова закрутились, что ай да ну. Лучше в них не попадать.

Крепко наседали поначалу набежчики, да против отчей силы и святого креста у них кишка тонка. Как ни бились, а все одно побежали. Такая пыль от конного толпища поднялась, что солнышко запылилось.

Переглянулись казаки, да и рассмеялись вослед:

— Этим бы воякам у себя на базаре пылью торговать!

Стали дальше жить.

Всяко жили — когда пусто, а когда и густо, когда по-доброму, а иной раз и по-злему.

Ивашка Простота в атаманы выбился, пошел дальше сибирскую землю разведывать, новые крепости ставить. А казак прозвищем Микулушка Селянинович за службу честную землю под Томским городом получил, нашел себе справную жонку эуштинского роду-племени, срубил деревеньку (избу), кучей детишек обзавелся. Чем плохо? Закваска-то у него как была, так и осталась казацкая. Чуть что, верхом на конь и айда сибирскую землю защищать.

Да и прочие казаки, кто не сгиб и не помер, тоже на судьбу не жалуются. Их дело — государеву службу исправно нести, с ближними и дальними народами дружиться.

Они и теперь дружатся. Только на пашню все равно оружными ходят. Береженого Бог бережет.

Сюжет этого сказания взят из журнала «Московский телеграф», который с 1825 по 1834 год издавал один из популярнейших в ту пору писателей Николай Алексеевич Полевой. По рождению он сибиряк, вырос в семье состоятельного иркутского купца. С малых лет занялся самообразованием. Его тянуло в круг людей с краеведческими интересами. От них он черпал сведения по истории, этнографии, сибирскому народному творчеству. Особенно нравились ему ямщицкие песни, пословицы, сказания.

Это было время, когда столичная печать изображала Сибирь главным образом как страну дикой экзотики. А Полевой рос в среде, которую интересовали экономические богатства Сибири, ее бытовой уклад, характеры, судьбы купцов, ремесленников и простого «рабочего» люда — как в прошлом, так и в настоящем. Неудивитель-

но, что, попав в Москву и владея немалыми денежными средствами, Полевой решил издавать двухнедельный журнал, сибирский раздел которого мог бы соперничать с «Азиатским вестником» Григория Ильича Спасского, несколько лет до этого прослужившего в Зауралье и тоже хорошо знавшего Сибирь.

За девять лет в «Московском телеграфе» было опубликовано множество любопытнейших материалов о Сибири, в том числе «Путешествие английского флота капитана Кохрена пешком из Петербурга в Камчатку», сибирский вариант былины об Илье Муромце, статьи по истории русских сказок, описания народных обычаев и обрядов, старинные песни, размышления об использовании в художественной литературе народно-поэтической фантастики. Среди них и промелькнул неразработанный, пунктирно намеченный сюжет о том, как, соединив родимую землю из нательных ладанок, покрестив и разбросав ее по свежей пашне, казаки одной из первых сибирских крепостей спаслись от «злых киргизов».

Этот сюжет и лег в основу вышеприведенной реконструкции. Ведь Томск и впрямь одна из первых сибирских крепостей. Моложе его лишь Тюмень (1586), Тобольск (1587), Берёзов (1593), Сургут, Тара (1594), Обдорск (Салехард) (1595), Нарым (1597), Туринск (1600) и Кетск (1602). Их строили уроженцы разных краев России, причем строили стремительно, всего за два-три летних месяца, а на следующий год закладывали первую государеву пашню.

Что касается «злых киргизов», то хочу привести выдержку из академического издания «Народы Сибири», опубликованного в 1956 году в Москве – Ленинграде:

«Большую роль в вооруженных выступлениях против русских с момента построения Томска играли князья енисейских киргизов. Их вооруженная агрессия против русских городов и острогов, начиная с 1608 г., продолжается в течение всего XVII столетия. Среди киргизских князей выделялся своей энергией и жестокостью Иренак Ишеев, который в течение двадцати лет жег

¹ селения сибирских аборигенов, в том числе томских татар, плативших подушные подати казне; по сути дела, это разновидность

и грабил русские и ясачные селения¹ в Кузнецком, Томском, Ачинском, Красноярском и других уездах, убивал и уводил в плен мирных жителей. Некоторые исследователи рассматривали грабежи и насилия Иренака и его предшественников как «борьбу за независимость». Но такое определение деятельности киргизских князей XVII в. неправильно. Иренак не боролся, например, с джунгарскими ханами, от которых он действительно был зависим и которые систематически вмешивались во внутреннюю жизнь киргизов, в их взаимоотношения с русскими и, кроме того, брали с них ясак (*албан*). Иренак нападал исключительно на мирные русские пригородные селения и на мирное ясачное население, хотя он со своими подданными киргизами не был стеснен в кочевьях. (...) Русские военные отряды не нападали на Иренака первыми. Рядовое русское население, занимавшееся мирной хозяйственной деятельностью, было заинтересовано лишь в мирных отношениях с киргизами. (...) Точно так же стремились к мирной жизни и деятельности в своем большинстве и рядовые киргизы, ибо тяжесть и опасность военных набегов ложилась на их плечи... Причина тяжелой и беспокойной обстановки в Южной Сибири в XVII в. заключалась в агрессии киргизской и телеутской феодальной верхушки, поощряемой феодальными кругами Джунгарии. Взимание дани с населения указанных районов имело особо важное значение для кочевых феодалов, так как эти районы доставляли им железные изделия (...) (котлы, таганы, ковши), военное и охотничье снаряжение (особенно стремяна, наконечники стрел, копий, пик, сабли и т.д.)... Стремление удержать под своей властью данников (кыштымов), помешать экономическому и культурному сближению их с русским народом, а также расчет на легкую наживу толкали киргизских князей на агрессию».

Томск выдержал осаду набежчиков в 1614, 1621, 1624, 1630, 1654, 1674, 1680, 1682, 1698, 1700 годах, но было немало молниеносных нападений и на «подгородных» крестьян, а также на татар-эуштинцев, оказавшихся в пути или в поле. Вот характерная для той поры «отписка» (донесение) одного из томских воевод в Москву:

«А как, государь, они киргизы пришли войною в Томской уезд, преж бою выжгли в деревне верхнетомских пашенных крестьян шесть дворов, да перекололи копии женского полу баб да девок пять человек, да мужска полу трое робят; а лошадей и рогатой скотины взяли малое число, и тое скотину, бегучи, кололи и метали по дороге».

До того, как был построен Томской город, киргизы, приходя к зуштинцам за данью, разбивали свой стан меж двух речек, впадающих в Томь с правой стороны (район г.Северска). С тех пор эти речки и называются Большая и Малая Киргизка. Отсюда же набежчики совершали свои нападения на Томск и в последующие годы.

В вышеприведенной реконструкции, разумеется, есть известная доля художественного вымысла. Но даже то, что безымянную сибирскую крепость из «Московского телеграфа» я назвал Томским городом, нельзя считать натяжкой. Томск, как и другие старинные сибирские города-крепости, прошел тот же путь становления. Были и у него свои первые пашни, подвергавшиеся бесчисленным нападениям «немирных инородцев». Одна из них находилась на месте нынешней площади Батенькова, другая – на Нижней Елани, в районе улиц Советской и Герцена.

Определенная трудность возникла с выбором имен главных героев сказания. Недостатка в красочных, а главное, в реальных именах-прозвищах первостроителей Томска у меня не было. Напротив. Каждое второе просилось на перо. Ну, например: Дружина Юрьев, Баженка Костянтинов, Иевлейка Карбышев, Михалка Куркин, Прошка Вершинин, Гриня Баташков, Карпуня Алпатов, Ивашка Згибнев, Андрюшка Губа, Уварка Аркашев, Денис Кручинка, Назар Заев, Тишутка Толмачев и другие. Но я выбрал самое распространенное и вместе с тем нейтральное – Ивашка Простота, похожее на сказочное – Иванушка-дурачок. А второго казака и вовсе под былинное имя увел – Микулушка Селянинович. Более того, дал ему в жены зуштинку. В те поры это не было редкостью уже хотя бы потому,

что русских невест в Сибири долгое время катастрофически не хватало.

Первые кирпичи в основание исторической науки о Сибири положил руководитель Академического отряда «по имянному ея императорского величества указу» Герард Фридрих Миллер. Результатом его экспедиции (1733–1743) стал фундаментальный труд в двух томах, который так и называется – «История Сибири». За этот труд, по свидетельству академика-археолога Анатолия Пантелеевича Деревянко, Миллер и получил неофициальный титул «отца сибирской истории». Другой знаменитый сибирский академик, историк и археолог Алексей Павлович Окладников к этому добавил: «Если академик Миллер мог ограничить свои задачи простым описанием хода событий, не пытаясь заглянуть в глубину потока исторических фактов, если он имел перед глазами панораму каких-нибудь ближайших двух веков, то в наше время громада проблем сибирской истории усложнилась и выросла неизмеримо».

С этим трудно не согласиться. Однако неоспоримо и то, что благодаря Миллеру сохранены многие документы, касающиеся Томска и многих других сибирских городов. Это ему в 1734 году зуштинский князец передал текст наказа Бориса Годунова воеводам Гавриле Писемскому и Василию Тыркову о том, как следует ставить Томской город. Это он сберег для потомков царские грамоты, «отписки» воевод, челобитные крестьян, казаков, ясашных людей, оставил свои, пусть и не бесспорные, размышления об увиденном и услышанном за время десятилетнего путешествия по городам и весям Сибири – вплоть до Якутска и обратно.

В 1740 году, возвращаясь в Санкт-Петербург, Миллер вновь побывал в Томске. На этот раз в своем дорожном дневнике он отметил речки Киргизку и Малую Киргизку, Ташму, впадающую в Яю, и Ушайку, впадающую в Томь, а также деревни с говорящими названиями – Толмачева, Алпатова, Бадашкова, Сгибнева, Аркашева. Тот, кого я назвал Микулушкой Селяниновичем, вполне мог быть основателем одной из них. Вот и получается, что была бы без небыли не живет.

Божьи подвижники

В том же «Московском телеграфе» Н.А. Полевого встретился мне и другой интересный сюжет. Кратко изложу его.

Старый казачий атаман Ефимьян, построивший не одну сибирскую крепость, решил на склоне лет удалиться от мирской жизни. Меж трех рек за городом срубил он себе избу-келью и стал отмаливать былые грехи. К нему присоединились еще несколько братьев, среди них монах Алексей. Не сразу признал Ефимьян в нем любимого сына, юношей покинувшего отчий кров, а когда узнал, низко поклонился. Больше жизни Алексей любил Бога, Царя Небесного. Ему ушел служить, сменив «цветное платье» на «старицкое». За это и даровал ему Господь долгожданную встречу с отцом. Стали они оба божьими подвижниками. Из простой избы-кельи сделали уездный монастырь.

Сюжет этот любопытен тем, что переносит действие широко известных в Центральной России сказаний в Сибирь. В атамане Ефимьяне можно угадать князя Алхумиена, нарекшего свое чадо Лексеюшкой – Божьим человеком. Об этом необычном существе в тех сказаниях говорится: «Лексеюшко, Божий человек, не по

годах рос, а по часах, не по часах рос, а по минутах... Никто Лексеюшки не научает, сам Лексеюшка больше знает, он и старые книги прочитает, и пером-рукой-чернилом чисто пишет...».

Уход юноши из дома описывается так: «его сударь батюшка, государыня его родная матушка выручают, вынимают Лексеюшку сы школы, хотят Лексеюшку обруčiti. Не хочет Лексеюшка сильно жениться, горячими слезами отливает...». А когда его все-таки обручили, держит такую речь: «Княгиня молодая обрушная. Ня бойся никого больше Бога, а надейся на Бога святого! Покидаю я тебя с отцом матерью, возьми от меня шелков пояс, со правой руки золот перстень! Когда шелков пояс разоткется, а с руки золот перстень разойдется, тогда мы с тобою переставимся, в одном гробнице спокладемся, одною пеленою пеленимся, одною доскою накрыймся, одним проводом проводимся!». С этими словами Лексеюшка – Божий человек сбросил с себя златотканые княжеские ризы, надел одежду нищенскую да и отправился к синему морю, «к синему морю – к Лукоморью».

Не берусь утверждать, что речь в тех сказаниях шла непременно о Сибирском Лукоморье, но сюжет в «Московском телеграфе» именно в Сибирь Алексея – Божьего человека привел.

Невольно возникает вопрос: не имеет ли он отношения к Томскому Богородице-Алексеевскому мужскому монастырю? Ведь и первый в Притомье мужской монастырь основан между трех рек. Произошло это в 1605 году. Место для него было выбрано «угожее» – в устье Большой Киргизки, впадающей в Томь в девяти верстах от Томского города. Неподалеку протекала Малая Киргизка. Свою обитель святые отцы нарекли Богородицкой.

Согласно одной из томских легенд, свое название она получила в честь иконы Пресвятой Богородицы. А принес ее на берега Томи казак-товарищ самого Ермака Тимофеевича, атамана сибирского. Вместе с ним он ночевал на острове в устье Вагая, когда на дружину напали ордынцы коварного хана Кучума и,

пользуясь грозой, перебили ее. Очнувшись ото сна, Ермак прежде всего обеспокоился, цела ли икона Пресвятой Богородицы? Ее он получил в дар от владыки Казанского Ермогена перед походом в Сибирское царство, дабы Кучума с незаконно захваченного куреня сбить, а Сибирь к русскому царству снова прилепить, как при Иоанне Грозном было...

Надо полагать, речь здесь идет о высшем наставнике православного люда в Казани Гермогене, которому

в 1606 году суждено было стать патриархом «всёя Руси». Этот несгибаемый подвижник веры прославился тем, что в годы польской интервенции рассылал по всей стране грамоты с призывом к всенародному национально-освободительному восстанию. Призывы неистового патриарха стали духовной скрепой народного ополчения, собранного Кузьмой Мининым и Дмитрием Пожарским. Гермоген умер в плену, оставив потомкам пример истинного патриотизма.

Как видим, для легенд и преданий не имеют значения времена и пространства. У них своя логика, своя направленность, свой настрой. Любимых героев они наделяют даром появляться там, где это необходимо. Вот и в данной легенде Ермак и Ермоген появляются для того, чтобы соединить небо и землю, дух и плоть, Пресвятую Богородицу в образе Казанской Божией Матери, покровительствующую правым делам, с теми, кто вершит их на земле. И если Ермак и Ермоген выступают в легенде под своими именами, то *казак-товарищ* так и остается безымянным. Почему, следует из дальнейшего повествования.

Цела была икона Пресвятой Богородицы, да ликом вниз лежала. Видно, грома и молнии ее сотрясли, с места сдвинули. Стал Ермак ее искать, тут ордынцы на него и насели. Не успеет одних сбросить, другие вцепляются. Вот и крикнул он казаку-товарищу:

– Найди Казанскую Божью Матерь и вовеки сохрани!

Потом кинулся из шатра на подмогу дружке да так и пропал насовсем.

А казак-товарищ уцелел. Видать, потому, что Пресвятая Богородица его охранила. Думал, легко ему с ней будет, ан нет. Грехи, которые он за жизнь скопил, вдруг наружу вылезли. Вылезли и давай душу точить. Она и заболела. Вспомнил казак, как родителей своих обижал, за мужними жонками охотился, чужое, не спросясь, брал, во хмелю срамно буйствовал, а больше того, как в сторожах на

Вагае татаровой кучумовских проспал, а вместе с ними дружину с атаманом. Вот уж грех так грех, грех несмыываемый.

Одно и осталось: от мирских сует прочь уйти, вины свои горькие отшельничеством замолить. Взял икону Пресвятой Богородицы Казанской да и двинулся в путь-дорогу. Шел-шел, пока подходящее место для монастыря не нашел. Узнал, что киргизы раньше здесь мирную зушту обижали, и понял: вот где православному кресту стоять, вот где Пресвятая Богородица сибирские души умиротворит и к Спасителю подвигнет. Так вот и соединилось праведное и грешное.

С этой легендой напрямую связана другая:

Возрожденный монастырь

или себе Богородицкие чернецы мирно-дружно, рожь сеяли, скот пасли. Помолятся — потрудятся, снова помолятся — снова потрудятся. Богачества у них не было, но и нужда в дверь не стучалась. Человек к человеку, так семь десятков монахов скоро и набралось.

А настоятелем у них был старец Ефрем, человек мудрый и хозяйственный. Всех судил по правде и совести, всех любил, аки сынов своих кровных. К одним подойдет, расскажет, покажет, как быть, что делать. С другими вместе помолится. Третьих Божьим словом и снадобьями

на ноги поставит. А кому срок пришел упокоиться с ангелами, «Иже херувимы» пел.

Пять раз осаждали монастырский острожек пришлые киргизы, но монахи, аки Пересвет и Ослябя, с ними бились, живота не жалея. Грудь в грудь их не возьмешь, разве только вкраднем подобраться. Тут разные способы есть — кротом из-под земли выползти и спящую братию порезать, воду для еды-питья отравить, забросать монастырь градом огнищ. А лучше то, другое и третье разом устроить.

Так киргизы и сделали.

День простояли против них монахи, ночь продержались. Ни один из семидесяти не дрогнул, ни один спины неприятелю не показал. Ложились и умирали, как подобает Христову воинству. К концу третьего дня остались в живых лишь игумен Ефрем да юродивый Христа ради Максим. Лоб у него кованым обручем схвачен, железные тернии в кожу впились, семь железных обручей в тело вросли, на груди восьмиконечный крест к обручам прикован, а глаза кротким светом исполнены.

Вот и говорит старец Ефрем Максиму:

— Нас теперь двое в живых осталось, чадо. Провались земля, а Пресвятую Богородицу мы должны из полымя вынести и сохранить. Готов ли?

— Готов! — улыбнулся ему полопавшимися губами Максим.

— Тогда побежим к лодке. Я икону понесу, ты отталкивайся.

Но отталкиваться не пришлось. Едва они в лодку вспрыгнули, она сама от берега отошла и к Томскому городу против течения поплыла.

Киргизы по берегу стаей гончих псов бегут, из луков стреляют, копыя мечут. Да куда им

в божьих людей попасть, когда над ними сама Пресвятая Богородица! Ноги короткие да кривые от сёдел. Руки неверны да слепы от злости. Глаза потом залиты. А свыше завеса незримая опущена. Попробуй прострять сквозь нее. И захочешь, не получится.

Так и доплыла лодка до устья Ушайки, целая и невредимая. Повернула в нее, дальше поплыла да и пристала к берегу под Юрточной горой. А там на ту пору святой старец Алексей в тесном скиту жил. Вышел он навстречу божьим заступникам, принял из рук игумена Ефрема чудотворный образ и молча отнес на иконостас. Потом они обнялись и светло заплакали.

Никто кроме воевод да игумена Ефрема не знал, что некогда старец Алексей был архимандритом¹. Тогдашний патриарх Иов послал его с православной миссией в далекие восточные земли. На обратном пути миссия попала в руки немирных инородцев и была уничтожена. Уцелел лишь архимандрит Алексей. Его выкупили люди князя Тояна и привезли в свой городок на Томи. Тоян оказался умным и дальновидным правителем. Послушался он Алексея и отправился в Москву к царю Борису Годунову просить, чтобы Русия на Томи крепость поставила и со всех сторон эушту от врагов заступила. А когда Томской город срубили, Алексей удалился в келью на Юрточной горе. Звал его игумен Ефрем к себе в Богородицкую обитель, но старец на это загадочно ответил:

— Придет день, и мы станем заодно, отче. Нашей жизни на это хватит.

¹ настоятель монастыря

Вот и сбылось его предсказание. Богородицкий монастырь перебрался на Юрточную гору, чтобы возродиться и стать Богородице-Алексеевским.

Игумен Ефрем, в миру Березовский, лицо реальное. Это он в 1658 году на Юрточной горе деревянный храм Святого Алексия поставил, а в 1662–1663 годах отстроил вокруг него новый монастырь. Теперь на месте храма стоит величавый каменный Казанский собор, воздвигнутый в 1789 году в стиле «сибирского барокко». Архимандрит Алексей и Христа ради юродивый Максим – скорее всего плод народной фантазии. Ни тот, ни другой в исторических документах не упоминаются. Но жанр сказаний тем и хорош, что показывает не то, как дело было, а то, как оно могло быть, или как хотелось бы его увидеть. А видеть всегда хочется хорошее – любовь да согласие, труд праведный и торжество добра надо злом.

Уже в наше время – в 1991 и 2002 годах – монастырь посетил Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. В благословение этой старейшей монашеской обители он передал Казанскую икону Божией Матери – хранительницы восточных рубежей России.

Мысленно наложив сюжет из «Московского телеграфа» на сказание «Возрожденный монастырь», я вдруг почувствовал, что они срастаются. Старый атаман Ефимьян, срубивший избу-келью меж трех рек, превращается в мудрого игумена Ефрема, а Алексей – Божий человек, ушедший во имя Бога к синему Лукоморью и претерпевший на своем пути немало невзгод, становится старцем Алексием. Ефрем признает в нем сына. Вместе они возводят Богородице-Алексеевский монастырь. Жизнь прожита не зря. Теперь можно и умереть, чтобы воскреснуть в памяти народной.

ЖЕЛЕЗНЫЕ СЛЕДЫ

У обских народов *ас-ях* (остяков) есть такая сказка:

Когда солнце было еще маленьким, как желтый утенок, хозяин подземного мира Кошур-Торым красивую девушку себе в невесты украл и спрятал в глубоком подземелье.

В это время у нее брат родился. Положила его мать себе на колени, стала в руках катать – медное тело накатывать. Остались у мальчика одни кости да сердце. Снова стала мать в руках его катать – железное тело накатывать. Сказала:

– Скорей расти. Потом к Кошур-Торыму за сестрой отправишься. Я тебе пока железного коня накаваю.

Пока накатывала, сын вырос, богатырем стал. Пора за сестрой отправляться.

Тут пришла бабушка Чвёшембале, соколиную шкурку принесла. Сказала внуку:

– Положи ее в карман. Когда понадобится, на голову наденешь. Как птица летать будешь.

Решил богатырь проверить: так ли она говорит. На голову шкурку надел, вверх поднялся, на ту сторону реки и обратно полетел. Об землю ударился – снова человеком стал.

Тогда поблагодарил сын бабушку, обнял мать, сел на железного коня и в путь отправился.

Путь дальний, нетореный.

В этом ли конце земли, в том ли углу земли нашел богатырь кованые двери, спустился в подземелье.

Путь ему охрана заступила.

– Как ты сюда попал? – спрашивает.

– Похитил меня Кошур-Торым, – отвечает богатырь. – Теперь я каюр его. Жду его невесту. В гости к Корс-Торыму¹ поедем.

Тут откинулся меховой полог, вошла в разноцветной меховой ягушке украденная девушка, узнала брата и всё сразу поняла.

– Пася олэн, каюр! – сказала она. – Здравствуй, возница. Я готова с тобой ехать.

Не посмели охранники остановить ее, гнева Кошур-Торыма испугались. Откуда им было знать, что за коваными дверями из подземелья не оленья упряжка невесту хозяина ждет, а железный конь?

Вскочил богатырь на него, впереди сестру посадил, и помчались они прочь быстрее ветра. Где богатырский конь ступит, там железные следы будто от двух коней остаются.

Кинулся Кошур-Торым вдогонку, вот-вот за хвост коня схватит.

Сунул руку в карман богатырь, соколиную шкурку нашел. Надел ее на голову коня, сказал: – Лети!

Конь соколом в небо взвился, над болотами полетел, над Обью, от берега до берега которой стрела не достигнет.

Скоро устал Кошур-Торым за беглецами гнаться. Испугался, что его отец, владеющий землей и небом, грозный Нуми-Торым спросит, зачем он из-под земли поднялся, кого в

¹ настоятель монастыря

его владениях ловит – поймать не может. Уж лучше назад с пустыми руками воротиться.

Так и сделал.

Тем временем богатырь и его сестра чум увидели, где их мать ждала. Стали ей сверху руками махать. Соколиную шкурку с головы коня, радуясь, уронили.

Конь сразу вниз упал, в огромный железный камень превратился. Другим камнем богатырь стал. Лишь девушка за верхушку самого высокого кедра зацепилась. Она легкая была. Сама

на землю к матери спустилась. Когда посмотрела на нее, будто постарела.

Мать спрашивает:

– Где твой брат, которого я за тобой послала? Где конь, которого я ему накатала?

Дочь только голову опустила.

У матери сердце остановилось. Вышла она из чума, огромные железные камни увидела, все сразу поняла. Спасая дочь, она сына потеряла. Бывает, что и наконечник стрелы, хорошо привязанный, вдруг отваливается.

С тех пор много железных глыб по тайге люди видели. Это следы богатырского коня остались. Сам конь на боку в тайге лежит, в землю врос. Рядом торчит круглоголовый камень, тоже железный. Кошур-Торым хотел его под землю утянуть, но сил не хватило.

Пусть здесь этой сказке конец будет. Пусть наконечники стрел никогда не отвязываются.

Сказка отличается от сказания прежде всего тем, что в ней происходит то, что в жизни произойти ну никак не может.

Возьмем сказку о матери, которая сначала медное, а затем железное тело сыну накатала. Если воспринять ее буквально, то сделать это она, безусловно, не могла. Если метафорически, сравнивая тело и характер мальчика с медью и железом, то вполне. Ведь тогда получится, что мать сумела вложить в сына необыкновенную физическую силу и столь же необыкновенной твердости (прямо-таки железный) нрав. Именно о таком многозначном восприятии текста и подтекста мечтал А.С. Пушкин, заканчивая «Сказку о Золотом петушке» поэтическим афоризмом: «Сказка – ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок!».

Вот и сказка о железном богатыре как при буквальном, так и при образном ее прочтении указывает на то, что жители Западной Сибири издавна пользовались медными, железными и другими металлическими изделиями. Иначе откуда они могли знать о них? Уместен и другой вопрос: откуда они получали

металлические изделия – сами делали или обменивали у соседей?

Ответ на этот вопрос дают археологи: выменивали, и прежде всего у жителей Притомья. Здесь еще в конце второго тысячелетия до нашей эры возникло несколько центров по производству бронзовых ножей, топоров, наконечников для стрел и копий, котлов и рогатин. Один из них располагался на месте современного поселка судостроителей Самусь вблизи Томска.

Бронза – довольно сложный сплав. Он включает в себя медь, цинк и олово. Из этого следует, что древние металлурги были не только опытными мастерами, но и прекрасными рудознатоками. Необходимые компоненты для литья они добывали на Томи или привозили из других мест, расположенных по соседству.

Минуло еще одно тысячелетие. Наступил век железа. Сибиряки научились выковывать из него более сложные изделия – панцири, пластинчатые кольчуги, остроконечные шлемы, мечи, боевые топоры, молоты, копья... Новая волна хлынувших в Сибирь кочевых племен резко взвинтила спрос на оружие. Насилие и грабеж не требовали ежедневного труда и терпения. Сила обогащала мгновенно, сказочно.

Чтобы защититься от воинственных набегов, местным жителям пришлось сооружать укрепления с глубокими рвами и высокими валами. Так, по мнению ученых, возникли городища в устье речки Басандайки и севернее Тимирязевского (Тоянова) городка, у деревни Нагорный Иштан, в урочище Шеломок на Томи, на Остяцкой горе у районного центра Молчаново, у деревни Каштаково Кожевниковского района и в других местах.

История имеет свои приливы и отливы, штормы и штили, подземные толчки и космические катастрофы. Меняется время, меняются люди и события. То, о чем говорилось в сказках, порою сбывается. Железные камни (следы богатырского коня) обнаружены были не только в Притомье, но и в «остяцком краю» – на Оби, Тyme и его притоке Кёнге. По этим следам в разное время шли русские изыскатели и рудознатоки. Вот реконструкция сказания об одном из них:

Позара

то случилось в те поры, когда на Руси первый царь из корня Романовых правил — Михаил Федорович.

Пришла ему как-то челобитная от томских воевод. Жалобились они слёзно, де на Сибири железа много, а пищали железные, ядра к ним, сошники, косы, серпы и прочую утварь для крестьянских работ присылают в Томской город из Устюжны Железнопольской либо из Новгорода, Деделова, Тулы, Олонецких земель. Долго это и хлопотно. Пересылки в пути застревают. Кабы дал государь им опытного кузнеца-рудознатца, они бы у себя то железо сами сыскали и выплавку наладили.

Царь-государь бровью повел, рукой боярам махнул:

— Правильно мыслят томские воеводы. Послать к ним сей час же дельного мастера, который в железе смыслит.

Сказано — сделано.

Сыскали государевы слуги в ближнем Новгороде смыслящего в железе казака Федьку Еремеева Позару, сунули вместе с семейством в сани.

— Езжай, — говорят, — в Сибирь, в Томской город, железные руды проведывать! Не посрами, — говорят, — чести новгородской!

— Ладно, — отвечает Федька. — Постараюсь по силе мочи своей. Только вы со мной Пятуньку Кизила отрядите. Я с ним привыкши всё в четыре руки и в две головы делать.

— Небось, и без Кизила обойдешься, — усмехнулись государевы слуги. — Кизил — ягодка дикая, кислая. С нее оскомины бывает.

— Ах, так? — осерчал Федька. — Тогда сами езжайте на Сибирь железо искать! Так и знайте: без Пятуньки с места не сдвинусь!

Пришлось государевым слугам согласиться. Одним казаком меньше, другим больше, стоит ли из-за этого голову ломать? Послали обоих-двух.

Вот приехали новгородские мастера в Томской город. Осмотрелись. Город как город. Из двух рек умывается, подолами рубах утирается, с горы на гору пересвистывается, топорами постукивает, во все стороны поглядывает, не идет ли откуда ворог разбойничать, тутошних сибирцев забижать, с Москвой свару заводить. Чуть чего, ворота на запор, и — в ружье! Голыми руками его не возьмешь.

Первый день мастера отдыхали с дороги, на другой — наладились железо искать. Уговор у них простой: Федька вверх по Томи от Ушайки идет, Пятунька вниз. По тайге да по болотинам рыскать — толку мало. А речной бережок подсказать может, что под землей лежит. Надо только под ноги да на осыпи зорко поглядывать, смекать, что к чему. Не зря говорится: за чем пойдешь, то и найдешь.

Так и вышло. Не успел Федька и трех верст от Ушайки прошагать, на высоком яру за поворотом ржавцы показались. Срубил он на склоне березку, нижним концом в заводь под ржавцы сунул. Кора на том конце сразу и оголилась, будто ее в кипяток макнули. Стало быть, железная руда рядом. Это она Федьке знак подает.

Вернулся Федька к воеводам: так, мол, и так, надо берег в том месте копать для опыту по железное камень.

Раскопали. И правда, есть! Стали то камень ломать, на яр затаскивать и дробить на мелко.

А Пятунька назад с пустыми руками возвратился. Глядит, на яру дым коромыслом. Опечалился, что не он железо нашел.

Заметил это Федька, хлопнул друга-товарища по плечу:

— Переложи печаль на радость, Пятунька. Последняя удача лучше первой. Чем кваситься, берись домницу делать. Ты по этой части первее меня. Мою заслугу своей покрой, вот и сравняемся.

Долго ли, коротко ли, сделали печь с широким челом, с мехами для дутья и хорошим поддувалом. Засыпали в колошник просеянную через решето руду, разожгли ее на дровах. Через время слилось из той руды железо, да такое крепкое, какого ни в Новгороде, ни в Устюжне Железнопольской не дельвали. А все потому, что руда здесь не луговая, не озерная, не болотная, а такая, что только в горном краю бывает.

Обрадовались воеводы: экие мы мозговиые, наперед всё узрели! Не мешкая, отправили к государю гонца. В отписке не забыли себя похвалить: всё-де вышло, как мы тебе обещались, царь-батюшка, ждем-де твоей милости и дальнейших указаний. Думали, он их к себе в Москву тот час отзовет, новыми чинами и землями пожалует. Да прошиблись маленько. Государь в ответ своего гонца прислал: желаю-де сам видеть Федьку Еремеева; как он при мне из томского камня сибирское железо сольёт, так и поверю вашему письмишке.

Делать нечего. Велели воеводы наломать побольше железной руды из притомского яра и погрузить ее на телеги. Сто телег нагрузили. На сто первую сели Федька с Пятунькой. И на этот раз Еремеев отказался без Кизила ехать. И на этот раз пришлось государевым слугам к

нему приноравливаться.

Вот едут они, беседуют, что слышали о Москве, вспоминают. А слышали они разное. Москва — всем городам мать. Это понятно. Раз царь-государь в ней живет, то и Москва всем городам царский город. В нем сорок сороков церквей. Как заблаговестят, на десять верст окрест слышно. Кому не охота московского хлеба-соли покушать, красного звона послушать? Бывалые люди сказывали: в Москве каждый день праздник. Там всё найдешь, даже птичье молоко. Однако проскальзывала в их словах и опаска: в Москву идти — голову нести. А хуже того присловие: московские люди землю сеют рожью, а живут ложью. Где правда, где напраслина, издали не разобрать. А вблизи глаза могут разбежаться.

В конце концов друзья-товарищи рассудили: в большом городе всего больше — и светлого, и темного, и спасительного, и губительного. Одни честно государю-батюшке служат, а другие лишь прислуживают, свою выгоду наперед ставят. От них всякое неустройство в делах и проистекает.

Три месяца обоз до Москвы добирался. На четвертый въехали Федька с Пятунькой в стольный град. Явились пред светлые государевы очи, челом ударили, привет от Томского города передали.

Государь привет принял, хитро глянул и спрашивает:

— Пошто тебя, Федька, Позарой кличут? Нешто ты и впрямь на чужое добро позариваешься? Или озорничать горазд, вздорить да буяннить? Любопытно знать.

— Зачем мне чужое, когда свое есть? — обиделся Федька. — Кузнеца молот одевает,

наковальня обувает. На семейство покуда хватает. Спать долго — жить с долгом. А я по заре встаю, вместе с птицами за работу принимаюсь. За то меня люди Позарой и прозвали.

— Ладно, не обижайся, Федька, — пресек его изъяснения государь. — Это я так, к слову молвил. Теперь к делу перейдем. Ты мне на Пушечном дворе железо из томской руды выплавишь, а я посмотрю, хорошо ли? Коли хорошо, награжу. Коли плохо, выпорю.

Ударили они по рукам.

Федька фартук кожаный на себя надел, волосы через лоб сыромятным ремешком подвязал, на ладони поплевал да и давай вываривать, отжимать, проковывать и плющить в пудовые полосы томское железо. Пятунька у него на подхвате чертом вертится.

Выше всяких похвал железо получилось. Пришлось государю удвоить Федьке и Пятуньке жалованье, обласкать принародно и на Томь с почетом отпустить. Они там нужней. Пусть русское железо на Сибири варят, чтобы не хуже, чем у кузнецких людей было.

Вернулись мастера в Томской город, домницу расширили, новые меха для дутья поставили да и отлили для Взвозной Бугровой башни пищаль¹ полковую скорострельную, а к ней 155 ядер чешуйчатых. Затем пищаль для Бугровой острожной башни со стороны киргизского прихода сделали, а к ней ядер железных по кружалу числом 151. Так дело и пошло.

Федька как прежде по заре вставал, с птицами пересвистывался. Любил повторять: «Всё на свете к лучшему. Бог не без милости, кузнец не без счастья».

Однако счастье от него вскоре отвернулось. Железная руда на томском яру понемногу иссякла. Новые воеводы не дозволили другое место для пушечного производства разведывать.

— Ах, так?! — распетушился Федька. — Вот я государю на вас челом ударю. Где это видано — супротив его воли железное дело свёртывать?

— Бей на здоровье! — разрешили воеводы. — Да только лоб не расшиби.

¹ пушка

Слово за слово, и вот уж Федьку плетью секут, а его железный наряд по разным сибирским крепостям служить рассылают.

Не стало рядом верного Пятуньки Кизила. Не стало и других мастеров-послужильцев. Вдвое усохло жалованье. Зато едоков у Федьки в семье прибавилось. Другой бы на его месте руки опустил, на чужое позарился или в какое ни то озорство впал, а Федька чист. Только злей на работу стал. Серпы для пашенных крестьян по две штуки за алтын делает и отдает с припевкой:

*Нам хотели запретить
По этой улице ходить,
Стены камни пробьем,
По этой улице пройдем!*

Так и помер на Железной улице.

Чаще всего сказание повествует о событиях возможных или реально происходивших, но для занимательности сказочно приукрашенных. Именно такое соединение реального и вымышленного видим мы и в сказании «Позара». Прямое тому подтверждение – «Список 3 государевы царицы и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси грамоты, какова прислана в нынешнем во 134-м году генваря в 19 день¹ с томским казаком Палкою Вахромеевым. – О железе». А говорится в царской грамоте вот что:

«В прошлом во 132-м году октября в 20 день² писали к нам ис Томсково города воеводы князь Иван Шеховской да Максим Радилов: посылали де они кузнеца Фетку Еремеева проведывати и искати железные руды; и кузнец Фетка Еремеев пришед сказал им, что нашел

¹ 19 января 7134 года от сотворения мира или в 1626 году от Рождества Христова

² 20 октября 1624 года

он в горах камня и руду, а чаёт он Фетка, что ис того камня и из руды железо будет; и они посылали с тем кузнецом с Феткою казака Пятуньку Кизыла для опыту по камень и по железную руду; и они с ним тово камня и железные руды Фетке кузнецу велели железо варить при себе; и родилося ис той руды и ис камня железо добро, такое ж, что и в Кузнецкой земле; и то они железо прислали к нам к Москве с тем же кузнецом с Феткою Еремеевым. И на Москве то железо переплавляли, и то железо добро, будет из него сталь. И по нашему указу за то кузнецу Фетке Еремееву, который приезжал к нам к Москве с тем железом и тое железную руду приискал придано нашего денежного жалованья к 5 рублям с четью¹ 5 рублев денег, хлеба к 5-ти четям муки, да к чети круп и толокна 5 чети муки, четверть круп и толокна; да ему же дано нашего жалованья сукно доброе. Да Томского города казаку Пятуньке Кизылу, который посылан был с тем же кузнецом с Феткою для проведывания тое железные руды, дано нашего жалованья сукно доброе».

А вот отписка царю томских воевод Афанасия Гагарина и Семена Дивова, сменивших Шаховского и Радилова. 29 августа 1625 года они сообщали в Москву, что «Фетка с товарищи железо делают, ломают камень от города 3 версты, да пережигают, и того де железа родитца мало, на неделю по пуду, а на иную неделю и не родитца пуда; а выковано де того железа октября от 3-го числа да февраля по 28-й день в крицах² 11 пуд; и они то железо велели пушечных мастером ис криц выковати и велели делати пушку волкопейную».

В ту пору Томской город был еще мал. Он легко умещался на Воскресенской горе и в нижнем («подгородном») посаде на Ушайке. В трех верстах от него на высоком берегу Томи шумела вековая тайга. Там-то и нашел Федор Еремеев железную руду. Там же построил

¹ с четвертью

² губчатое пористое железо (полуфабрикат) с большим содержанием шлака; после проковки из него получался железный слиток

домницу для выплавки сыродутного железа и отлил из него несколько пушек для Томской крепости.

Это место сегодня мы знаем как Лагерный сад. Названо оно так потому, что раньше здесь размещались летние лагеря созданного в 1763 году Томского пехотного полка. Позже этот полк преобразовывался в мушкетерский, затем в линейный, пехотный, стрелковый. Слов нет, памятное название – Лагерный сад. А как оно называлось в тридцатых годах семнадцатого века? Вот бы узнать. Мне кажется, как-то очень просто и выразительно, в духе того исторического времени.

Сведения о «железном наряде» Федора Еремеева Позары скупы и отрывочны. Тем весомей заслуга Александра Романовича Пугачева, страстного краеведа и опытного книгоиздателя, собравшего их в небольшой, но содержательной книжке «Кузнец-рудознатец Федор Еремеев» (Томск, 1961). Эта книжка из числа тех, что с годами не стареют, как не стареет история земли Томской.

«Железный наряд» Федора Еремеева просуществовал всего пять лет. В 1628 году из Москвы пришло указание: «железо в Томском городе не варить». А в следующем, 1629 году, Сибирь была разделена на два разряда – Тобольский и Томский. К Томскому отошли Сургут, Нарымский, Кетский, Кузнецкий, Енисейский и Красноярский остроги. Томск стал центром огромного края, в котором сходились не только военные, крестьянские, но и торговые дороги. На пересечении этих дорог возник сначала первый, затем второй Кузнечные взвозы. Их заселили мастеровые, главная обязанность которых – коней подковать, телеги и экипажи «в железо обуть», сохи, серпы, плуги поделать, кованые решетки и ворота, металлические ложки, медные и оловянные кольца, церковные колокола, всевозможное военное и торговое снаряжение – всего не перечислить. Здесь всегда было дымно, гамно, многолюдно. Чувствовался пульс вечной дороги, неостановимого движения. Повсюду витал запах железа.

Шестьдесят лет спустя началось строительство Великого Сибирского тракта. Он пронизывал Томск через Кузнечный ров (так назывался в ту пору распадок

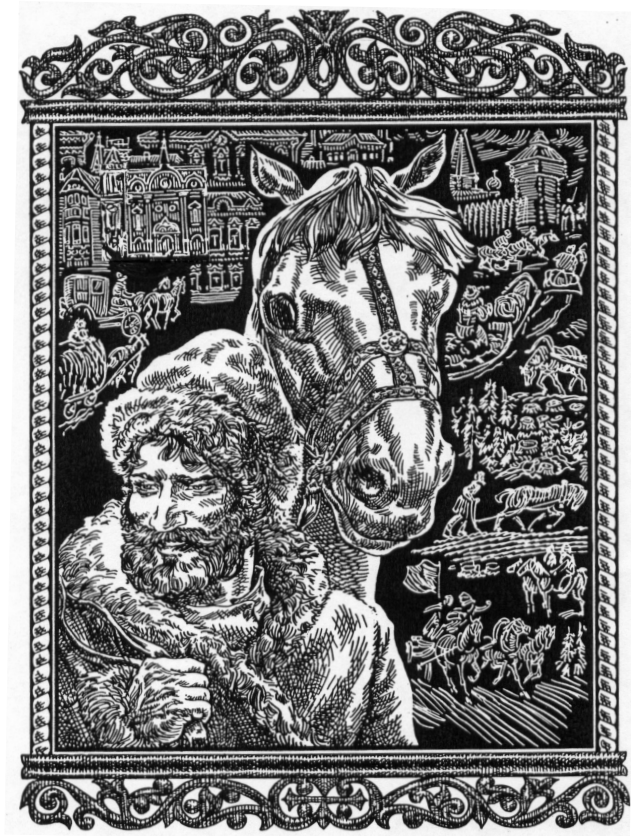
между Воскресенской и Каштачной горами), затем двигался через Ушайку к Юрточной горе. Весь путь по городу до этого места именовался тогда Иркутским трактом, а дальше на запад начинался Московский. Здесь, а также у Белого озера, возникли еще две кузнечные слободы, весьма небольшие. В них делались мелкие ремонты и осмотр возов перед отправкой в путь.

В 1715 году Лоренц Ланг, пленный швед, ставший волею судеб лейтенантом русской службы, следуя через Томск, так описал его:

«Город расположен красиво – на горе; в нем много богатых людей. Река изобилует различной рыбой. Город богат хлебом, его даже вывозят в другие города. В его окрестностях добывают так много пушнины, как ни в каком другом месте Сибири. В окрестностях города добывают свинец, железо, медь. О серебре не слышно, но, по словам шведских пленных, кое-где встречается. В курганах окрест города находят изображения, сделанные из золота и серебра: птиц, рыб, идолов, украшения для седел, посуду, кольца, серьги и многие другие вещи. Но не все предметы сделаны из золота и серебра, встречаются также изделия из меди и железа. Таких вещей у современных жителей нет, из железа у них сделан котел, а вся остальная утварь – из бересты».

Утратив со временем военное значение, Томск превратился в «караван-сарай» Сибири, место перевалки и хранения грузов, в город кузнецов, ямщиков и торговщиков.

Поистине золотым для него стал век девятнадцатый. В 1804 году образована Томская губерния. В нее вошли территории нынешних Томской, Новосибирской, Кемеровской областей, Алтайского и большей части Красноярского краев. Девятнадцать лет спустя Енисейский, Красноярский и Туруханский уезды образовали самостоятельную Енисейскую губернию. Однако еще долго после этого в Томске (по меткому выражению автора «Томской старины» Александра Васильевича Адрианова) жительствовавшие промышленные «тузы» той и другой губерний. Их породнила «золотая лихорадка», охватившая Сибирь в тридцатые годы. Золотые россыпи были

найлены сразу во многих местах, в том числе на реке Кие (она протекает в полтораста верстах от Томска), ее притоке Берикуне, в верховьях Ушайки и на других реках. Не удивительно, что именно губернский Томск стал «резиденцией крупной золотопромышленности». Свои особняки и конторы «успешные люди» того времени строили, конечно же, на главной улице города. Вскоре она стала называться Миллионной.

Но не только на добыче золота сколачивались тогда миллионные состояния. На извозном и кузнечном деле тоже. А еще на чаерезании, иными словами, на грабеже ямщиков, везущих чай из Китая. Именно так, согласно

молве, всего за несколько лет скопил «первоначальный капитал» однолошадный возчик Евграф Кухтерин. О нем в Томске ходили легенды. Трудно сказать, что в них правда, а что вымысел. Поэтому будем придерживать-ся документально достоверных фактов.

В 1870 году Евграф Николаевич создал одну из крупнейших в Сибири транспортных компаний «Кухтерин и сыновья». Для обслуживания возов, число которых со временем достигло 15 тысяч, ему требовались искусные кузнецы, литейщики, экипажных и прочих дел мастера. Вот он и обосновался в районе Кузнечных взвозов, взял управление мастерскими в свои руки. В зимние месяцы нанятые им ямщики перевозили до 750 тысяч пудов кладей, и прежде всего китайский чай.

Однако поистине золотым для Томска девятнадцатый век стал в 1888 году, когда распахнул свои двери первый в азиатской части России Томский императорский университет. Лишь половину средств на его строительство выделила царская казна. Остальное собрали имущие и малоимущие сибиряки. Первоначальный взнос «к открытию» сибирской альма-матер (мать наук) еще в 1803 году сделал сын крупного русского промышленника, выпускник Геттингенского университета и Фрейбургской горной академии Павел Григорьевич Демидов. При этом он оставил такую приписку: «прошу дабы мой капитал положен был в государственное место с тем, чтобы обращением своим возрастал... представляя дальнейшее распоряжение оных благоразумию министра народного просвещения». К началу строительства Томского университета фонд Демидова возрос до 150 тысяч рублей. Еще 210 тысяч вложили почетный гражданин Томска, золотопромышленник Захарий Михайлович Цибульский и знаменитый исследователь Сибири, иркутский золотопромышленник Александр Михайлович Сибиряков. Томские «тузы» вместе с городской «общественностью» внесли в общую копилку тоже немало – 125 тысяч рублей. В общей сложности – 485 тысяч.

Широко зазвучала «Сибирская студенческая песенка», написанная томским поэтом Георгием Вяткиным:

*Юной верой пламеня,
С Лены, с Бии, с Енисея,
Ради воли и труда,
Ради жажды жить светлее
Собралися мы сюда...*

Но вернемся к транспортной компании «Кухтерин и сыновья». К 1908 году извозный промысел уступил место более выгодным и быстрым перевозкам по железной дороге и пароходами. Вместе с ним пришло в упадок и кузнечное дело, обслуживающее ямщину. Многие мастерские в томской Кузнечной слободе закрылись. Но и до сих пор железным звоном веет от исторических названий – первый и второй Кузнечные взвозы.

Казалось бы, здесь и кончается рассказ о томском железе. Ан нет. В 1946 году геолог Западно-Сибирского геологического управления А.Т. Пшеничников практически там же, где Федор Еремеев, на крутом обрыве Лагерного сада, обнаружил выходы железной руды. Профессор Томского университета, известный сибирский ученый-изыскатель И.К. Баженов оценил это как крупное открытие. По его мнению, Пшеничникову удалось найти «высококачественную легкоплавкую руду с содержанием окислов железа до 54–60 процентов при наличии марганца. Намечающееся залегание в виде слоев среди глинистых сланцев и своеобразные структурные особенности дали возможность отнести указанные руды к морским отложениям карбонового возраста... Просмотр разреза берега реки Томи от Лагерного сада показал, что в обрывах имеются свалы сходных железных руд, но сами пласты на поверхности не видны, будучи покрыты оползневymi образованиями».

А не видны они потому, что Томск стоит на отрогах мощной железорудной гряды. Основная ее масса залегает на территории Бакcharского района. Там в недалеком будущем намечена их промышленная добыча.

Невидимая глазу железная гряда – своеобразное и прочное основание всей томской истории. Мне оно представляется подножием памятника многим и многим нашим предшественникам, тем, кто искал и находил, строил, дерзал и творил.

Время соединяет эпохи и судьбы, быль дополняет сказкой, легенду – притчей; следы железного богатыря и его коня через настоящее уводят нас в будущее. Попутно промелькивают другие, более локальные сюжеты. Но и они важны для понимания прошлого.

Вот реконструкция сказания времен «золотой лихорадки». В ней тоже есть элементы притчи, иными словами, поучительного иносказания о соблазнах.

Бес попутал

огатому черти деньги куют. Вот и купцу Аполошке выше головы наковали. За что? — А он на заговенье¹ пировать с мясоедом вздумал. Черти его и облепили:

«Пируй дальше, милостивец! Однова живем — что с совестью помрем, что без совести. Без нее даже лучше. Денежкам заговенья нет!».

И прочее в таком же духе.

Понравилось Аполошке с чертями дружить — весело да прибыльно. Вот он душу им и запродавал. Взамен то ли три, то ли пять золотых приисков получил. Через то и попал в миллионщики.

Зваться новоявленный богатей стал не Аполошкой, как прежде, а наполовину по-гречески — Аполлоном Стахеичем. Одеваться возжелал — как его превосходительство генерал-губернатор. Дом построил в три порядка: нижний из камня, средний из лиственницы, третий тоже из лиственницы, но теремной. А двор какой? — За день в карете не объедешь, такой просторный.

¹ последний день перед постом

Одно плохо: никто Аполлонову дочь Олимпиаду замуж не берет. Не сказать, чтобы калечная или страхолюдная была. Ни-ни. С виду девка как девка, но уж больно привередлива. Ей любого жениха не надо — отборного подавай. Да чтобы имечко у него не хуже ейного было. Ну, разве может Олимпиада Аполлоновна с каким-нибудь Иваном Кузьмичом, Николаем Сидоровичем или Василием Митрофановичем под венец идти? Да ни за какие пряники!

Пока Аполлон Аполошкой был, женихи его дом стороной обходили, а тут вдруг косяком пошли. Среди них и заметил миллионщик подходящего по всем статьям человечка. Годами он скорее молод, чем стар. Звался не как-нибудь, а Любомудром Александровичем. И смекалкой его Бог не обидел. Сам из бедных дворян, ученых заведений не кончал, а до прокурорского чина однако ж дослужился. Сразу видно, смышленный.

О лучшем зяте Аполлон Стахеич и мечтать не смел. Олимпиада Аполлоновна и вовсе при виде его всеми фибрами¹ затрепетала. Подошла к нему, упала на руки и шепчет:

— Не кормил, не поил, так хоть поцелуй.

Пришлось Любомудру и впрямь ее при бабтюшке да при матушке душевно расцеловать. Вроде как посватался.

А дом миллионщика на тот раз был чертями больше обычного полон. Никто их не видит, не слышит. Они и шныряют, жениха искушают:

«Сороку взять — щекотлива; ворону взять — картавита; зато жар-птица в самый раз тебе, сокол, будет. Она — госпожа. Но ведь и ты — господин! Не уппусти случая!».

¹ нить, волокно; густая часть крови

Совсем смутили Любомудра. Он искушению и поддался.

«Хорошего помаленьку, — думает. — Посудили, порядили, пора и для себя пожить. Богатую женушку в стену не врезать, зато богатство ее само в расход просится».

Так вот и Любомудра бес попутал. Сразу после свадьбы он в отставку вышел. Одеваться стал пуще тестя своего, Аполлона Стахеича. Одна кудря три рубля, а другая тысячу. Ходил франтом — сапоги с бантом. Бороду клином стриг, усы кренделем. В перчатках мылся, с сеткою на голове спал. Одним словом, щеголь Матрешка — полтора рубля застежка.

Это бы еще ничего. Разохотясь, решил Любомудр в Томске Санкт-Петербург устроить. Куда до его затей тестю-миллионщику с его домом-теремом! Любомудр царский дворец поставил, дорогими картинами увешал, книгами с золотыми корешками уставил. Книги те не простые. На корешках писано: «Благодарение и порок», «Тщеславие и скромность», «Прямота и лукавство», «Работа и праздность» и так далее. А если заглянуть за те корешки, никаких книг за ними вовсе и нет. Одна видимость. Зато впечатлительно смотрится.

Посуда у Любомудра тоже всему миру на зависть — из томского фарфора. Тарелки расписные, бокалы по бутылке шампанского в себя вмещают. Но самое удивительное — сад у дворца. Сверху вниз по нему ручей течет. Через него круглый мост с резными перильцами перекинут. Вокруг прозорные вышки, пещерки-вертепы, белые статуи, беседки для уединения и прочих барских причуд, а посреди сада — легкое возвышенное строение со стеклянными стенами. Это у него танцевальная

зала. Рядом пруд. По нему итальянские лодки с гостями плавают. Всюду китайские фонари. Море огней! Райский сад с заморскими птицами, цветами и плодами под вид винограда и фиников. Издали поглядеть — всё живое, а вблизи — слеplено да нарисовано.

Любил Любомудр пиры с диковинными представлениями задавать. Его просили: на храм пожертвуй, на школу, на детский приют. Он только отмахивался: потом... успеется... Совсем от превосходства своего голову потерял.

Как-то раз пожаловал в Томск высокий столичный чин. Вот и решил Любомудр перед ним отличиться. Собрал чертей да и велел им итальянскими лодочниками нарядиться, а ручей в настоящий пруд на время превратить.

Черти, ясное дело, расстарались. Ублажили гостя, да так, что о чудачествах «томского герцога» далеко молва раскатилась. Всяк власть имущий считал за честь у него в гостях побывать. А простой люд то гневался, то умилялся его затеям. Тесть же миллионщик с каждым годом все больше темнел и хмурился.

— Разоришь ты меня, зятек, — сетовал он. — Себя и Олимпиаду с детишками без хлеба оставишь, по миру пустишь. Нешто можно так деньгами сорить?

— Все черти одной шерсти — что твои, что мои, — отвечает Любомудр. — Ты меня с лукавыми свел, тятя, вот и не обижайся. Чем скучно жить, лучше веселиться. По миру пойти никогда не поздно.

Помер Аполлон Стахеич от сокрушения сердца. Перед смертью за грехи свои покаялся, на церковь немалую сумму пожертвовал.

А Любомудр знай себе гуляет. Совсем с ума спятил. Спыхватился, когда последнее

спустил. За долги его дворец вместе с диковинным садом к заимоателям отошел. Остался он гол как сокол. Из «томского герцога» превратился в «шута горохового». Богатым был, да в нищете умер. И люди его тот час позабыли.

Не зря в Святом Писании сказано: «всякий возвышающий сам себя унижен будет»...

Персонажи этого сказания легко узнаваемы. Крупнейшего томского откупщика и золотопромышленника середины девятнадцатого века Филимонова звали Аполлоном Евтихиевичем. Свою дочь Олимпиаду он выдал замуж за губернского прокурора Философа Александровича Горохова, то есть «за Любомудра». Это был незаурядный человек. Выходец из обедневших дворян, не имея никакого образования, он сумел из канцеляристов уездного суда выбиться в губернские прокуроры. Однако соединение власти и денег породило взрывоопасную смесь. Почувствовав себя вельможей, которому всё можно, Горохов ушел в отставку и стал тратить семейные капиталы на феерические сооружения, описанные в сказании «Бес попутал», на пышные приемы, театрализованные представления, роскошную посуду и прочую помпезность.

Как тут не вспомнить притчу о богатом юноше из Святого Писания? В «Евангелии от Матфея» (19:16, 20-24) она изложена так:

«И вот, некто, сказал Ему (Иисусу Христу): Учитель благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную?..

(...) Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, и следуй за Мною.

Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение.

Иисус же сказал ученикам своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное;

И еще говорю вам, удобнее верблюду пройти сквозь игольные ушки, нежели богатому войти в Царство Божие».

Беда Горохова и других миллиончиков дня прошлого и настоящего в том и заключается, что они умеют брать, но не желают отдавать. Спрашивая у Иисуса, что им сделать доброго, чтобы иметь жизнь вечную, они хотели бы услышать малый денежный запрос. Пожертвовать большим они не готовы. Поэтому и бросаются из крайности в крайность – начинают демонстрировать свою власть и роскошь, доступную лишь «небожителям». Но расплата за это неминуема.

Вот как описал последние дни Горохова в «Томской старине» А.В. Адрианов:

«Старые прихлебатели и друзья, такие же фальшивые, как и его библиотека, стали теперь собираться, как шакалы на падаль, к гороховскому имуществу и тащить, что можно. Униженный и больной Горохов доживал свои дни в крошечном домике, рядом с прежними хоромами, которыми уже не владел более. От конкурсного управления этот памятный дом перешел в собственность Общественного собрания и оставался в его пользовании, пока не сгорел...».

А ведь были в Томске купцы и другого рода. Первая половина жизни Петра Ивановича Макушина чем-то напоминает судьбу Горохова. Во второй он последовал совету Иисуса Христа из притчи о богатом юноше. Но не буквально. Добытые подвижническим трудом, а точнее, на книготорговле, издательском и просветительском деле средства, он не роздал нищим, а напротив, многократно преумножил, но не для личного ублажения, а для пользы сибиряков. Вот как написал он об этом в своем завещании:

«Проведший детство в убогой обстановке, годы юности в «казарменной» бурсе, начавший свою службу на полудиком Алтае, испытавший там лишения даже в одежде и обуви, я всю свою последующую жизнь не позволял себе ни роскошной обстановки, ни обычных

для богатых людей развлечений: выезда, карт, вечеров, парадных обедов, путешествий и т.д., хотя и располагал на то достаточными средствами. Рискуя быть заподозренным в ненормальности моих мозгов, решаю заявить, что делал это не от скупости, чем объясняли мое поведение даже близкие мне родные, а из глубокого сознания, что эти средства не мои, а общественное достояние. Я считал себя только казначеем народных денег под чутким контролем своей совести... Свободные средства я охотно и с удовольствием тратил на дела просвещения и благотворения. Опасаясь распыления собранных средств, я обращал их в недвижимое имущество, предназначая и завещая таковое под просветительские учреждения».

Макушин появился в Томске, когда феерическая звезда Горохова стремительно закатилась. Это лишнее укрепло его в желании всего себя отдать служению людям, народному просвещению. Вряд ли потом он вспоминал «щеголя Матрешку» – не до того было. Макушин работал «денно и ночью». Но в последние годы жизни, вынашивая каждое слово своего завещания, наверняка вспомнил. Это чувствуется по его подтексту. Такое ощущение, что Петр Иванович полемизирует – если не с самим Гороховым, то с подобными ему людьми. И вместе с тем как бы отчитывается за всю свою жизнь. А отчитаться ему было чем – первый в Сибири книжный магазин, первая бесплатная библиотека, народный театр, Общество попечения о начальном образовании, «Сибирская газета» и «Сибирская жизнь», Народный университет...

Примеру Макушина следовали и другие томские купцы: П.В. Михайлов, С.С. Валгусов, И.Г. Гадалов, В.Т. Зимин, Ярлыков, И.М. Некрасов, Ф.Х. Пушникова и другие. Построенные на их благотворительные взносы учебные заведения, больницы, приюты, храмы и до сих пор остаются исторической и архитектурной достопримечательностью Томска.

В отличие от них Горохов ничего потомкам не оставил. По словам «дедушки Сибири» Григория Николаевича Потанина, жизнь он прожил бессмысленно и капиталы свои растратил для Сибири бесплодно.

СИБИРСКИЙ ЗАТВОРНИК

20 января 1864 года в монашеском покойчике (келье) при доме томского купца Семена Феофановича Хромова угас 87-летний старец, фамилию которого история не сохранила, лишь имя и отчество – Феодор Козьмич, а в просторечии Федор Кузьмич. Еще при жизни слава о нем, как о великом угоднике Божьем, широко распространилась по Сибири, а затем и по России. Придворный историк Николай Шильдер писал, что подобные легенды «распространяются, подобно роскошным цветам, под лучезарным блеском, озаряющим жизнь героев. Человек уже снизошел в могилу, а легенда переживает его, она следует за его переходом в вечность...». Но были и другие суждения. Сошлюсь на высказывание автора «Томской старины» Александра Васильевича Адрианова:

«В Томске он (то есть, старец – С.З.) прожил около 5 лет в такое время, когда тут жили Бакунин, Кузнецов, Ананьин, Потанин и др., интересовавшиеся каждым сколько-нибудь заметным явлением местной жизни, и однако, они даже не подозревали существования в Томске Феодора Кузьмича».

Такой вывод, на мой взгляд, далеко не бесспорен. Сразу напрашивается вопрос: из чего следует, что ни Михаил Александрович Бакунин (теоретик анархизма и один из идеологов революционного народничества, отбывавший ссылку в Томске), ни Дмитрий Львович

Кузнецов (знаток сибирской истории, создавший в Томской мужской гимназии, где работал учителем, первую в городе публичную библиотеку), ни Григорий Николаевич Потанин (выдающийся путешественник и общественный деятель, проникновенный писатель и глубокий критик, еще при жизни снискавший славу «дедушки Сибири»), ни другие знатоки нашего края «даже не подозревали» о существовании Федора Кузьмича? Может быть, из того, что в их трудах имя старца не упоминается? Или из того, что в воспоминаниях современников об этих исторических личностях оно тоже не прозвучало?

Но ведь этому могло быть множество причин. Ну, например, преувеличенность или избыточность слухов о старце, негативное отношение к определенным людям, их распространявшим, критический образ мышления, характерный для людей с высоким интеллектом, особенности мировосприятия и так далее. Не будем забывать и того, что молчание многозначно. Оно может быть не только отрицательным или положительным, но и выжидательным, изучающим.

Как бы то ни было, а после смерти Федора Кузьмича молва о нем только усилилась, разнеслась не только по Сибири, но и по всей России. Подтверждение тому – вал статей и воспоминаний, легенд и преданий, исследований и документов, гипотез и опровержений. Один перечень их мог бы составить увесистый том. Назову лишь некоторые: рукописное «Жизнеописание великаго старца Феодора Косьмича», составленное С.Ф. Хромовым, биографический очерк томича М.Ф. Мельницкого, сенсационная рукопись, ходившая по Санкт-Петербургу в 1885 году (пять лет спустя она стала книгой и называлась «Сказание о жизни и подвигах раба Божия старца Феодора Кузьмича...»), обстоятельное исследование великого князя Николая Михайловича Романова (материалы для него собирал уроженец Томска Н.П. Лашков), незаконченная повесть Льва Николаевича Толстого «Посмертные записки старца Федора Кузьмича...», легенда о сибирском отшельнике, записанная одним из потомков петровского фельдмаршала Голицына, «Тайнственный старец» А.В. Адрианова.

Из всего многообразия сведений о Федоре Кузьмиче выделим наиболее существенные. Они уведут нас в кузнечную слободку под Красноуфимском тогдашней Пермской губернии. В один из осенних дней 1836 года здесь появилась крестьянская телега. С нее слез высокий, бедно, но чисто одетый старик лет шестидесяти.

Глянул кузнец: что такое? Перед ним не обычная извозная коняка, а красивый породистый жеребец. Хотел спросить старика, откуда у него такой конь взялся, и онемел от удивления: при ближайшем рассмотрении старик мало походил на простолюдина, скорее на переодетого барина или городского начальника.

Засомневался кузнец: а не лихой ли это человек? от таких добра не жди... Кликнул товарищей. Им старик тоже подозрительным показался. Попросили предъявить хоть какой-нибудь документ, удостоверяющий его личность. Старик доброжелательно ответил:

– Нет у меня никакого документа, паночки. Хожалый я. Пропитываюсь у разных людей. Вот вознамерился на старости лет Сибирь повидать. Может, там голову и приткну.

– Коня откуда взял?

– Трудами честными заработал. Не сомневайтесь, милостивцы. Бог – свидетель.

– Сказать всё можно. А чем докажешь?

Старик только руками развел.

– В таком разе придется тебя, папаша, задержать. В земском суде лучше нашего разберутся, правду ли ты говоришь или кривду. Уж не обессудь.

– Воля ваша, – безропотно согласился старик. – Извольте, любезные.

В суде выяснилось, что зовут его Федором Кузьмичом, исповедания он православного греко-российского, холост, ничего больше о себе добавить не может.

– Это почему же? – удивились судейские. – А рода какого, а звания? Отец твой Кузьма чем занимался? Или ты из воздуха взялся? Или имя Федор тебе с неба упало?

– Может, и так, – не стал спорить старик. – Се имя означает дар божий. Кто мне его дал, тот и знает, для какого случая.

Его покладистость и умение обходить острые углы обескураживали. Так ничего больше и не добившись, судейские отпустили Федора Кузьмича. Напоследок предупредили: без документов больше не попадайся, а то придется тебя за бродяжничество сечь; таков закон.

– Благодарствую, – поклонился старец. – Желая здравствовать, панки, – и с достоинством удалился.

Однако вскоре его снова задержали. На этот раз церемониться не стали: вкатили двадцать плетей да и выслали в Томскую губернию – на Чулым, под город Ачинск.

На этапе Федора Кузьмича как старого и смиренного бродягу в кандалы не заковывали. Воспользовавшись этим, он стал заботиться о слабых и больных арестантах, утешал их, поддерживал тихим врачующим словом. За доброту, мягкость, неприхотливость старик снискал уважение не только у своих попутчиков, но и у конвоиров. Представительная внешность, умение складно и возвышенно говорить, прозорливость, простота и вместе с тем достоинство, с которым он держал себя с представителями власти, неприязнательность и немалая физическая сила навели его спутников на мысль, что у Федора Кузьмича за плечами блестящее прошлое, только вот неизвестно какое.

Да арестанты и не выпытывали, как он жил прежде, в каких кругах вращался. Зачем? В Сибирь шли не только разбойные или бунтовские низы. Нередко здесь оказывались и царские сановники, военные, журналисты и просто состоятельные, но, как говорится, «щекотливые на руку» люди. Интересоваться прошлым среди ссыльных было не принято. Кто захочет – сам расскажет, а нет, так еще и лучше. Меньше знаешь, дольше проживешь.

По прибытии на место Федора Кузьмича определили на казенный Краснореченский винокуренный завод, но принуждать к работе не стали – человек в годах, смиренный, непьющий; пусть доживает свой век вольным пропитанием и людской добротой.

А доброта людская ответной добротой сильна. Нашлись люди, которые приютили старика, а потом

небольшую избу-келью ему возле Белоярской станицы срубили. Он хоть и не чернец, а на старости лет к уединению потянулся, к тишине и раздумьям над бренностью жизни. В ответ Федор Кузьмич учил деревенских ребятишек грамоте, а их родителей знакомил с премудростью Святого Писания, делал вразумления и провидческие наставления, давал советы, как лучше выбирать и обрабатывать землю, устраивать огороды, когда и что сеять, подсказывал, как вылечить корову, где найти

пропавшую лошадь, как избавиться от той или иной напасти или закончить затянувшуюся тяжбу. Всякий шел к нему со своей просьбой и знал, что не встретит отказа.

Одевался Федор Кузьмич просто – длинная белая холщовая рубаша, подпоясанная веревкой, шаровары, кожаные туфли, а зимой еще и вылинявшая шуба мехом наружу. Спал на жесткой скамье. Никакой работы не чурался – ни огородной, ни полевой, ни плотницкой. Однажды ушел в Енисейскую тайгу и несколько месяцев трудился на золотых приисках томского промышленника, основателя Общественного Сибирского Банка, прибыли которого шли на развитие женского образования, Федота Ивановича Попова. Затем обосновался в келье у таежной деревеньки Зерцалы. Оттуда перебрался к селу Краснореченское, еще позже под село Коробейниково. Так вот и проскитался в Боготольском округе более двадцати лет.

Ничего необычного в жизни Федора Кузьмича не было. Где бы он ни жил, чем бы ни занимался, всюду его привечали, как мудрого и доброго старца, живущего с Богом в душе. Но свое боголюбие Федор Кузьмич не выпячивал. У себя в келье при людях не молился. В церкви всегда становился на правой стороне, поближе к двери. А вот к исповеди и причастию не ходил. Прихожан это поначалу удивляло, а некоторых священников уязвляло. Но, узнав, что у Федора Кузьмича есть духовник – протоиерей Красноярской кладбищенской церкви отец Петр, раза два-три в году навещавший его, те и другие успокоились: на раскольника старец не похож, а это главное.

С каждым годом посетителей у Федора Кузьмича становилось все больше, а здоровье убывало. Вот он и стал запирает свою келью, говорить только с избранными, а большинству посетителей отказывать в приеме.

В те поры, прослышав о великом угоднике Божьем, и наведаясь к нему со своими заботами томский житель Семен Феофанович Хромов. В молодости он был офеней, иными словами, бродячим торговцем. От города Вязники Владимирской губернии до окраин Восточной Сибири он чуть не все города и веси со своим коробом

исходил. Скопив необходимую сумму, приобрел рудник в сибирской тайге. Потом другой. Только на берегах Ушайки у него 16 золотых приисков было. Но со временем дела у Хромова разладились. Полуразоренный купец впал в уныние и стал искать утешение в общении с праведниками и провидцами.

От Томска до села Краснояреченского около четырехсот верст, но они препятствием для Хромова не стали. Отыскав в лесу келью Федора Кузьмича, он сотворил у ее дверей молитву, принятую у монахов. Скорее всего, она ему запертые двери и отворила.

В октябре 1858 года Хромов перевез старца в Томск, устроил ему келью в городе и за городом, окружил теплом и заботой.

А теперь обратимся к легенде, которую записал князь Голицын:

«В 1860-х годах один приятель мой, которого я навестил, показал мне небольшую фотографическую карточку, говоря: «Посмотрите, не найдете ли вы сходство с кем-нибудь, вам известным?». Смотрю и вижу: великаго роста и благолепнаго вида старец, с обнаженною от волос головою, в белой крестьянской рубаше, опоясанный пояском, с обнаженными ногами, стоящий среди крестьянской хижины. Лицо – прекрасное, кроткое, величественное; никакого сходства ни с кем припомнить не могу. Наконец, приятель мой спрашивает меня: «Не находите ли сходство... с покойным императором Александром Павловичем?»¹ Я крайне удивился – начал пристальнее всматриваться и точно стал понемногу находить некоторое

¹ Александр Первый. Правил Россией с 1801 по 1825 год. Провел умеренно-либеральные реформы, разработанные Негласным комитетом и М.М. Сперанским. Вел успешные войны с Турцией и Швецией, присоединил к России Грузию, Финляндию, Бессарабию, Азербайджан, герцогство Варшавское. При нем одержана победа в Отечественной войне 1812 года. Междуцарствие после его внезапной кончины ознаменовалось восстанием на Сенатской площади Петербурга

сходство и в чертах лица, и в росте; но я недоумевал, что значили эти борода, одежда, хижина? Тогда приятель рассказал следующее:

«Карточку эту дал мне, предложив те же вопросы, что и я вам, один приятель мой, долго живший в Сибири и недавно приехавший оттуда. Он рассказал мне при этом, что по общему в Сибири, в то время, народному поверью, после смерти императора Александра Павловича в одном глухом месте Западной Сибири водворился неизвестный отшельник и затворник или – как народ наш называет – «блаженный». В лесу, вдали от человеческого жилища, в совершенном затворничестве, в малой хижине, жил он в безвестности. Вскоре в народе стала более и более распространяться молва о «блаженном» затворнике и привлекать к нему народ. Затворник, однако, не впускал к себе никого, исключая весьма редких случаев и то немногих, – тяжело страдавших телесными или душевными недугами; при этом затворник впускал поодиночке прибегавших к нему, иного – в небольшие сени, а иного – и в свою убогую келью. И тогда всякого сразу поражала какая-то необыкновенная величавость во всей наружности затворника, в благолепных чертах лица, и в кротких глазах, и в обаятельном звуке голоса, и в чудных речах, и во всех приемах и движениях... Все это производило на посетителей такое впечатление, что все невольно преклоняли перед затворником колени и кланялись ему в землю.

По говору народному, затворник имел какой-то особенный дар утолять страдания, не только телесные, но и душевные, или словесным наставлением и указанием способа исцеления, или же прозорливым предсказанием...

В той же местности жили двое придворных слугителей: один из них опасно заболел и, не имея возможности самому отправиться

к затворнику, упросил своего товарища посетить его и испросить у него помощи или указать средства к исцелению больного. Товарищ его, при помощи одного человека, имевшего доступ к затворнику, был принят последним в его келье, провожатый же остался в сенях.

Посетитель, как только вошел в келью, тотчас бросился в ноги затворнику и, стоя перед ним на коленях, с поникшею головой, с невольным страхом, рассказал ему, в чем было дело. Кончив, он чувствует, что затворник обеими руками своими поднимает его, и в то же время он слышит, и не верит ушам своим – чудный, кроткий, знакомый ему голос...

Встает, поднимает голову, взглянув на затворника – и с криком, как сноп, повалился без чувств на землю... Затворник отворил дверь в сени и кротко сказал провожатому: «Возьмите его и вынесите его бережно, он очнется и оправится, но скажите ему, чтобы он никогда не говорил, что он видел и слышал; больной же товарищ его выздоровеет» (что действительно и случилось). Очнувшийся же и оправившийся не мог утаить от своих провожатого и товарища, что в лице затворника он узнал... императора Александра Павловича, но престарелым и с седой бородой!..

Несмотря на запрещение затворника, тайна эта, поведенная только провожатому и товарищу, огласилась, – и в простом народе в Западной Сибири распространилась молва, что затворник был – император Александр Павлович!.. «Вот, – заключил приезжий из Сибири, – что, по крайней мере, гласит народная молва и не без убеждения».

На чем же строилась народная молва?

Ответ на этот вопрос дает в своей незаконченной повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича» Лев Николаевич Толстой:

«Поводом к этим слухам было, во-первых, то, что Александр умер совершенно неожиданно, не болев перед этим никакой серьезной болезнью, во-вторых, то, что умер он вдали от всех, в довольно глухом месте, Таганроге, в-третьих, то, что, когда он был положен в гроб, те, кто видели его, говорили, что он так изменился, что нельзя было узнать его и что поэтому его закрыли и никому не показывали, в-четвертых, то, что Александр неоднократно говорил, писал (и особенно часто в последнее время), что он желает только одного: избавиться от своего положения и уйти от мира, в-пятых, – обстоятельство мало известное, – то, что при протоколе описания тела Александра было сказано, что спина его и ягодицы были багрово-сизо-красные, что никак не могло быть на изнеженном теле императора.

Что же касается до того, что именно Кузьмича считали скрывшимся Александром, то поводом к этому было, во-первых, то, что старец был ростом, сложением и наружностью так похож на императора, что люди (камерлакеи, признававшие Кузьмича Александром), выдавшие Александра и его портреты, находили между ними поразительное сходство, и один и тот же возраст, и та же характерная сутуловатость; во-вторых, то, что Кузьмич, выдававший себя за непомнящего родства бродягу, знал иностранные языки и всеми приемами своими величавой ласковости обличал человека, привыкшего к самому высокому положению; в-третьих, то, что старец никогда никому не открывал своего имени и звания, а между тем невольно прорывающимся выражениями выдавал себя за человека, когда-то стоявшего выше всех других людей; и в-четвертых, то, что он перед смертью уничтожил какие-то бумаги, из которых остался один листок с шифрованными странными знаками

и инициалами А. и П.; в-пятых, то, что, несмотря на всю набожность, старец никогда не говел¹. Когда же посетивший его архиерей² уговаривал его исполнить долг христианства, старец сказал: «Если бы я на исповеди не сказал про себя правды, небо удивилось бы; если же бы я сказал, кто я, удивилась бы земля».

Дом Хромова находился неподалеку от Томского мужского Богородице-Алексеевского монастыря. Вот и стал Федор Кузьмич по праздничным дням посещать домовую церковь архиерейского дома. В молельной комнате он становился обычно у печи. Преосвященный епископ Парфений предложил ему было место рядом с алтарем, но старец с поклоном отказался. А когда стал замечать, что прихожане обращают на него повышенное внимание, переменил церковь.

По свидетельству Хромова, Федор Кузьмич излечил его от болезни глаз молитвами. После этого Семен Феофанович читал без очков. Избавил он от тяжелой хвори блаженную старицу Домну Карповну (в будущем покровительницу томских студентов и других горожан), ищущих его помощи и доброго совета. Но, конечно, не только это возбуждало к нему общественный интерес. Его сходство с покойным императором – вот что было основным. На встречу с ним набивались чиновники. Побеседовать с Федором Кузьмичом почитал за честь каждый вновь назначенный губернатор.

По мнению А.В.Адрианова, «весь ореол, каким окружили его почитатели, заключался в том, что в старике хотели видеть Императора Александра I ... Особенно ревниво и настойчиво действовал в этом направлении сам Хромов, которому, конечно, лестно было добиться признания, что это он приютил у себя и окружил таким почитанием бывшего Императора Всероссийского, счастливого соперника Наполеона, сыгравшего такую крупную роль в исторических судьбах своей державы».

¹ готовиться к исповеди и причастию, постясь и посещая церковь

² общее название высших православных священнослужителей (епископ, архиепископ, митрополит)

Учтем и такой взгляд на действия Семена Феофановича – у него тоже немало сторонников как в прошлом, так и в настоящем.

Кончина Федора Кузьмича всколыхнула Томск. Кажется, весь город пришел проститься с ним. Похоронили его на кладбище Богородице-Алексеевского мужского монастыря. Могилу обнесли деревянной решеткой, покрашенной белилами. По углам посадили четыре юных кедра, а внутри оградки поставили деревянный крест. На нем сделали надпись, предложенную Хромовым: «Здесь погребено тело Великого Благословенного старца Федора Кузьмича, скончавшегося 20-го января 1864 года». Однако вскоре по распоряжению губернского начальства слова «Великого Благословенного» были закрасены.

Закрасить-то их закрасили, но через время белая краска выцвела, и черные буквы из-под нее проступили, да так отчетливо, что горожане из кружка почитателей старца Федора Кузьмича, чьими трудами были собраны легенды и предания о нем (изданы в 1908 году в Саратове), возликовали:

– Это Божий знак! Истину не закрасишь!

Позже случилось два примечательных события. Один из посетителей фотографии советника губернского правления Ивана Владимировича Ефимова попросил сделать снимок с писаного маслом портрета седоволосого старика в длиннополом белом одеянии. Правая рука его лежала на груди, левая большим пальцем опиралась на пояс.

Глянул мастер на портрет и онемел: да это же образ святого старца Федора Кузьмича!

Прочитав его мысли, посетитель согласно кивнул: он самый; ты уж постарайся, мил-человек, увековечь...

Неизвестно, где теперь находится этот портрет, но снимок с него вот уже двести сорок лет живет и множится.

Другое событие: в Томске появилась вдова майора Федорова Александра Никифоровна – единственный человек, которого, по ее словам, великий Божий угодник Федор Кузьмич окружал отеческой заботой. С нею связано сказание, которое реконструировано таким образом.

Богомолица и святой старец

селе Краснореченском это было. Маленькая девочка там росла. И трех лет ей не было, когда она вместе с братьями сиротиночкой осталась. Спасибо отцу Поликарпу, тамошнему священнику, позаботился о ней. Вот и стала девочка при церкви жить, святыми помыслами напитываться, житейского опыта набираться. Слушая разговоры старших, худое отбрасывала, доброе на память брала, будто на нитку на низывала.

А невдали от села некий старец пустынничал — Феодор Кузьмич. Его строгая жизнь и чудодейственная сила душевный трепет у всех окружающих вызывала. У девочки тоже. Когда старец в церковь приходил, она во все глаза на него смотрела. Он ей посланником Божиим представлялся — такой высокий, величавый, таинственный.

Сколько раз хотела девочка к старцу подойти, заговорить с ним, вешее слово от него услышать, да всякий раз что-то мешало. То крестьяне его тесно обступят, то отец Поликарп с ним побеседует, то сам старец куда-то заторопится. Жил-то он не одними молитвами, но и трудами посильными. Не только других наставлять умел, но и пример показывал. Сено на стог, как пушинки, метал, с плотниками бревна ворочал, а с огородом управлялся, как завязанный огородник. И всё просто, деловито, без показной удали.

Однажды, возвращаясь из лесу с корзиночкой брусники, девочка увидела, как святой старец картофель на еланьке возле своей кельи копает. Тут и переступила она через свою несмелость. Подбежав к нему, корзиночку доверчиво протянула:

— Не хочешь ли, дедушка, ягодок?

Тут он лопату в землю воткнул.

— Спасибо, миленькая... Не боишься меня?

— Теперь нет.

— Как же тебя зовут?

— Александрой Никифоровной, — повзрослому ответила девочка.

— Мое почтение, Александра Никифоровна, — поцеловал ее в лобик Феодор Кузьмич. — Однако позволь мне тебя Сашенькой называть. Ты мне во внучки годишься.

— С радостью, дедушка.

Так она стала Сашенькой, а старцу — и впрямь, как внучка. Часто его навещала, разные поручения выполняла, одежду починивала, еду от отца Поликарпа и сельских жителей приносила. А когда Феодор Кузьмич в келью у деревни Зерцалы перебрался, туда навещать его бегала. Пробираясь через таежную глушь, ничего не боялась: чувствовала над собой его защиту. Лишь однажды сердце ее дрогнуло — когда встретился ей в лесу чужак, сосланный в Зерцалы на житье. Лицом улыбчив, а глаза волком смотрят. Он тоже к старцу шел — вразумления просить.

— Лучше не ходи, дяденька, — посоветовала ему Сашенька. — Он тебя не примет.

И ведь не ошиблась. Завидев чужака, Феодор Кузьмич в лице переменился.

— Иди, иди прочь! — велел он. — У тебя руки в крови. Свой грех ты другому отдал, а это еще тяжче.

Так потом и оказалось. Чужак тот прежде разбоями промышлял. На нем много убийств было. Дабы от возмездия уйти, исхитрился он с безобидным бродяжкой именем поменяться. Того через это на каторгу уpekли, а он вольным поселением отделался.

Но сколько бы веревочке ни виться, конец будет. После того, как старец его из кельи изгнал, отправился чужак в Томск с повинной к губернским судьям. Стало быть, слова Феодора Кузьмича остатки совести в нем пробудили.

Вот тогда Сашенька и почувствовала, что мысли и настроения дедушки-старца ей тоже могут передаваться.

Много и других поучительных случаев запомнилось Сашеньке. Они накапливались в душе, как родниковая вода в колодце, из которого постоянно черпают, а она не убывает и не застаивается.

Время летит быстро. Сашенька и сама не заметила, как стала девушкой. Рассказы и поучения прозорливого наставника помогали ей понять, как устроен мир, какие в нем есть страны и города, что случалось в миру прежде и что важное происходит теперь. Особое внимание Феодор Кузьмич обращал на вопросы веры. Православие сравнивал с кораблем, который плывет в море, а к нему, как на веревке, привязались маленькие лодки. Под ними надо разуметь секты, которые потому только и держатся и не тонут, что волочатся за кораблем. А еще он учил правду любить, но и власть уважать. Ведь царь, полководцы и архиереи такие же люди, как и все вокруг. Но Богу угодно было наделить властью одних, а другим он предназначил жить под их постоянным покровительством.

За старцем и Сашенька повторяла составленную им покаянную молитву, которая заканчивалась так: «Ты, Господи, ведый тайну сердца моего, молчатися разреши и прости в моем согрешении грешную мою душу, яко благословен во веки веков. Аминь».

Но особенно волновали ее рассказы наставника о святых местах России и ее великих подвижниках. Как хотелось ей побывать хоть в каком-нибудь из этих святых мест!

В это время братья Сашеньки, которые тоже выросли и уже семьями обзавелись, стали ей жениха подыскивать. Но она и думать о нем не хотела.

Старец-наставник поддержал ее.

— Погоди, Сашенька, — говорил он ей отечески. — Успеешь еще под венец. Тебе суждено женой русского офицера стать. Только терпения, голубушка, наберись. Белый свет на здешних женихах не клином сошелся. Всё идет в свой черед.

Когда Сашеньке минуло двадцать лет, Феодор Кузьмич сказал: «Пора!» — да и благословил ее в дальнее странствие на богомолье. А чтобы всё благополучно прошло, указал ей, каким путем от храма к храму следовать, от монастыря к монастырю, от города к городу, у кого из знакомых ему лиц гостеприимства искать.

— Вот бы мне царя увидеть! — собираясь в дорогу, размечталась Сашенька. — Интересно, какие цари бывают?

— Всё может статься, — обнадежил ее Феодор Кузьмич. — Бог даст, еще и не с одним побеседуешь.

Много пришлось испытать Сашеньке дорожных приключений, прежде чем она добралась до знаменитой Почаевско-Успенской лавры в

австрийских землях, где православие крепило оборону от католичества и униатства¹. Там она встретилась с доброй женщиной, которую должна была повидать по наставлению старца Феодора Кузьмича, и вместе с нею отправилась в имение ее мужа, известного в ту пору богомольца, графа Дмитрия Ерофеевича Остен-Сакена. Имение его находилось на Днестре, в окрестностях города Кременчуга на Полтавщине.

И случилось первое чудо. В том же имении, в то же время остановился российский император Николай Павлович².

Целые сутки Сашенька провела с ним под одной кровлей. Государь заинтересовался молодой богомолкою и возможностью узнать, как живут его подданные в Сибири, какого настроения держатся, чем занимаются, сколько там попы за свадьбы берут и про многое другое.

Сашенька отвечала без смущения, будто у себя в Краснореченском с Феодором Кузьмичом или отцом Поликарпом беседовала. А сама все думала, все понять не могла: кого это ей царь Николай Павлович напоминает?

— Вот какая у тебя смелая гостья приехала, граф, — засмеялся государь, обращаясь к хозяину имения.

— А чего же мне бояться? — не растерялась Сашенька. — Со мною Бог да великий старец Феодор Кузьмич со святыми молитвами. И вы все такие добрые. Ишь, как меня угощаете.

¹ греко-католическая вера, признававшая догматы католической церкви при сохранении православных обрядов

² Николай Первый — третий сын Павла I; подавил восстание декабристов, создал Третье отделение (политическую полицию), преследовал за инакомыслие Пушкина, Лермонтова, Шевченко и других; в Кременчуге побывал осенью 1849 года и действительно останавливался у графа Остен-Сакена

Уезжая, государь записку-пропуск дал сибирячке. Наказал:

— Ежели будешь в Петербурге, заходи во дворец. Тебе нигде задержки не будет. Расскажешь о своих новых богомолиях. А сделается нужда какая, обратись ко мне. Я тебя своей милостью не забуду.

Но случай Сашеньку в Петербург тогда не привел. Пожив еще какое-то время у графа Остен-Сакена, она вернулась на родину и все в подробностях своему наставнику рассказала.

— Вот видишь, как всё хорошо вышло, — порадовался за нее старец.

Тут и случилось второе чудо. Сашенька будто ото сна очнулась.

— Батюшка Феодор Кузьмич, — говорит, — Как же вы на императора Александра Павловича похожи!

— А ты почему знаешь? — нахмурился старец. — Кто это научил тебя так сказать мне?

— Никто, — испугалась Сашенька. — Это я спроста сказала. Его портрет у Остен-Сакена в большой зале висел. Мне и пришло на мысль, что вы на него сильно похожи. Так же руку на груди держите. А еще на царя Николая Павловича.

Ничего не сказал на это старец, только отвернулся и из кельи вышел.

После этого еще пять лет прожила при нем Сашенька, стараясь окружать его вниманием и заботой. Но пришло время, и снова стал собирать ее в дальнее богомолье Феодор Кузьмич.

На этот раз она в Киево-Печерской лавре побывала, великого подвижника Парфения и старца Афанасия в их пещерах навестила, сказала им, что пришла из Красной речки, просила благословить ее.

— Зачем тебе мое благословение? — удивился отец Парфений. — У вас у самих на Красной речке есть великий подвижник и угодник Божий! Он будет столпом от земли до неба!

На другой день Сашенька долго и горячо молилась за обеднею. Слезы так и лились из ее глаз. Это увидел пожилой офицер.

— О чем вы так горько плакали? — спросил он ее при выходе из церкви.

Доверилась ему Сашенька, открыла свои душевные метания. Сказала, что тянет ее в родные края, к наставнику ее Феодору Кузьмичу.

Офицер привел ее к себе в дом, занятый богомольными странниками и странницами.

— У меня нет другой семьи, кроме этой, — сказал. — Служба моя военная подходит к концу. На ней я не жалел себя. Хочу, чтобы она продолжилась на божьем служении.

Это был майор Федор Иванович Федоров. Вспомнив предсказание своего наставника, Сашенька согласилась стать его женой. Но пришлось ждать, пока из села Краснореченского придет ее метрика, и она сможет встать под венец.

С мужем Сашенька прожила пять лет, вместе с ним занималась благотворительностью, богомоліем и другими богоугодными делами. Все эти годы Александра Никифоровна Федорова душой разрывалась между Киевом и Красной речкой, между батюшкой Феодором Кузьмичом и благоверным своим, Федором Ивановичем. И лишь овдовев, она вернулась в родные края. Но своего наставника там не застала. Горькой птицей она устремилась в Томск, к его могиле.

Первым, кого Сашенька — Александра Никифоровна возле нее встретила, был купец Семен Феофанович Хромов — тот самый,

стараниями которого святой старец из села Краснореченского в Томск перебрался. При жизни Феодор Кузьмич обитал то на загородной заимке у сего благодетеля, то в келейном покойчике при его городской усадьбе. После кончины старца над усадьбой Хромова три раза огромное пламя полыхнуло, а на заимке источник с целительной водою открылся. Но вода из него не на всяк день шла, а лишь перед великими и двенадесятьми православными праздниками. На месте заимки устроил Феодоров монастырь. Вот и стала Александра Никифоровна перед церковными праздниками в Феодоровом монастыре бывать, в остальные дни – в Алексеевском.

Комментировать это сказание я не буду. В нем была переплетена с небылью. Но даже небыль добавляет новые краски к живописному образу старца.

В 1904 году над его могилой по проекту томского архитектора, выпускника Петербургской академии художеств Викентия Флорентиновича Оржешко построена была выразительная часовня, но тридцать два года спустя вместе с другими храмами полностью разрушена. Прошли годы. Отношение к церкви изменилось. И вот в 1997 году – по чертежам и рисункам того же Оржешко – часовня возродилась. И стала еще краше.

Еще одна часовенка-столбовка, установленная на витом деревянном подпоре, сооружена в Хромовке – на том самом месте, где располагалась когда-то загородная келья старца. Случилось это в июне 2001 года.

Возрождению этих часовен предшествовали два памятных события. В 1984 году имя праведного Феодора Томского внесено в состав Собора сибирских святых, а в 1995 обретены святые мощи этого угодника Божия и помещены в деревянной гробнице Томского Богородице-Алексеевского монастыря.

На путях сибирской фольклористики

В журнале «Образование» № 1 за 1898 год «дедушка Сибири» Григорий Николаевич Потанин поделился с читателями такими своими наблюдениями:

«Последнее десятилетие отмечено в европейской науке особенно сильным интересом к народному преданию. Стали усиленно записываться сказки. Появились новые слова – фольклор и фольклористика – для обозначения новой науки. В Англии, откуда и взялось это слово, в Италии, в Испании основались общества для собирания фольклора, стали выходить журналы, исключительно посвященные фольклору (...).

Это фольклористическое оживление пока еще мало отразилось у нас в России. Слово «фольклор» у нас на первых порах встречено было даже недружелюбно (...).

Умножение школ в деревнях и распространение грамотности, (...) рост заводской и фабричной промышленности, привлекающей множество народа из деревни в города, железные дороги, облегчающие подобное перемещение, развитие отхожих промыслов – всё это такие обстоятельства, которые не способствуют сохранению прежних вкусов и облегчают замену прежней духовной пищи новой – городскими продуктами (...).

Организовать спасение устных памятников от бесследного исчезновения можно только посредством основания в провинциальных городах фольклористических кружков из любителей этой старины, которые бы согласились или сами записывать предания и сказки, или бы находили других записывателей. Лучше всего эту задачу могли бы выполнять учителя, которые ближе, чем кто-либо, стоят к народу».

Этот призыв Григорий Николаевич подкрепил собственным примером. Он собрал и литературно обработал ряд сибирских сказок. Особой популярностью среди них пользовалась «Русая Руса, тридцати братьев сестра».

Друг и соратник Потанина, выпускник Томской мужской гимназии Николай Михайлович Ядринцев, снискавший за свою публицистическую, подвижническую и научную деятельность славу «печальника Сибири», «сибирского Герцена», его оптимизма по поводу развития сибирской фольклористики не разделял. В своем исследовании «Сибирь как колония» (1882) он сделал вывод о том, что в результате национального смешивания русская народность здесь вырождается, деградирует, теряет национальный облик, что «сибиряк забыл не только вынесенную из России, но и собственную историю». В другой своей работе он с болью отмечал, что русское население старинную песню потеряло, а новой не создало. Тем не менее и он принял участие в сборе произведений устного народного творчества. Общими усилиями сибирским фольклористам удалось выпустить уникальный сборник «Русские сказки и песни в Сибири» (Красноярск, 1902), а затем еще целый ряд.

Широко использовал в своих произведениях сибирский фольклор выдающийся русский писатель Вячеслав Яковлевич Шишков. Двадцать лет его жизни связаны с нашим городом. Техник Томского округа путей сообщения, он обследовал и составил лоции (карты для проводки судов) по Оби, Чулыму, Иртышу, Лене, Ангаре и другим рекам, исследовал Чуйский тракт и иные сибирские пути-дороги. Встречи с людьми, песни, сказания, легенды старожилов расцвели его произведения

метким народным словом, живыми образами, искрометной фантазией.

Двадцатый век отмечен, с одной стороны, оживлением интереса к фольклору, интенсивным его изучением, изданием многочисленных сборников и собраний, с другой – резким сокращением числа сказителей. Одни жанры отмирали (былина, сказка, легенда, предание), другие расцветали (частушки, анекдот, пословицы, поговорки, загадки), третьи становились частью литературного творчества (сказ, басня, притча), четвертые получали новые формы и содержание (праздничные обряды, обычаи).

Особый след в сибирской и томской литературе оставил писатель-фольклорист Александр Александрович Мисюрев. С полным правом его можно поставить в один ряд с такими мастерами этого жанра как П.П. Бажов, архангелогородец С.Г. Писахов, уралец В.П. Бирюков. Он автор реконструкций многих сибирских сказов, преданий и легенд, книги «О злых богачах и народной борьбе», сборника исторических рассказов «Бергалы» и ряда других. Наиболее зрелые его произведения сорганизовали книгу «След беглеца Сороки». А первые очерковые и поэтические опыты начинающего автора появились в 1924 году в томской газете «Красное знамя». Они были подписаны исчерпывающе полно: «воспитанник детдома № 2 А. Мисюрев».

Рано начав взрослую жизнь, он подметал томские улицы, подрабатывал грузчиком, пилил и колол дрова, а сам прислушивался к народной речи, запоминал рассказы о ярких судьбах и событиях, занимался самообразованием. Заочно окончил Литературный институт. Со страниц его произведений веет живой историей. В его сказах оживают образы рудознатцев-правдоискателей, бунтарей-скитальцев, богатырей-ямщиков, сибирских партизан...

В третьем номере альманаха «Томск» за 1948 год опубликован цикл фольклорных миниатюр Мисюрёва под общим названием «Из преданий Московского тракта». По сути дела, это записи устных рассказов о прошлом Томска, услышанные от людей разного возраста и занятий.

Но записи записям рознь. В этих сразу же чувствуется рука писателя. Сохраняя главное – характер и краски безыскусной разговорной речи и сюжет, – автор безжалостно отсекает лишнее, доводит до совершенства пропорции, и получается нечто очень простое и выразительное. Я бы сказал, Мисюрев берет на себя роль сказителя и успешно с нею справляется.

Долгие годы Томск был не только торгово-перевалочным, губернским и университетским центром, но и местом ссылки. На его дорогах можно было встретить бродяг, беглых каторжников, переселенцев, не имевших средств к существованию, охотников поживиться за чужой счет, любым способом скопить первоначальный капитал. Этому времени и посвящены миниатюры Мисюрева. Все вместе они складываются в сказание о томичах из этой среды. В нем встречается и уже знакомая фамилия – Евграф Кухтерин.

Из преданий Московского тракта

В прорубь головой

Евграф Кухтерин как разбогател? Был ямщиком на тракте, лошадь имел. Возил горбунщиков. А горбунщики – это были приискатели, с присков шли по домам, из тайги. Золотишко в кошельке, кошелек на горбу.

Горбунщик ямщиков встретит и давай просить:

- Подвезите, дяденька, до дому.
- А ты какой губернии?
- Томской.
- Женатый? Ребятишки есть, поди?

Кухтерин всё у него выпросит, всё узнает, и сколько тот раздобыл, сколько везет домой. Посадит его — и в Томск.

— Ну, прощай, дядя, спасибочко. Пойду в Калтай к своей бабе.

— Куда тебе торопиться? Переночуй у меня, а завтра увезу в самый Калтай. Выпьем малость.

— Спасибо, спасибо.

— Что я — не православный? Ты в обозе мою кладь помогал стеречь.

Напоит горбунщика, да головой в прорубь. А котомку с золотишком зацапает себе.

Много он этих душ загубил. Оправдал поговорку: «Непустишь душу в ад — не будешь богат». Стал строить дома, открыл торговлю, спичечную фабрику, а сыновья его — те вовсе зашиковали.

Как Ворон погиб

Были три казака, беглые с Дону, три Ворона. Один поселился на Иркутском тракте — там деревня Воронина, от Томска восемнадцать верст, другой на Яе поселился — там тоже деревня Воронина. А третий поселился, где теперь Асиновский район, — там деревня Воронина Пашня.

Хлеб сеял, остякам на пушнину менял. Налогов не платил — там тайга была да болото, не скоро доберешься. Ничего не признавал, жил как помещик. Сто пятьдесят плугов пускал.

Беглые у него и работали. Работать работали, а редко кто живой уходил.

Три года поживет работник, требует расчет, на родину надо пробраться. Ну, он ему заплатит. А потом садится на своего рыжего коня, догонит. Все больше у деревни Некрасовой догонял.

— Стой! Давай деньги!

Отберет и убьет. А мертвое тело — в болото.

Оттого сильно богател. Все деньги у него оставались. Бочонок золота насыпал, в болото спустил для сохранности.

А потом уж один попал к нему — бродяжка знающий. Три года прожил, идет домой. Ворон догоняет:

— Стой! Давай деньги!

А этот бродяжка глаза в него уставил. Силу имел в глазах. И говорит:

— Слазь с рыжего коня.

Ворон слез.

— Доставай топор.

Ворон достал.

Бродяжка его на куски изрубил, сложил в мешок, к седлу привязал. Рыжий конь и привез. Такой был конец этому Ворону. А бочонок с золотом все искали, искали, по болоту шаррили, да нет — не нашли.

Две деревни

Есть деревни по тракту — Проскоково и Варюхино. Почему так называются? А вот почему. Раньше едут и говорят:

— Ну, эту деревню проскочили, слава Богу, разбойники не тронули.

Оттого — Проскоково.

До второй деревни доедут, — если живы и кладь цела, — ну, можно остановиться обед сварить.

Оттого — Варюхино.

Чаерез Митрофанов

Улица Лермонтова — она была Кондратьевская. Там Митрофанов три дома имел. Зверюга был страшный, на паре за Исток драться

ездил. Как зачнет драться — одному даст, другому даст — люди валются мертвые. Ему на грудь печать поставили, клеймо — на кулачный бой прав не имел. Так он что делал? Кулаки чешутся, забежит в трактир, там крестьяне сидят. Давайте, говорит, поменяемся. Свою одежду сымает, дает крестьянину, берет шабур, азым берет. В чужой одежде его не признают. И бежит драться, родного сына вгорячах кулаком убил.

Он кулачник был, он был чаерез. Оттого и три дома поставил.

По тракту обоз идет, двадцать-тридцать подвод с чаями. Приказчики верхами едут по бокам. А он в кустах, и его кобыла там. Пропустит обоз мимо, выскочит, с последней подводы цыбик чая сцапает (а цыбик шесть пудов весил), да к своей кобыле, и на седло, и домой.

Один приказчик заметил, за ним поскакал, выследить хотел. И доскакал до Кондратьевской. И сразу к приставу: так, мол, и так. Пойдем, сделаем обыск.

— Ну ладно, пойдем.

А с полицией Митрофанов жил хорошо, от него полицейским тоже копейка перепала.

Приходят, Митрофанов говорит:

— Этому приказчику приснилось. Я на тракте не бывал, никуда не ездил. Да вон лошадь стоит, поглядите. Пощупайте.

Щупают — она сухая.

А его рыжая кобыла, на которой он ездил, промышлял, была в подвал спущена. А это была другая. Пристав и говорит приказчику:

— Ну что ж, пойдем, он не ездил.

С таких чаев три дома и поставил.

Про Измайловых

Измайловы разбоем богатели. У нас вон Мавликеевское озеро есть. Был татарин Мавликей, его там утопили. Дальше — больше, так и пошло. Ежели кто пропадет, — ну, где его искать? Да в Мавликеевском озере, больше нигде. У Измайловых пол-Заистока было родни. Тем и занимались, и с того озера богатели. У них Карым был — с жира бесился, пятьдесят жен держал — гарем целый.

С разбоя досталось

Помню, свекровушка сказывала, Анна Фоминышна. Под казначейство подкоп делали и деньги уже захватили, да тут за ними погоня. Ну, они — бежать и деньги бросать. Старушка шла, видит — мешок лежит с бумагой. И понесла к булочнику — Василием звали, торговал он на Черепичной улице, фамилию не вспомню.

— На тебе, батюшка, булочки завертывать, а мне булочку дай.

Он поглядел: полмешка денег неразрезанных, длинных бумаг: вот так штука!

Три дома выстроил, а старушку схоронил, крест ей поставил.

Кузнецы Денисовы

Прадед мой из Черниговской губернии был сослан. Он в полку служил кузнецом, а там у них капитан шибко дрался, колотил солдат. Он и не снес, этому капитану ухо отсек, тесаком, кажется.

Мы, Денисовы, по всей Спасской волости первые были кузнецы. Одни были кузнецы, Денисовы, больше нигде, никаких. Дед Ва-

силий Иванович топоры делал, ездил в Поломошное ковать, за полтораста верст: и там не было кузнеца. Теперь еще в погребах ржавые топоры находят, а на них метка в виде кисточки. Это Василий Иванович, дед, свою метку ставил. Больше ста лет прошло, а его все помнят по деревням, и мне сколько раз говорили:

— Нет, ты не как Василий Иванович. Тот с одного нагрева два гвоздя делал.

У меня два гвоздя с одного нагрева ни за что не выйдет, а у деда — получалось. Он ковал лихо. Он сталь морянку брал, мешал с простым железом, делал ножи. Вот глядите, ножик. Вот какие делал — ни за что не сломаются. Вековечный. А труда вдвое больше надо, чем из одной стали сделать.

Отец в Томск ездил топоры продавать. Мяски покупали в гостином ряду. Испытание делали: положат самую крепкую кость и этим топором — хрясь! Она и разлетится. Так все и знали: денисовский топор.

Пил не было. Дома топором строили, без пилы, любую лесину рубили топором. Кузнец был на почете. Как же без него прожить — топоры делает! Первую пилу из Томска привезли — было диво. Глядеть ходили, удивлялись. Это здесь, в Федосеевке. Федосеевские — они орехами торговали, шишки били, да в город. Лазали по кедром, парни ходили, шепелявили: «Сыски побьем, бобровы сапки заведем, все позенимся»¹.

Потом уж дедовы сыны, мои дяди, пошли жить один в Батурино, другой в Спас, там

¹ шепелявый, сюсюкающий говор отмечался диалектологами в южной части Томской губернии. Видимо, он имел место и вблизи Томска. Теперь в селе Богашево, бывшей Федосеевке, эти особенности говора утрачены

сделали кузницы. В Некрасовой Гиреев, ссыльный, стал ковать, делать путы для коней (чтобы воры не угнали), а в Петухово Дворян-кин открыл кузницу. Это уже лет пятьдесят тому назад.

Без топора здешний крестьянин был, как без рук. Топор поломается — куда бежать? К кузнецу, хоть за тридцать верст. Кузнечная работа на славе. Про кузнеца и сказка есть.

Кузнец и черт

У них сговор был. Черт и говорит кузнецу:

— Возьми меня молотобойцем. Если все сделаю, что надо по работе, заберу тебя, в ад утащу.

— Ан нет, не сделаешь!

— Ан нет, сделаю!

Ладно. Решили испытать. Кузнец кует, черт молотом бьет, раздувает меха. Кузнец и крикнул:

— Дуй, бей, не жалея воды, углей!

Черт — туда, сюда, запрыгал, хвостом покрутил, и не успел, и проиграл.

Суконная веревка

У моего тестя спарщик был Пискунов — они маховой пилой работали. В зимнее время работенки перепадало, ходили, дрова кололи. Вот он идет по Батеньковскому переулку, а там магазин Королева был и контора его. Тут как раз подъезжает Королев в санках и выходит, и выронил кошелек. А Пискунов и подобрал. Глядит — полон денег. Пойду, думаю, в магазин, в контору, отдам этот кошелек, эти деньги. Зачем чужое брать. И думаю: меня за это Королев отблагодарит.

Приказчик на него:

— Куда прешь?

— Да вот нашел деньги, ваш хозяин обронил.

— Зайди к хозяину.

Этот Пискунов выкладывает на стол кошелек, а сам отходит к двери. Стоит, ждет. Королев спиной к нему сидел. Королев молчит, а этот стоит, ждет.

Ждал, ждал, осмелился, кашлянул.

— Ну, ты чего?

— Да, может, чего дадите на бедность...

Королев зовет приказчика:

— Иван!

— Чего прикажете?

— Отрежь ему три аршина суконной веревки.

— Помилуйте, на что мне веревка? У меня лошади нет.

— Нет и не будет. А веревка тебе — в трудную минуту задавиться.

Взял Пискунов веревку, домой принес, потом показал. «Вот, говорит, чем богатый человек наградил за честность».

Кулаки вприкуску

Дистлер всю жизнь бубновую девятку держал под рамочкой. Так и стояла на столе. Он в карты играл, передернул, выиграл на нее тридцать тысяч. С того и разбогател. Он сорок лошадей держал, а месячных рабочих двое было только. Почему? Да никто у него жить не мог.

Скажем, наймет крестьянина. Грузы всякие бывают, у того спина заболит или живот. Ну, слег человек. Бинка заходит, хозяйский сын.

— Чего на работу не выходишь?

— Захворал, сами видите.

— Захворал — так лечить будем. На вот тебе лекарство.

Развернется — бац, бац, бац.

— Ну как? Не помогло?

Тот уже и говорить не может, весь избитый.

Бинка еще брата приведет, потом еще отца позовут. Этот был, как зверина, черноусый, здоровенный. И сыновья в него. И все вместе рабочего барабанят, «лечат», стало быть.

Дистлер на вокзал приедет, давай там хвастаться:

— Я своего рабочего вылечил. В другой раз хворать не вздумает.

А этот, которого «лечил», сидел в уголке. Выходит оттуда.

— Ну, хозяин, теперь я тебя полечу.

Человек пятьдесят возчиков на вокзале собралось с лошадьми. Все на Дистлера злые были. И давай его барабанить. Еле живой ушел.

Дом у него на Магистратской, за каменным мостом, а за Истоком, где нефтебаза, его родня жила. Возчики груз ему везут, до моста доедут — бросают коней, поклажу, сами идти не хотят. Все знали: у Дистлера бочка воды жареной, бочка сырой и кулаки в прикуску.

Смерть Кухтерина

В сорок пятом Томском полку был поручик. Один раз Кухтерин в ресторане гуляет, и этот поручик туда попал. Кухтерин подает вино и нарочно ему облил мундир.

— Вы что делаете?!

— Не артачься, я тебе двадцать таких мундиров справлю.

— Мундир-то справите, а честь офицерску не справите.

— Поедем со мной, я тебе покажу, какая бывает честь!

Повез этого поручика по веселым заведениям. Домой, говорит, к себе я тебя не возьму.

У меня дочь невеста, а таких женихов, как ты, ей не надо.

И чем дальше, больше обиды этому поручику. Кухтерин все выхваляется: дескать, я такой богатый и сильный, сам черт мне не брат. Подъезжают к дому Колосова на Магистратской. Остановились. Кухтерин берет его за грудь, начинает гнуть через оглоблю — свою силу показывает. Сорвал ему погон. Тут уж поручик не стерпел, вывернулся, пистолет вынул, ему в живот всадил пулю. Бах! — и готово. Через сутки Кухтерин помер.

Судить поручика нельзя было — за японскую войну имел Георгиевский крест. И больше его в Томске не видели.

Вот как строили

Кафедральный собор строили сорок лет. С кружками ходили, собирали по копейке на постройку. На площади было болото, подрядчик строил из своего материала, на плохом фундаменте. Строил, деньги клал себе в карман. Один раз рабочие пошли обедать. Пока обедали, собора нет, по колокольню в болото провалился. Подрядчик прибежал, себя за волосы ухватил. На него напирают: «Под суд!». Что делать? Он застрелился.

После того сорок лет собор не строился. Королев захотел отстроить. Сложил кирпич на том месте, где потом было железнодорожное управление. Боялись: тоже надует, и говорят ему:

— Надо блюстителя почетного выбрать, чтобы следил, как изволите строить.

Королев видит: на этом деле нажива будет не та. Послал на свой винокуренный завод за конями, в одну ночь перекинул весь кирпич и построил театр вместо собора.

Духовенство обиделось. Стали его притеснять в силе, говорить народу: у Королева обвес, обмер, он жулик. И как же это нехорошо: против собора — театр.

Тогда Королев выстроил железнодорожное управление — этим домом свой театр от собора загородил.

А вот как рисуется история Троицкого кафедрального собора с иной точки зрения. Приведу отрывок из пятой части «Сказания о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле постриженника Святые горы Афонския инок Парфения», опубликованные в московском журнале «Душеполезное чтение» за 1898–1901 годы:

«Приехав в Томск, Преосвященный Афанасий¹ нашел необходимым строить новый собор, потому что в Томске старый Троицкий собор был древний, деревянный, но он давно уже сломан, а теперь на время приходскую церковь обратили в собор, но она очень тесна. В одно время, служив литургию в соборе, сказал проповедь, что для города необходим собор, и просил у всех помощи. Потом приказал подать блюдо; снял с головы свою митру собственную и пожертвовал на собор. Потом тут же снял с шеи часы золотые, в 300 р. серебром, положил на собор. Тут же еще положил все свои деньги, 1500 руб. серебром и сказал: «Вот, православные, что я имел собственное, всё пожертвовал на собор ваш, теперь вы должны помогать, каждый по своей силе».

¹ епископ Томский и Енисейский; возглавлял Томскую епархию с 1841 по 1860 г.; при нем построено 105 церквей и 6 единоверческих храмов, в том числе Троицкая старообрядческая церковь в Томске

Что же? Как пошли сыпать, кто миллионы кирпичика, кто тысячу пудов железа, кто 10 тысяч серебряных денег. Тут вскоре избрали место и заложили собор огромный (...).

Делали его 6 или 7 лет и хотели в 1850 г. совсем окончить и даже уже последние начали забивать кирпичи. Мы 1850 г. июля 25 были с владыкой на самом куполе, ибо он ежедневно ездил и всё любовался на него. Раз владыка пошел сверху прежде меня, а я остался на куполе; только вдруг мне помысел: а что ежели, помилуй Бог, собор упадет, и костей-то не соберешь, и так я испугался, что бегом побежал вниз и догнал владыку на сходнях. Он спросил: «Что ты очень бежишь?». Я сказал, что какой-то страх напал. Он еще спросил: «Неужели собор опасен?». Я сказал: «Очень опасен, так что я всегда боюсь на него лазить; только вас уважаю и хожу». Он спросил: «Что же ты находишь опасного?». Я сказал: «Владыка святой! Нельзя говорить правду: крепкого-то ничего не нахожу; посмотри-ка ты направо, что это такое». Он остановился. Посмотрев, сказал: «А давно ли эта щель и велика ли?». Я сказал: «Как собор делают, так и щель эта; она с самого фундамента и до самого купола». Он сказал: «Будь воля Божия; что будет – увидим».

26 июля (...) мы с владыкой сидим на крыльце и смотрим на собор, как мастера лезут по куполу и забивают последние кирпичи. Владыка говорит: «Вот, отец Парфений, как бы не всенощная, то бы мы поехали в собор». Потом пошли в церковь, я вовнутрь, а он остался слушать в зале; еще не начали читать, как загремит... Мы подумали, что гром это, и никто не догадался; келейники сидели на кухне и сказали сами себе: «Что это такое, что земля задрожала, не собор ли упал?». Выбежали вон – хватать, а уже собора нет! Келейник заплакал и говорит: «Как я теперь доложу владыке, не

знаю – я убью его этим словом; он не вынесет». Однако подошел к владыке. (...) Владыка немного охладился, перекрестился и сказал: «Господи, буди воля твоя, только очень жаль народа, мастеров». (...) Я побежал к собору. Прибежал, уже около него тысячи народа; однако боятся близко подходить, потому что все еще валяются стены и леса. (...) Я побежал кругом и увидел одного мастера, спросил его: «Все ли живы?». Он сказал: «Мы, слава Богу, все живы, только что слезли и хотели садиться ужинать, и как загремело; мы все сделались вне себя, а много народа должно быть задавило зрителей, ибо когда мы слезли, то народ все восходил к верху». Я сказал: «Слава Богу, что все живы остались, по крайней мере владыке будет полегче». Потом приехал владыка, и весь город сбежался оплакивать собор.(...) Задавило 6 человек, все разночинцев-зрителей... Собор и донныне стоит в развалинах, и много он нанес владыке скорби, так что он едва это перенес, а здоровья своего много утратил...».

По мнению автора «Томской старины» А.В. Адрианова, «собор упал» прежде всего из-за скупости купцов-вкладчиков. В главе о печально знаменитом Философе Александровиче Горохове, поражавшем Томск своими расточительными феериями, он отметил, что «в списке жертвователей на строящийся в Томске Троицкий собор, за время с 1843 г. по 1850 г., с Горохова, состоявшего официальным сборщиком, значится поступлений в сложности на 1576 р. 5 ½ к., но и эта незначительная для миллионера сумма, вытянута была с Горохова по частям, и, что называется, всякими неправдами, а между тем он «не только мог один построить собор, но и утопить в своем золоте любого петербургского воротилу или провинциального вельможу», восклицает (...) составитель истории Троицкого собора Евтропов».

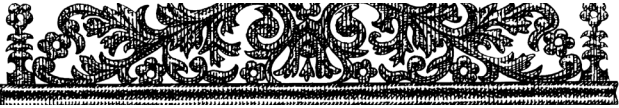
Столь же нелicenseприятную характеристику Адрианов дал другому томскому миллионщику: «В образовавший-

ся в 1843 г. Комитет по постройке собора И.Д. Асташев был избран членом, как капиталист и делец. На его глазах, с невероятными затруднениями подвигалось это дело целую четверть века при его жизни, и хотя он один мог бы довести его до конца, но Асташев выступал в роли жертвователя в самую критическую минуту, чтоб заставить говорить о себе. Так, в 1846 г. он, когда постройка собора остановилась из-за нехватки подрядчиком кирпича, шумно заявил о пожертвовании трех миллионов кирпичей, на 24000 рублей. Затем, в 1858 г. после того как собор рухнул и новый Комитет приступил к его достройке, у Асташева выпросили 5000 р., и наконец, в 1859 г., когда губернатор Озерский обратился к откупщикам и миллионерам с специальными письмами, Асташев внес еще 2000 р. В дальнейшем постройка совсем затормозилась из-за отсутствия средств, которых уже и доставать было негде, так как прежние томские миллионеры, кроме Асташева, разорились или умерли и сошли со сцены. Вновь избранному в 1864 г. Комитету Асташев, единственный в то время в Томске богатый человек, выражал желание отстроить собор, но на этот раз он отделался только обещаниями и уверениями».

После таких свидетельств запись предания «Вот как строили», сделанная Мисюревым, не покажется такой уж неправдоподобной.

Другая причина обрушения храма (ее называет в своей книге «История Троицкого Кафедрального собора в Томске» К.Н. Евтропов) – спешка. Кладку верхних частей делали осенью, а летом не давали просохнуть аркам, парусам и полупарусам, то есть церковным сводам. Вот они и не выдержали температурных перепадов.

Остается добавить, что Томский кафедральный собор строился и был достроен по тому же проекту, что и храм Христа Спасителя в Москве, но меньших размеров. Освящен 25 мая 1900 года. После этого просуществовал недолго. В 1934 году взорван и разобран на кирпичи. В память о нем на Новособорной площади будет сооружена часовня. Камень в ее основание заложен в 2004 году.

Томск многоликий

Правый берег Томи то поднимается, то полого спускается к воде, чтобы затем вновь устремиться ввысь и сделаться крутым. На много километров вдоль него протянулся старинный Томск. Ушайка делит его на две части, а те в свою очередь распадаются на несколько исторических районов. У каждого из них свой градостроительный рисунок, свой ландшафт, своя судьба, а значит, и свои сказания. Большинство этих сказаний потерялось во времени, однако сами названия, сведения о былом составе населения, быте и занятиях некогда живших там людей дают возможность представить, о чем могли повествовать народные сказители.

По одну сторону Ушайки находились Пески, Заозерье и Черемошники, Болото, Кирпичи, Новая Деревня, по другую – Уржатка, Юрточная гора, Монастырское место, Бугор, Нижняя и Верхняя Елани, Заисточье. Как видим, все названия говорящие.

Под Песками разумелось самое удобное подгородное место с песчано-галечным наволоком в устье Ушайки. В «младенческие годы» Томска здесь был поставлен, а затем обнесен острожной стеной Нижний посад. Вскоре возле него возникло торжище, ставшее со временем Базарной площадью. Ныне это губернаторский квартал – административный и культурно-исторический центр города.

К Пескам примыкало Заозерье – приречная окраина, испятнанная цепочкой озер, одно из которых было проточным. Оно располагалось в районе нынешнего Центрального рынка, примерно там, где проходит переулочек Сухозерный. Дальше по берегу буйно цвела черемуха. Позже, когда и эта часть города была заселена, ее стали называть Черемошниками. В Заозерье, а затем на Черемошниках, селились в основном грузовые извозчики («ломовики»), мельники, кожевники и рабочие канатных мастерских.

Район по другую сторону от Воскресенской горы, основание которой было укреплено срубом (отсюда название первой томской улицы – Обруб), представлял собой низкую болотистую пойму в излучине Ушайки. Поэтому его и прозвали Болотом. Здесь селился гулящий и работный люд, весьма шумный, пестрый, драчливый. Привилегированной прослойкой здесь были портные, сапожники, гончары, точильщики, хозяева питейных и прочих заведений.

В Кирпичах, расположенных в той же речной излучине, само собой, преобладали кирпичники. Глина для обжига была здесь такая, что за ней приезжали из других мест. И много. Где ни копни, на залежь наткнешься.

А дальше, в Новой Деревне, обосновались переведенные сюда из Тобольска монастырские крестьяне. Не пожилось им под началом тамошних архиереев, вот и сочинили они царю челобитную, после чего его именем и велено было «отвести им для жительства хорошую землю».

А теперь окинем обзорным взглядом левобережье Ушайки. Устье ее с этой стороны томские татары называли Уржат, *место впадения ручья или речушки в реку побольше*. Это название они переняли у кетов, живших здесь прежде. Русские поселенцы тоже не стали его менять – лишь добавили в конце привычное *ка*. Получилось Уржатка. Со временем так стал называться более обширный участок городской площади, нежели возле устья Ушайки. Он распространился до переулочка, который носит ныне имя Г.С. Батенькова, и улицы А.А. Беленца (бывшей Подгорной). Место во всех отношениях удобное. Неудивительно, что его облюбовали купцы и

ремесленники. Одни торговали мануфактурой, другие скобяными товарами (замки, задвижки, крючки и оконные приборы), либо сёдлами и упряжью, инструментом и канцелярскими принадлежностями, мясом и бакалеей (сухие плоды: изюм, черносливы, орехи, варенья, мед...; в переводе с турецкого *бак-ала* – «гляди и бери»; то есть любой товар, прежде всего пищевой – сыры, сельдь, балык, икра...). А ремесленники плотничали, занимались кузнечным делом. Были среди них серебрянники, медники, чарочники, красильщики, скорняки, каменщики. Фамилии многих уржатских толстосумов можно добавить к этому перечислению – Мыльниковы, Чулошниковы, Быковы, Капустины, Шумиловы, Касимовы... Здесь было выгодно строить и сдавать внаем дома (их называли «доходными»). В одном из них, приобретенном казной у золотопромышленника Королева, поселился первый томский губернатор (1804), затем второй, третий, четвертый... По соседству стремились обзавестись домами чиновники губернского правления. Уржатка притягивала к себе высшие круги, как пчел на мед.

Рядом с нею, на южном мысе Юрточной горы, располагались два монастыря – мужской Богородице-Алексеевский и женский Христорожественский (отсюда и пошли обозначения – Монастырское место, Монастырский лог). Правда, женский в конце XVIII века был упразднен «за бедностью», зато в мужском открылась первая в Томске школа (1744). Позже ее преобразовали в Духовное училище, еще позже – в семинарию.

Восточнее Монастырского места на берегу Ушайки жил, по преданиям, справедливый разбойник Мухин. На купцов он наводил ужас, а простые люди относились к нему с боязливым почтением. Ходили слухи, будто награбленное он раздавал людям неимущим. Так это или не так, никто толком не знал, однако береговую возвышенность в честь него окрестили Мухиным бугром. Народ здесь обитал разноплеменный, окраинный, беспокойный – всё больше наемные низы и скудного достатка мещане.

Нижней Елани повезло, пожалуй, больше других районов. Вслед за Песками и на ней стали стремительно возводиться каменные дома, сначала на

Миллионной, а потом и на других улицах. Они вращались в деревянный Томск прерывистой зубчатой стеной, часть которой украшалась колоннадами, башенками и лепниной, окрашивалась в светлые праздничные цвета, другая красовалась необлицованным вишневым кирпичом, уложенным узорно и величаво. В последней четверти девятнадцатого века здесь возникло Университетское место. Оно быстро наполнилось студентами, преподавателями, учеными, вдохнуло в старинный город новую энергию, заметно изменило его облик, перспективы, ритм жизни. К этому ритму подключилась Верхняя Елань, отныне неотделимая от Нижней.

Характерна такая деталь. Университет открыт в 1888 году, а в 1889-м неподалеку от него построен особняк, в который перебралось губернское правление. Позже этот особняк стал Домом ученых. Такое соседство мне кажется не случайным. И уж совсем не случайно то, что не университет потянуло к губернатору, а губернатора к университету.

У каждого из названных выше исторических районов был один, а то и несколько храмов: православные – один другого краше, римско-католический костел, лютеранская кирха, две синагоги, а в Заисточье (территория Татарской слободы и Московского тракта, расположенная в пойме Томи, за цепью стариц, образующих так называемый Исток) мусульманские мечети. Они объединяли Томск, делали его златоглавым, красочным, запоминающимся. А еще «лица необщее выражение» придавала ему узорная архитектура. Даже самый малоимущий житель ухитрялся украсить свое жилище хотя бы оконной и подкровельной резьбой.

Практически в каждом районе жили чистодеревщики, умеющие создавать удивительные по красоте и выразительности узоры. Среди них были люди разных национальностей, а потому и работа их имела многонациональный колорит. В Томске можно встретить архангелогородские, новгородские, славянские, прибалтийские, татарские и многие другие мотивы. Этой теме посвящена реконструкция следующего предания, почерпнутого из периодики конца XIX века:

Сказ о томских теремах

было это при царе Горохе, а, может, и поране. Никто минувших лет не считал, не до того было. День-деньской томский люд торговал, клади с места на место перекидывал, кузнечными молотами гремел. Сколько ремесел, столько и работ всяких делалось.

По праздничным дням благородное общество гуляния на Ушайке устраивало. Охота им по мощеной набережной поковырять, нарядами своими погордиться, стреляющие огни в воздух покидать. А ремесленный люд да голь перекатная либо в кабаках сидел, либо кулачными забавами на городских окраинах тешился. Станут стенка на стенку — и давай друг дружке рожи квасить. Кожевники и ломовики с Заозерья гончарам и сапожникам с Болота бока мнут, кирпичники мужиков из Новой Деревни лупят, потом все вместе в Заисточье или на Мухин бугор кулаки чесать отправляются, а по пути уржатских или еланских уму-разуму учат. Только треск стоит.

Пробовал полицмейстер дороги им с места на место не давать, так они под землей наладились прошмыгивать. Никакой околоточный их там не задержит, под землей-то. Там всяких прокопов еще с древних времен понаделано. У монахов свои, у купцов и разбойников свои. Темное дело. С тверёзных глаз туда никто по своей воле не совался, а толпой да в кулачном задоре почему не пройтись? Вот губернатор и объявил: кто от кулачных

боев город избавит, того по грудь, и по нос, и по макушку награжу, почетным человеком при себе сделаю. Много сыскалось охотников на том деле отличиться, да удачников среди них долго не было.

Наконец объявился купец-молодец. Велел он собрать со всего города самых отменных плотников и каменщиков, кузнецов и кровельщиков, жестянщиков и чистодеревщиков. Слово такое им сказал:

— Граждане народ! Попраздничали и будя! Пора за ум браться! А ну покажите руки!

Те показывают.

Купец и говорит:

— Которые на кулачных боях разбитые, мне ни к чему. А которые не побиты, не покалечены, в самый раз. Я им такую работу дам, что душа петь будет, а карманы оттопыриваться. Да что карманы — в шапку не влезет.

— Что? Как? — заволновались мастеровые.
— Говори скорее, что за работа такая?

Купец и разобъяснил:

— Решено, братцы, наш город теремным сделать. Чтобы нигде больше такого не было. А то скрипим, как несмазанные телеги, себя и других разбоями да кулачными войнишками пугаем. Как думаете, сможем в грязь лицом не ударить?

Почесали мастера в затылках:

— Коли всех нас гуртом возьмешь, без разбору, може, и не ударим. А будешь по рукам выбирать, прощевай, господин хороший. У нас меж собой круговая порука.

— Это хорошо, что круговая, — похвалил купец и, подумав, добавил: — Кто прошлое помянет, тому глаз вон. Сызнова уговариваться будем. Всех вас беру, коли слово дадите — самим на кулачках не биться, город перед

заезжими людьми не срамить, и другим-прочим воли не давать. Согласны или как?

— Попытка не пытка, а спрос не беда, — запереглядывались работники. — Да и ты, барин, коли не подстрелишь, так и не отеребишь. Там видно будет.

С того дело и началось. Велел купец ставить один терем в дереве, другой в камне, да так, чтобы один другому в масть был. Чей краше окажется, тому и слава.

Тут поплевали плотники на ладони да и стали бревнышко к бревнышку в стены класть, конопатить, перепуски делать. Подвели под венец, а там кровельщики у них сруб приняли и ну его под небеса подводить, да не как-нибудь, а с башенками, чердачными окнами, коньками на гребнях и шпильями на чешуйчатых шлемах.

Но самая замысловатая работа чистодеревщикам досталась. Без нее терем — все равно что горница без икон: ни души, ни вида не имеет. Любо-дорого посмотреть, как они наличники вызоривают, подкровельные кружева плетут, поясочки да вставочки выстругивают. У всякого завитка свой смысл и образ, свое настроение. Тут тебе и солнышко, и птица-дева, и дракон заморский, и занавеси, и трон, не хуже царского. Работать вполплеча и вполглаза чистодеревщикам никак невозможно. Красоты не будет. Тут хочешь, не хочешь, а запоёшь:

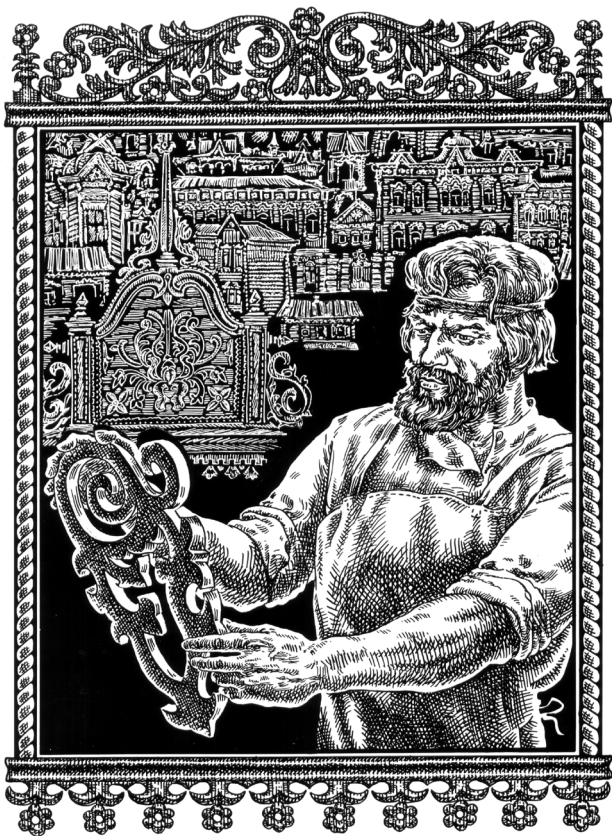
Расцветай резной карниз,

Колоситесь ставеньки.

Лейся песня сверху вниз

До самой до завалинки.

У кузнецов своя работа — фигурные решетки ковать, ворота и всякие другие полезные украшения делать. Жестянщики наголовники к водосточным трубам вырезают — и тоже узорно.

Рядом с тем же проворством кирпичный терем растет. Глянут каменщики на работу плотников да чистодеревщиков — и ну свои узоры выводить. Кирпич для них томские кирпичники сделали, раствор сами сообразили. Он у них особый — на рыбьем клею, яичных желтках да на твороге. Как схватится, никакими силами не отдерешь: камень и камень.

Весь город собрался на терема посмотреть. Стоят, ахают, удивляются: нешто окраинные баламуты на такое способны? А тем и лестно послушать, как их хвалят.

Томская знать тоже взволновалась: нешто мы плоше купца-молодца? Живо стали свои артели мастеровых набирать, дома-терема строить. На чистодеревщиков сущая охота пошла. Вот и некогда стало мастеровым на кулачные сшибки ходить, ребячьими забавами прохладяться.

Пришлось губернатору свое обещание исполнить — сообразительного купца всякими наградами наградить и почетным человеком при себе сделать.

Одно плохо: при следующих губернаторах теремное дело перестало поддержкой властей пользоваться. Спрос на мастеров снова упал. Они голью окраинной стали, вновь в кабаки и на кулачные сшибки потянулись. Не зря говорится: где воюют, там и горюют, а где красоту творят, там и радуются.

В начале этого сказания упоминаются подземные прокопы, по которым ходили монахи, купцы и разбойники. Многие газетные и журнальные публикации подтверждают, что так оно и было. Вот о чем, например, в «Сибирском вестнике» за 6 ноября 1888 года поведал первый директор Научной библиотеки Томского императорского университета, археолог и краевед Степан Кирович Кузнецов:

«Утром 2-го ноября во дворе столоначальника казенной палаты В.Б. Орлова, что в конце Новой улицы (тянувшейся от монастырской ограды к р. Ушайке), как раз над взвозом от речки Игуменки, при рытье ретиральной ямы рабочие наткнулись, на аршинной глубине, на кирпичный свод. Г. Орлов в тот же день известил меня о своем открытии и пригласил для осмотра на утро следующего дня, что я весьма охотно исполнил. (...)

В северном углу ямы рабочим пришлось наткнуться на кирпичный свод, арка которого переброшена по направлению от востока к западу. (...) Владелец дома

высказывает уверенность, что арка эта открывает собою подземный ход по направлению к реке.

(...) Мысль о подземном ходе не оставляла г. Орлова (...), тем более ему часто приходилось убеждаться в существовании какой-то загадочной пустоты под его домом, особенно когда его начинал беспокоить непонятный гул под землю, быть может, происходивший оттого, что уличная езда давала отзвук в подземном ходе.

Спустившись в яму со свечой, я мог лично убедиться, при помощи бывшей у меня палки, в рыхлости земли как на дне ямы, так и в пролете арки (...). То обстоятельство, что во время осмотра из ямы столбом поднимался пар, я склонен считать за указание на существование значительной подземной пустоты, содержащей более теплый воздух, чем наружный.

(...) Приходится таким образом заключить, что мы имеем дело с одним из более или менее старых сооружений города Томска. Принадлежность этой земли монастырю с давних лет дает повод думать, что и самый подземный ход сооружен для чисто монастырских целей. С помощью «Описания Алексеевского монастыря», составленного бывшим его настоятелем почтенным о. архимандритом Виктором и переданного в распоряжение редакции «Сиб. Вестн.», которая не замедлит его напечатать, я могу привести достаточно убедительные доказательства в пользу сооружения подземного хода к р. Ушайке именно монастырем.

(...) Последнее тридцатилетие 17 в. далеко нельзя назвать мирным в истории города Томска: калмыки и киргизы по прежнему совершали на город опустошительные набеги, и древние записи в монастырском синодике¹ указывают немало жертв этих набегов под 1647, 1680 и 1682 гг. Сама необходимость прибегать к вооруженному содействию служивых людей.

(...) Выйдя на берег Ушайки, все же можно было спастись от врага на лодках: кроме того, тут же можно было хранить, в особом тайнике, ценное монастырское имущество.

¹ списки умерших для церковного поминовения

(...) Легко также может быть, что этот подземный ход имеет отсюда ветвь прямо в монастырь».

Согласно многочисленным легендам и преданиям, томские купцы, кроме обычных складов, делали еще и тайные подземные хранилища, а на случай необходимости – «убегаловки» от соперников или органов правосудия. Такие «убегаловки» и подземные прокопы, по слухам, пронизывали «подошву» Томска во многих направлениях и даже проходили под Томью. По одному из них будто бы во время ледохода в одночасье добирался в Томск из деревни Кафтанчиково тамошний заводчик Карымбай Хамитов. Ну а для разбойников подземелья – самое подходящее место.

Любопытна гипотеза Н.С.Новгородова, о книгах которого и созданной им организации «Гиперборея – Сибирская Прародина» я рассказал в главе «Томское Лукоморье». Николай Сергеевич считает, что «Томск поставлен на месте древнейшего города Грасионы» и что именно о нем идет речь в письменных сказаниях 14 века «О человецех незнаемых в Восточной стране»: «Верх тоя ж реки великия Оби есть люди ходят попод землю иною рекою день да ноц с огни. И выходят на озеро. И над тем озером свет пречуден. И град велик, а посаду нет у него. И кто поедет к граду тому и тогда слышити шум велик в граде том, как в прочих градех...». Комментирует Новгородов эти строки так: «Есть основание предполагать, что в цитированном тексте имеется в виду река Томь, под которой ходят с огнем, и Белое озеро, над которым «свет пречуден».

Таков разброс мнений по этому вопросу.

Вероятно, из рассказов очевидцев, в разные годы видевших подземные ходы под Томском, можно было бы составить цикл фантастических и вполне реалистических преданий, подобных мисюревским, но стоит ли? Лучше вернемся к «Сказу о томских теремах», к его притчевому концу, который следует понимать так: где царствуют красота, мастерство, творчество, там нет места пьянству, тупости и грубым забавам.

Гюрата Меженнов

Непривычно звучит сегодня имя Гюрата, вроде как не по-русски. На самом же деле это уменьшительно-ласкательная форма славянского имени Юрий. А Юрий – это тот же Георгий. В переводе с греческого оно прочитывается как землетруженик, землероботник (*ge* – земля, *эргон* – работа). Древнерусские имена Гюрги, Гюрата соединили в себе и Юрия, и Георгия, а значит, и общий смысл – земледелец.

Один из таких земледельцев – новгородец Гюрата Рогович, десять веков назад послал «отрока своего в Печору, к людям, дающим дань Новгороду. И пришел отрок (...) к ним, а от них пошел в землю Югорскую» (...) Югра же сказала отроку: «Дивное чудо мы обнаружили, о котором не слышно было раньше, и идет этому третье лето: есть горы, заходящие в луку морскую, (выделено мной – С.З.), высоту до неба, и в горах тех раздается клич великий и говор, и секут гору, желая высечься из нее. И в горе той просечено небольшое оконце, и оттуда говорят, и не понять языка их, но показывают на железо и подают знаки руками, прося железа, и если кто даст им нож или секиру, они в обмен дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не доходим до них всякий раз. Идет он и далее на север».

Строки эти взяты из величайшего исторического и литературного памятника начала 12 века – летописной

«Повести временных лет». А вспомнились они мне потому, что связывают одно из первых упоминаний Югры – Сибирского Лукоморья с именем Гюрата. Казалось бы, давно минули времена, когда такое имя давали новорожденным. Ан нет, и нынче можно встретить его в сибирской глубинке, причем, не только в русских семьях. В одной из селькупских сказок упоминается богатырь по имени Гюрата. Неясно, какого он рода-племени, но ясно, что человек это честный, справедливый, рачительно относящийся к земле и ее богатствам. Не удивлюсь, если встречу однажды селькупа, в честь того богатыря поименованного Гюратой...

Лет сорок назад довелось мне рецензировать рукопись Василия Арсентьевича Величко, литератора из Колпашева. К тому времени он издал две книги, с любовью повествующие о родном крае и его людях. Одна называлась «Лось с серебряной цепью», другая – «В большом снежном мире». А в рукописи меня привлекло повествование о нарымском охотнике Гюрате Меженинове. Называлось оно «Земляной солдат». Повествование это отличали былинный слог и уходящая – увы! – символика устного народного творчества. Для себя я определил его жанр как сказание. Но в предисловии значилось: очерк.

Ну что ж, очерк так очерк. Однако, читая его, я вновь и вновь ловил себя на мысли, что имею дело с произведением, в котором сильны фольклорные традиции. Обращало на себя внимание и непривычное сегодня имя охотника. Как просто и естественно сочеталось оно с фамилией: Гюрата Меженинов.

«Звучит? – мысленно спросил я сам себя и ответил: – Звучит!».

Не открою секрета, если скажу, что многие русские фамилии образованы от прозвищ. Вот и в этой без труда читалось слово *межень*, что означает *середина*; *всякое среднее состояние между двух крайностей* (объяснение из «Словаря живого великорусского языка» В.И. Даля), а *межевать* – значит *делить что-то межою, означать его рубеж, грань*. Наиболее распространено межевание полей у земледельцев. Не случайно одного из былинных

богатырей-пахарей величали Микулой Селяниновичем. И здесь само собой напрашивалось сравнение – Гюрата Меженинович. По одну сторону от него виделось *кудрявое*, теплое, только что вспаханное поле, по другую – буйно *колосилась* тайга, полная ягод и кедровых шишек, а Гюрата Меженинович, стоя посередине, объединял бескрайние нарымские просторы в единое целое. Ведь и для крестьянина, и для промысловика труд на земле – это не просто работа, но и образ жизни, и душевное состояние, и миропонимание, и особенности характера.

В 1967 году Томское отделение Западно-Сибирского книжного издательства выпустило сборник очерков томских журналистов и писателей «Зарницы». В него вошел и «Земляной солдат», правда, под названием «Реквием», и с досадными сокращениями. Досадными потому, что из-за них в повествовании терялась связь Гюраты Меженинова с Томском. Однако сегодня эту связь можно восстановить. Сохранилась ранняя редакция очерка-сказания о Гюрате. Обратимся к ней.

Земляной солдат

Повеяли над страной жгучие военные ветры. Мирная земля обогрилась безвинной кровью. Пепельные тучи заволокли синеву бескрайних небес. Но поднялись навстречу вероломному врагу сыны Родины. С молоком матери впитали они силу и трудолюбие славных предков, их суровую уверенность: «Кто наступит на землю русскую – оступится». Вместе с отцами и братьями встал в солдатский строй и нарымский охотник Гюрата Меженинов.

Путь из Сибири на фронт неблизкий. И лежал он через старинный город Томск, бывать в котором прежде Гюрате не приходилось. Жаль,

конечно. Ведь, по словам бывалых людей, у которых Гюрата сызмала житейского опыта набирался, этот город — отец земли томской и нарымской. Ну, а коли так, то все томичи Гюрате как братья и сестры.

Но одно дело об этом слышать, другое — самому в этом убедиться. Томичи и впрямь побратски себя повели. Приветливо встретили они Гюрату, город с лучшей стороны показали. А напоследок в Лагерный сад сопроводили. Много у Томска памятных мест, но это для ополченцев, отбывающих эшелонами на фронт, — наипервейшее. Здесь с давних пор воинское умение томичей ковалось. Тем умением в смертельных сражениях с иноземными завоевателями они себе славу не раз добывали. Вот уж и правда: солдата мать родит, отец растит, а бой учит.

Поклонился Гюрата памяти воинов-земляков, а про себя зарок дал: не хуже их послужить, не посрамить чести родного края. С тем и на фронт убыл.

Победа — не снег, сама на голову не падет. Миллионы людей отдали за нее свои жизни. В их числе и Гюрата.

Прошуми, тайга, о нем в тихий полуночный час весны, когда ветки кедров шевелятся и, как человеческие руки, тянутся в мир, словно хотят обнять его! Нарымская тайга, зеленая и суровая сторона Крайнего Севера, Гюрата Меженинов, твой человек и сын, пал в бою.

Его старинное русское имя, взятое от имен сибирских землепроходцев, из дружины Ермака, знают отныне великие города нашей державы, знают донские степи и степи Таврии. Он их прошел.

Спит Гюрата Меженинов на Турецком валу. Высок и мрачен Турецкий вал — постель

Гюраты. Сюда пришел он от Сталинграда, здесь и смерть принял.

Два моря бьют свою волну в узкую теснину Перекопа. Слышен Гюрате их мощный и древний голос. С Турецкого вала видна ему вся советская держава. Открывается отсюда Гюрате зубчатый гребень Нарымской тайги, точно каменная гряда.

В изголовье Гюраты на дощечке написано:
*«Великий путь от Сталинграда,
им пройденный,
И честь его и душу озарял.
Увы!.. Он с нами не перешагнул
Турецкий вал —
Погиб, железом вражеским
сраженный...»*

Солдаты препоручили небесным звездам охранять безмятежный сон Гюраты Меженинова, так же как охраняли его окоп звезды войны — ракеты.

Солдаты написали у его изголовья обращение к нему: «Небо чистое-чистое юга, ты над прахом героя склонись!».

Гюрата Меженинов, северный человек, заслужил это. На поле священной войны он пережил день, ночь и рассвет битвы.

О поле боя!

В твоей книге люди читают откровение о солдатах Великой Отечественной войны.

Вот как сложилась фронтовая судьба Гюраты.

Сначала были дороги Смоленщины. Здесь начался страданный день солдата — длинный, жгучий, как раскаленная полоса железа. Течение времени не в силах измерить его. Немецкая тысячепудовая броня крушила древние леса Смоленщины. Била она и в грудь Гюраты Меженинова — он стоял.

Двадцать шесть суток непрерывно шел бой под Ельней — первый ратный день Гюраты. Черное воронье пило кровь на поле боя, как дождевую воду. Ветры не могли разогнать сонмища синих, словно из железа слепленных мух, что облепили окровавленную землю.

А солнце ликовало.

Жадно следил за ним Гюрата, боясь, что не выдержит оно и упадет. Вместе с ним он полз: солнце — вперед и выше, в зенит, Гюрата — вперед и выше, на высоты, сквозь огонь и смерть. Гюрата Меженинов харкал землею. И когда он ворвался в Ельню, то было в нем живого только сверкающие глаза и сверкающий штык.

Земляные солдаты!

Жители Ельни встречали их, выносили чистые рубашки. И тут же, на площади, переодевались солдаты.

Девушка с круглыми, еще детскими глазами, горячо поцеловала Гюрату в грудь.

Гюрата пошатнулся. Северный человек испытал теплый толчок в сердце. Он увидел, как было велико счастье, которое он принес людям. Тогда он забыл о смерти.

Не знал Гюрата, что смерть была бы самым легким по сравнению с тем, что предстояло ему. Не знал...

Ельня была сдана вновь.

До последнего держался Гюрата. Ходил в штыковую атаку, которая называлась «атакой в тумане», ползал под танки — его страдный день только начался. Гюрата отступал к Москве. И под Москвой он снова лег в окоп. Зловеще металась над его окопом немецкие ракеты. Над миром лежала ночь, а над окопом Гюраты был день, все тот же, запекшийся в огне.

Имя дню было — бой.

В сиянии победы оставил Гюрата Меженинов обороненную Москву.

Путь его лежал теперь туда, где надо было забыть о жизни и не думать о смерти. Бытие между жизнью и смертью ждало Гюрату.

И он шагнул в него.

Дожди смывали кровь Гюрата Меженинова. Он шел по рубежам войны, и отмеренные версты оставляли на его теле мету за метой — рубцы от ран.

Между жизнью и смертью стоял он под Сталинградом. Горд в крови и огне. Гюрата слышал, как дышит этот город, словно большой израненный человек. Гюрата дышал вместе с ним. В галерее подземно-минной атаки он чувствовал биение сердца города. Там, под городом, в глубине земли, Гюрата Меженинов наступал. Медленно удлинялась галерея. Узкий ход ее, как сверлом, прокладывал собственным телом Гюрата.

И крепость его тела была необыкновенной.

Восемнадцать суток он не видел света. Позеленели щеки Гюрата. Над всем миром стоял день, а у него была ночь, горел светляк, блеснула маленькая спаренная лопатка, цепенела тишина.

Имя той ночи было — бой.

К нему в глухую тишину приходил гул сражающегося города. Там, под сердцем Сталинграда, неожиданно вспомнился ему Лагерный сад на высоком берегу Томи. С него до удивления ясно открылись ему не только заречные и родные нарымские дали, но и всё необъятное Отечество, парящее во времени так же, как парят в поднебесье сильные и любящие высоту птицы. Он услышал голоса тех, кто защищал страну прежде. А над ним горела многострадальная сталинградская земля. И тогда, обращаясь к врагу, Гюрата сказал: «Не хватайтесь за бороду, фрицы: сорветесь — убьётесь!». Хотя бороды в ту пору у Гюрата уже не было: он сбрил ее по солдатскому уставу...

Удар подземно-минной атаки был страшен. Ключевые позиции фашистов, сжимавшие волжскую переправу огненным спрутом, взлетели на воздух вместе с их гарнизоном.

Гюрата испытал теплый толчок в сердце. Гюрата вздрогнул. Гюрата улыбнулся и прижал руку к сердцу — там, на груди, ощутимо теплился поцелуй девушки. И кровь вернулась к его позеленевшим щекам.

Привычный к ночным теням танков и орудий, Гюрата Меженинов шел по степям Дона и Сала. Пожары, дороги, окопы... И новые раны. На содрогающейся земле Гюрата выращивал победу — плод огня и крови.

Не боялся врага Гюрата.

Он и враг испытали друг друга. Остаться в жизни рядом они не могли. Гюрата Меженинов приговорил врага к смерти — и не желал пощады себе. Не желал...

Душа Гюраты была чиста. Он трудился на ратном поле ради всех.

Как некогда в тайге, так и на рубежах войны, он встречал рассвет каждого дня бодрствующим.

Имя рассвета было — бой.

В белесом небе гасли ракеты, и свет солнца начинал пробиваться к Гюрате откуда-то из темного чужа. Глаза Гюраты искали врага в брезжущем рассвете. Медленно открывались перед ним очертания вражеского рубежа. Чудесные краски и тени рассвета скрывали Гюрату.

И он посылал врагу первую утреннюю пулю...

На рассвете начиналась атака.

Навстречу смерти выскакивал из окопа Гюрата. Окрашенный багрянцем зари, сверкал его верный штык. На острие штыка солдат нес

первый луч солнца. И в душе Гюраты занимался рассвет, яркий, чистый, торжествующий. На груди теплел неугасимый поцелуй, стучал в сердце Гюраты.

Атака — мир солдата.

Твердо знал Гюрата Меженинов свое место в этом мире. Тишины он не искал в нем. Но встал преградой перед ним Турецкий вал.

Тесен Перекоп — два моря, а между ними вал и жерла пушек. Турецкий вал, как книга, мог рассказать о Крыме с древнейших лет. Гюрата должен был прочитать эту книгу.

Был рассвет, и был штурм — сотая атака Гюраты.

Тяжелый огнедышащий дот стоял перед наступавшими цепями. Он мог пожрать всех товарищей Гюраты. Он загораживал им путь. Он уже остановил их — цепи залегли.

В эту минуту Гюрата принял решение — его товарищи во что бы то ни стало должны перешагнуть Турецкий вал. Гюрата полз к врагу. Все ближе становился дот. Под амбразурой прилег Гюрата. Там, в мыслях, прощался он с товарищами и посылал привет в далекую Нарымскую тайгу.

И вдруг теплый толчок в сердце вновь испытал Гюрата: ожил на груди заветный поцелуй...

Поднял Гюрата тяжелую связку гранат, сам поднялся, как глыба. Он успел. Связка мелькнула в амбразуре. Успел и враг. Орудие из дота ударило в упор. Туда, где теплился заветный поцелуй, впилося железо — снаряд пробил Гюрате грудь и, не разорвавшись, со свистом полетел в море.

Упал Гюрата. В последнем движении руки схватил он горсть сырой земли и крепко

прижал к зияющей ране: любил родную землю и умирал с нею.

Дымился дот.

Товарищи Гюраты перешагнули Турецкий вал.

Вечная слава героям, павшим в боях за свободу и независимость нашей Родины!

Друзья и братья по оружию! В час радости не забывайте о Гюрате Меженинове! В свете восшедшего солнца победы лучатся его простые чистые глаза. Не уставайте в бою! Бесстрашием почитайте память о боевом товарище!

Родные и близкие! Томичи, проводившие Гюрату на фронт! Трудитесь за себя и за всех, кто отдал свою жизнь, чтобы приблизить Великую Победу!

Моря, хранящие покой красноармейца Гюраты Меженинова! Пойте ему песню о вечности.

Вечен Гюрата.

В счастье людей, в их труде, в стремлении их дум, в радостном смехе детей — вечен.

Благословен великий солдат Отечественной войны!

Да не позабудет мир о нем.

Жанр очеркового сказания – особый жанр. Он позволяет во много раз укрупнить человека, создать живой и вместе с тем собирательный образ. Искусство сказителя я бы сравнил с искусством скульптора. Он ведь тоже стремится отсечь всё преходящее, второстепенное, высветив при этом вечное и святое.

Судьба Гюраты Меженинова – это судьба миллионов солдат, павших за Отечество. Каждый из них, пусть на несколько мгновений, приблизил день Великой Победы. В память о них во всех уголках России созданы

мемориальные комплексы, монументы,obelisks, стелы с именами погибших.

Есть такой комплекс и в Томске. Место для него выбрано поистине историческое – Лагерный сад. Тот самый, где перед отправкой на фронт Гюрата Меженинов зарок дал – не посрамить чести родного края.

В одной из предыдущих глав, рассказывая о кузнеце-рудознатце Федоре Еремееве и его кузнице, сооруженной в Лагерном саду в 1624 году, я упомянул, что это место так называют с тех пор, как в Томске появился пехотный полк (первые сведения о нем относятся к 1763 году) и возникла надобность в военном лагере для его солдат. Ну а дальше события складывались таким образом.

25 марта 1864 года полку было присвоено порядковое обозначение – 39-й (до этого он писался то линейным, то мушкетерским, то стрелковым). Под этим воинским номером он просуществовал до 1918 года. Полком командовали разные командиры. Одним из них был П.М. Кардиналковский. Помимо редкостной фамилии, он обладал еще и поэтическим даром. Его «ребятушки» пели сочиненную им песню. Она так и называлась: «Солдатская песня 39-го пехотного Томского полка». Приведу ее полностью, сохраняя прежнюю орфографию:

*Томский полк готов к походу.
Гордо знамя реет!
На копье его Георгий
Истари белеет.*

*Он добыт на поле брани
Кровью дедов наших.
И покрыт отцовской славой
Храбро в битвах павших.*

*Нам отцы в наследство дали
Честь и доблесть дедов.
Не забыть они велели
Про поход на шведов.*

*Про Дунай и Севастополь,
Альпы и Полтаву,*

*Бородинский бой и Хиву,
И Кавказа славу.*

*Мы готовы наших предков
Следовать примеру.
И умрем за честь России,
За царя, за веру!*

*С их заветами не страшно
В бой идти кровавый!
Мы покроем наше Знамя
Новой громкой славой!*

*Нет для нас окопов грозных,
Рвов, сетей, ловушек,
Не боимся пулеметов,
Крепостей и пушек!*

*Мы стоим, как встарь стояли,
За расцвет России!
Враг поляжет ниц пред нами,
Как и в дни былые!*

*Командир наш, офицеры
Рвутся с нами к славе!
Как отцы, как деды храбры –
Цвет родной державы.*

*Мы за прежних полководцев,
Полк водивших в битву,
Вознесем усердно, други,
Теплую молитву.*

*Смело в бой! Не дрогнут руки!
Не поникнет Знамя.
С нами Бог! В груди у томцев
Не погаснет пламя.*

Отличительная особенность этой солдатской песни, сочиненной Кардиналковским, в том, что каждое ее слово подтверждено реальными делами. Вспомним наиболее яркие эпизоды из истории Томского полка.

Боевое крещение он получил в сражении с уланами и драгунами Наполеона под Фридландом в 1807 году.

Попав в плен к неприятелю, унтер-офицер Старичков и рядовой Чуйка, сумели сохранить и переправить к своим полковое знамя. Не об этом ли строки из песни: «Смело в бой! Не дрогнут руки! Не поникнет Знамя...»?

В 1812 году полк участвовал в знаменитом Бородинском сражении. Вместе с Тобольским, Красноярским, Иркутским и Сибирским полками он защищал высоту Курганную в центре Бородинского поля на главном редуте, вошедшем в историю как редут Раевского.

26 августа, в решающий день сражения, на редут обрушился огонь 170 неприятельских орудий – против 18 русских пушек. Тройное превосходство имели французы и в пехоте. Несколько раз в течение дня врывались они на позиции сибиряков, но всякий раз вынужденно откатывались назад.

Позже французский офицер Леже вспоминал: «Трудно представить что-нибудь более ужаснее внутренних частей главного редута. Кажется, что целые взводы были скошены на своей позиции и покрыты землей, взрытой бесчисленными ядрами. Тут же, около своих орудий, лежат канониры, изрубленные кирасирами. Дивизия, погибшая тут почти полностью, кажется, и мертвая охраняет свой редут».

Среди тех, кому посчастливилось уцелеть в этом кровешном аду, был заряжающий одной из пушек редута Раевского, знаменитый лермонтовский «дядя». Его рассказ о Бородинском сражении мы помним с детства, но как-то не связываем самого рассказчика с Томским и другими сибирскими полками. А могли бы. Оснований для этого вполне достаточно. Только непосредственный участник сражения мог с такой достоверностью описать предельное напряжение и подлинный героизм однополчан:

*Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.*

*Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.*

*Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени.
В дыму огонь блестел.
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.*

*Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой..
Земля тряслась – как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...*

Один из защитников редута Раевского, полковник Манахтин, во время сражения был смертельно ранен. Солдаты уложили его на носилки и хотели перенести в безопасное место, но Манахтин велел поднять носилки повыше, чтобы батарейцы увидели впереди, у боевого знамени, своего командира, и продолжал командовать боем. «Ребята! – из последних сил воскликнул он, – Эта батарея – Россия, отстаивайте ее грудью богатырей!». Скорее всего именно о нем с грубоватой нежностью вспоминал старый солдат:

*И только небо засветилось,
Ве шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.*

*И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! Не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.*

Томским пехотным полком в том сражении командовал подполковник Н.П. Попов. За храбрость он был удостоен ордена Святой Анны 2-й степени. Еще восемь офицеров получили соответствующие их заслугам воинские награды.

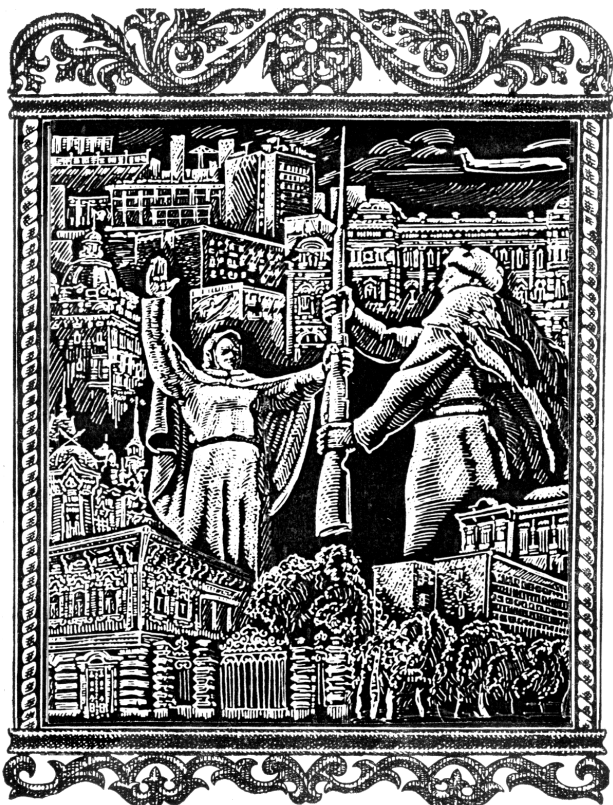
Вот краткий перечень последующих сражений, в которых Томский пехотный полк отличился: Русско-Турецкая война (у крепости Турно и селении Бейлешты – 1828 год; во время штурма города Рахова за Дунаем и при освобождении Софии – 1829), Крымская война (в дни обороны Севастополя и Одессы, 1854–1855 годы), Первая мировая война (в сражениях за Ярославль и Лович – 1914; за Нарев – 1915; на реках Липе и Стыри – 1916; в том же году полк участвовал в знаменитом Брусиловском прорыве).

Ратные подвиги «томцев» отмечены многочисленными именными и коллективными наградами – Георгиевскими крестами и знаменами, серебряными трубами, рожками, петлицами за военное отличие и знаками на головных уборах.

В начале двадцатых годов в Томске были созданы общесибирские военно-образовательные, военно-артиллерийские и военно-инженерные курсы, реорганизованные затем в двухгодичные школы комсостава. Одну из них и окончил Виктор Иванович Полосухин, будущий командир 32-й Сибирской Краснознаменной стрелковой дивизии, в 1941 году принявшей героическое участие в новом сражении на Бородинском поле.

В честь защитников редута Раевского у дороги Бородино – Семеновское установлен обелиск – один из 43 на историческом поле. Неподалеку от него в честь воинов дивизии, которой командовал Полосухин, высится монумент из черного гранита. А удостоверение Виктора Ивановича, пробитое пулей, хранится в одной из музейных витрин Бородинского мемориального комплекса. Это ли не связь времен и подвигов?

В годы Великой Отечественной войны воины сформированных в Томске соединений участвовали в сражениях под Москвой, Курском, Смоленском, Одессой,

Запорожьем, Киевом; освобождали Варшаву, Прагу, Будапешт, Софию; штурмом брали Берлин. Многие покрыли себя славой в партизанских отрядах, действовавших на оккупированной территории, и в рядах Сопротивления других стран.

Накануне тридцатилетия Победы дважды Герой Советского Союза маршал И.С.Конеv писал в Томск: «Сибиряк – значит из Сибири. Но в годы войны с Гитлером мы по-другому переводили это слово. Сибиряк – значит мужественный и исключительно стойкий. Воевал и я с томичами вместе. Что сказать? – Сибиряки!».

О ратной доблести томичей в годы Великой Отечественной войны повествуют семнадцать стел мемориала

в Лагерном саду. На одной из них высечено: «370-я дивизия заслужила звание Бранденбургской, 19-я Гвардейская дралась у стен Ленинграда, в 1945 году громила японских милитаристов, 79-я Гвардейская прошла путь от Сталинграда до Берлина, 48-й Гвардейский арtpолк закончил войну в Прибалтике. Их подвиги будут вечно жить в памяти земляков». На другой стеле увековечены имена более ста Героев Советского Союза, на остальных – имена их товарищей-фронтовиков. О коллективном подвиге томичей напоминает надпись: «Почти каждый второй погиб, отдав свою жизнь за нас. Мы не забудем об этом». Напоминает о них и монументальная скульптурная композиция – Родина-мать вручает оружие уходящему на фронт солдату-защитнику.

Автор этой композиции – Николай Константинович Яковлев, фронтовик-пулеметчик, раненный в боях на Курской дуге, затем, после окончания танковой школы, дошедший с боями до Берлина. Уже после войны он окончил сначала Рижский строительный техникум, затем Ленинградский институт имени И.Е. Репина Академии художеств СССР, участвовал в разработке генеральных планов 37 городов России. Томичом стал в 1972 году – после того, как его проект мемориального комплекса в Лагерном саду был признан лучшим из поступивших на конкурс. В сжатые сроки группа архитекторов и строителей под началом Николая Константиновича воплотила его в жизнь.

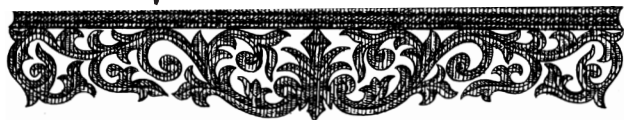
Девять лет после этого Яковлев был главным архитектором города. Можно сказать, что в Томск его привела фронтовая дорога. Ведь именно фронтовой опыт помог ему создать столь выразительные, сказово-укрупненные образы Матери-Родины и Солдата-Защитника, своего рода богатыря Гюраты Межениновича.

Чувства, которые я испытываю, бывая в Лагерном саду, у этого мемориального комплекса, вылились в такие строки:

*При свете дня
нет света у огня.
Но стоит одному
померкнуть свету,*

Богатство узорной фантазии

У колыбели Томского императорского университета стоял доктор медицины, крупный ученый и общественный деятель Василий Маркович Флоринский. Еще за пять лет до того, как ему доверено было возглавить строительство университета, он встретился с новороссийским и бессарабским генерал-губернатором Александром Григорьевичем Строгановым и напомнил ему, что триста лет назад его прадеды помогли материальными средствами дружине Ермака вернуть России Сибирь, а ныне ей требуется не столько материальная, сколько духовная помощь. При этом он имел в виду едва ли не крупнейшую в стране библиотеку Строгановых, хранившуюся в подвале Петербургского Гостиного двора. Генерал-губернатор, которому было уже 80 лет, напоминание это принял близко к сердцу, и уже с 1879 года начал отправлять книжные сокровища в Томск. Всего им было передано в дар еще не существующей библиотеке университета 23582 редчайших издания на русском и иностранных языках. Для того, чтобы их перевезти, потребовалось более семидесяти подвод, то есть большой *книжный обоз*. Весило это собрание 1770 пудов, что по сегодняшним меркам превышает 28 тонн.

Во многом благодаря стараниям Флоринского библиотека университета стала фундаментальной, иными словами, капитальной, глубокой, основательной. При нем и после него она приобрела или получила в дар множество других бесценных изданий, как научных, так и художественных.

Василий Маркович был деятельным, многогранным человеком, интересы которого выходили далеко за пределы медицины. За годы, проведенные в Томске (1885–1898), он успел сделать необычайно много. Благодаря его энергии, связям, разносторонности интересов, старинный купеческий город, на создание в котором первого за Уралом университета, по его словам, «многие смотрели как на праздную и бесполезную затею», стал приобретать зримые черты «умственного очага Сибири», а затем и вовсе снискал славу Сибирских Афин.

Для того, чтобы лучше понять, что вкладывалось в это образное наименование, обратимся к древнегреческой мифологии. Согласно ей, на одной из гор Фессалии, а точнее на Олимпе, в роскошных дворцах обитали отец богов и людей Зевс, что значит «дневное сияющее небо», и прочие небожители. Афина появилась из головы Зевса, сопровождаемая золотым дождем и молниями. Ей суждено было стать богиней мудрости и силы, градозащитницей и законодательницей, а еще покровительницей художественных ремесел, искусств, мастерства. Она помогала ткачихам, рукодельницам, гончарам, строителям и вообще ремесленникам. Это с ее помощью легендарный Прометей похитил огонь из кузни бога огня и кузнечного дела Гефеста. Это она изобрела флейту и научила играть на ней стреловержца и блюстителя гармонии Аполлона. Это она помогла построить корабль «Арго» команде храбрецов-аргонавтов, отправляющихся в сказочную страну Эю (Колхиду) за золотым руном¹. Это от ее прикосновений стали удивительно прекрасными Одиссей, герой многих авантюрно-сказочных сюжетов (его имя переводится как человек «божеского гнева») и супруга Одиссея Пенелопа.

¹ шерстяной покров овцы, состриженный сплошным пластом

Таким образом, Афина – одна из ключевых фигур олимпийской мифологии, символ всеобъемлющей мировой мудрости, а значит и знаний. Не удивительно, что древние греки в честь нее нарекли не просто город, а город-государство, которое первоначально так и называлось – Афинское.

А ведь примерно таким городом-государством на рубеже прошлого и позапрошлого столетий стал для большей части Западной Сибири и губернский Томск. Помимо административных функций, он приобрел еще и важнейшие культурно-образовательные, творческие, научные. Тогда и появились в его архитектурном облике новые, если так можно выразиться, *афинские* черты. Рядом с деревянными теремами выросли каменные особняки. Одни из них украшались декором, стилизованным под резьбу народных умельцев, другие представляли из себя рельефную лепнину в виде головы человека, животного или мифического существа. Такую лепнину принято называть *маскаронами* (от французского слова *маска*). Присмотримся к ним.

В центре Томска на фасаде торгового дома «А.Ф. Второв и сыновья», построенного в восьмидесятые годы девятнадцатого века (ныне здесь размещается магазин «Тысяча мелочей»), взгляд останавливает маскарон того самого бога огня и кузнечного дела Гефеста, у которого похитил огонь Прометей. На том же здании есть и другой декоративный элемент – «Колесо Фортуны». Фортуна, как мы знаем, – богиня счастья, случая и удачи, а проще говоря, судьбы. Культ ее связан с римским царем Сервием Туллием (569). Благодаря любви Фортуны, из сына рабыни он стал царем. За это и воздвиг он ей несколько святилищ. За это и обожествил.

С фасада центральной городской аптеки (раньше здесь располагалась аптека торгового дома «Штоль и Шмидт») улыбается нам буйноволосый Асклепий, бог врачевания, умевший воскрешать мертвых (в римской мифологии он именуется Эскулапом). Еще одним впечатляющим маскарон могут любоваться студенты и преподаватели государственного педагогического университета (бывшего учительского,

а затем педагогического института). В переводе с греческого педагог – это воспитатель, наставник и вместе с тем учитель общеобразовательной школы. Образ именно такого воспитателя и запечатлен на фасаде старого университетского здания. А на химическом корпусе политехнического университета (в прошлом технологического, затем политехнического института) разъяри рта Химеры, иными словами чудовища, рожденные Ехидной (полудева-полузмея, прекрасная ликом, но ужасная своей змеиной сущностью) и Тифоном (дикое существо с сотней драконьих голов). О чем говорят эти изображения? Возможно, о связи Химер с алхимией, но, скорее всего, о сложных творческих ассоциациях придворного академика архитектуры Р.Р. Марфельда, по проектам которого строился корпус. Своих Химер он стремился изобразить такими же выразительными и своеобразными, как те, что украшают знаменитый Собор Парижской Богоматери.

Там же, у политехнического, с каменных ограждений уличной лестницы рыкают на нас гривастые львы. А на фасаде дворца-палаццо купца И.И. Смирнова (ныне переулок Кооперативный, 5) можно увидеть крылатых львов, стерегущих прекрасную амфору (сосуд с округлым или вытянутым туловом), и ряд надоконных маскаронов с ликом одного из мифических героев.

Томичи и гости нашего города не раз останавливались перед зданием Томского окружного суда на Соляной площади. Его венчает выразительная скульптура вершительницы правосудия. В ее образе соединились две богини из древнегреческой мифологии – Фемида и Немезида. Фемида олицетворяет правосудие, Немезида – возмездие (ее имя так и переводится – «справедливо негодую»). Лишь любимые олимпийскими богами *гипербореи*, то есть жители сибирского Лукоморья, никогда не знали ни ее гнева, ни возмездия, потому что жили по справедливости, поклоняясь морали и искусствам. Богиню правосудия принято изображать с весами, уздечкой, мечом или плетью. Это символизировало равновесие, наказание, его неотвратимость, быстроту. Нередко она мчалась на колеснице, запряженной

грифонами, или же летела, взмахивая крыльями, как птица. В томском варианте она запечатлена именно такой – крылатой.

Все это, конечно же, картина неполная, скорее детали к ней, но и они говорят о многом, о том, что творческий Томск неотделим от мировой культуры, как и его фольклор неотделим от мифологии других народов, прежде всего греческой. Ее присутствие в городе зримо и давно стало привычным. Ее образы своеобразно оттеняют русские, татарские и многие другие символы, удачно соединяют живое народное творчество с причудливыми очертаниями и красками города, дерево с камнем, резьбу с лепкой, воображаемое с реальностью, прошлое с будущим – через настоящее. Как-то легко и просто вошли со временем в обиход горожан такие архитектурные термины и понятия, как акантовый лист, то есть барельеф в виде листьев заморского растения *акант*, волюта (декоративная деталь в форме завитка), пилястра (полуколонна, но прямоугольная в плане), ризолит (часть здания, выступающая за основную линию фасада), эркер (закрытый, обычно остекленный балкон) и другие. И названия большинства архитектурных стилей нынче не нуждаются в подробных объяснениях. Классицизм – это стиль, обращенный к наследию античного зодчества, барокко – стремление к усложненности декора, сочности его пластики, модерн – асимметричность композиции, пристрастие к текучим, плавным, изогнутым формам и линиям, готика – устремленность ввысь, главенство вертикальных линий, неорусский стиль – тяготение к наследию древнерусского и народного зодчества. Всё это есть в Томске, причем в естественных, многомерных сочетаниях. Есть здесь резные жар-птицы, драконы, птица-дева Сирин (в русских духовных стихах рассказывается, как она спускается из рая на землю, чтобы очаровать людей своим пением); есть совы, белки, солярные (солнечные) знаки, парусная лодка, скачущий конь, ставший гербом Томска, и многое другое. Не город, а сказка.

«Резьба наряду с зодчеством, – по мнению известного живописца и знатока родной природы Игоря

Грбаря, – была любимой областью народного творчества, и идеалы его выразились здесь с такой же яркостью и полнотой, как и в былинном эпосе, в народной песне. Диву даешься, откуда эта вдохновенная песня запала в душу немудреного резчика. Прямо ошеломляет богатство его узорной фантазии».

Немало в Томске памятных скульптур, лепнин, резных украсов. Сиротливо затерялись среди них каменные изваяния, привезенные из далекого Семиречья и Семипалатинской области Василием Марковичем Флоринским, именем которого начата эта глава. Пришло время ее продолжить.

Став официальным представителем Министерства народного просвещения при строящемся университете, Флоринский углубил свои научные изыскания в области медицины, а кроме того – серьезно занялся археологией. Он-то и доставил в Томск каменных истуканов.

Киргизы называют их *куртуяк-таш*, алтайцы – *балбалами*. Эти каменные изваяния олицетворяли воинов-богатырей, призванных защищать родные очаги от нападений, хранить мир и покой своего племени. Так что русское название «каменные бабы» – впрочем, как и «истуканы» – им мало подходит. Ведь богатырь даже внешне, по разумению азиатских народов, совсем не баба.

Высекались балбалы разной величины – обычно выше человеческого роста. Но были и приземистые. Почти у каждого одна рука на поясе – там, где надлежало быть сабле воина, в другой – сосуд, символизирующий как мирные намерения, так и готовность схватиться с врагом в смертельной схватке.

Племена, жившие нападением, а не обороной, придавали своим каменным скульптурам воинственные черты. Весьма свирепо выглядели куртуяк-таш, высеченные древними алшинами из племени казак-киргизов Малой Орды. Уже в самом названии племени заключалась немалая угроза, ведь алшин переводится как *красные волки*, а еще как *бессмертие, возрождение, победитель*. По легенде древние тюрки – ашины – потомки гуннского мальчика, выкормленного волчицей. У кочевых народов вообще силен культ волка.

Есть и другая легенда – о *кумай* (собаке), рожденной от волшебной птицы Хумаюн (Птица Вещая), отсюда птица Гамаюн. Так вот, куманы (половцы) каменных богатырей тоже вытесывали весьма грозными, а то и свирепыми.

Следуя через степи или горные долины, воины и мирные кочевники всегда задерживались возле каменных изваяний, смазывали им губы жиром, молоком, а то и кровью, прося удачи в задуманном предприятии или просто спокойствия и умиротворения.

В марте 1897 года уже упоминавшийся в этой книге ботаник, физикогеограф, путешественник, профессор Томского университета Василий Васильевич Сапожников из экспедиции по Центральному Алтаю писал Флоринскому:

«Мне очень приятно сообщить Вам, что на плоскогории Укек я видел прекрасно сделанную каменную бабу, за несколько дней случайно вырытую одним киргизом. Она изображает мужчину, который держит в правой руке бокал, а в левой – короткий меч; ног нет. Высота с основания около 2 аршин¹. Форма изображения более плоская. Я просил увезти ее в Укекскую таможню, чтобы оттуда, если вы найдете интересным и заслуживающим того, переслать ее через Бухтарму в Томск».

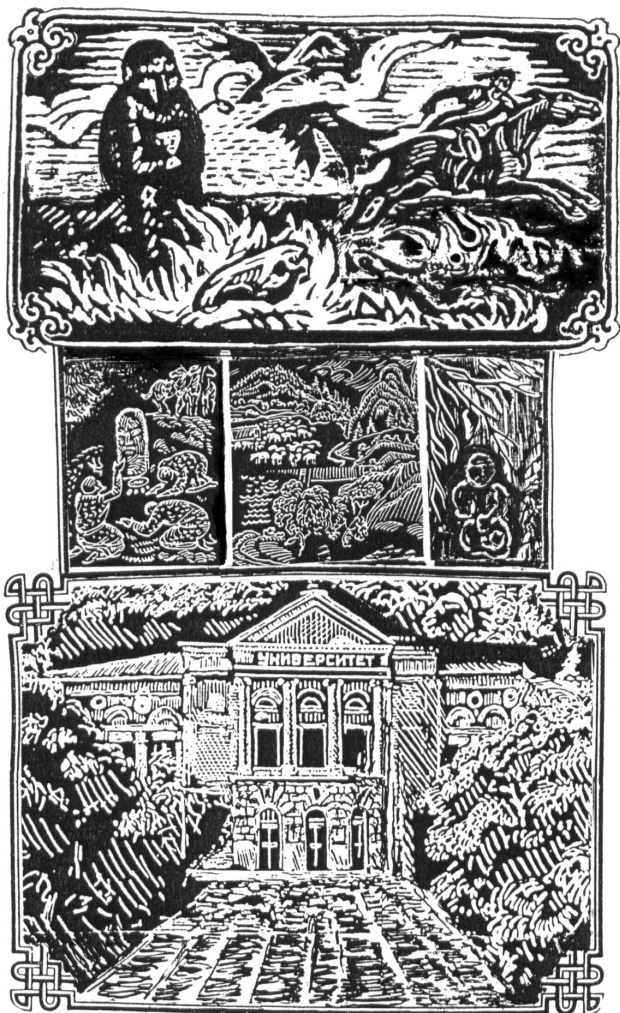
В другом письме с Алтая Сапожников сообщал Флоринскому, что в Чуйской долине встретил каменный столб более двух метров высотой – «на верхней конечности его с одной стороны, восточной, грубо высечено лицо, в натуральную величину, или немного меньше».

«Мои расспросы калмыков об этих образованиях не привели ни к чему: «стоят давно, а кто поставил – не знаем», – писал он дальше. – По рассказам моего много бывавшего толмача² на Катунь, ниже устья Чуи, есть баба, высеченная только до пояса. Сам я не видал, но, судя по его описанию, она похожа на те, которые уже имеются у вас».

¹ мера длины – 0,711 метра

² переводчик

Речь здесь идет, конечно же, о тех каменных богатырях, которых Флоринский привез из Семиречья и Семипалатинской волости. Двух из них он установил в Университетской роще у входа в главный корпус альма-матер. Еще в конце прошлого века оба изваяния стояли. Сейчас остался только один, да и тот перенесен

на другую аллею. А жаль. На тропинке, ведущей к Научке, он был уместней и больше напоминал о Василии Марковиче Флоринском, так много сделавшем для Томска научного. Благодаря именно ему вот уже более ста лет бесстрастно взирает на плывущий мимо поток студентов и преподавателей «сфинкс» из азиатских степей (так в шутку называли его студенты 70-х годов прошлого столетия). Маленький, неброский, он пережил века и народы, войны и революции. История – это Река Времени, которая течет мимо. Течет и не исчезает, а напротив, становится только полноводней.

В стихотворном сказании, которым я хочу завершить эту книгу, нет упоминания о Флоринском. Но когда я писал эти строки, и его имя звучало в моей душе.

Каменные богатыри

лосколицы камни темны
и шершавы.
Солнце тенью наполнило
щелочки глаз.
Через хвойные ветки
и жухлые травы

Они долго и пристально смотрят на нас.
Так кочевник глядел, за добычей нагрнуув.

И над знаменем цвета небесных вершин,

Над его головой улыбался багряно

Красный волк-победитель –

всесильный Алшин.

Отсвет этой улыбки впечатался в камень,

Изнутри обозначив извилины губ.

Каждый лик отшлифован и сглажен веками.

Каждый торс первобытно нескладен и груб.

Было время, когда эти камни стояли

Средь ковыльных степей, на развилках дорог.

И алшины пред ними песок целовали.

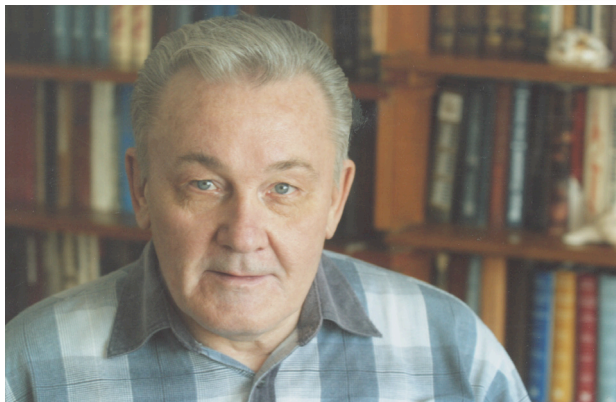
И спекался от жертвенной крови песок.

Шли к ним женщины.

Мирные шли скотоводы,
Чтоб удачу просить в повседневных делах.
Но открыл Мухаммед одному из народов,
Что не камни им силу дают, а Аллах.
И Великая Степь повернулась к Аллаху.
И забыла, что было до этой поры...
Одинокие камни ослепли от влаги,
От обиды, от жгучих ветров, от жары.
Так бы им и стоять, позабытым навеки,
Наклоняясь к земле, зарастая травой,
Но ученые люди на шатких телегах
Увезли их в сибирские дали с собой.
И поставили в Томске у стен альма-матер,
Словно вехи к былым и грядущим векам...
Стали мшистыми камни. Но светится рядом
Вековая дорога, ведущая в храм.
Породнил этот храм времена и народы,
Степь и лес, силу неба и силу земли...
По утрам в рощу шумно врывается город,
Чтобы к ночи отхлынуть, затихнуть вдали.
День и ночь. Тень и свет.
За приливом — отливы.
Жизнь проходит, давая дорогу другой.
Но стоят и глядят нам вослед терпеливо
Плосколицые камни с бессонной судьбой.

Об авторе

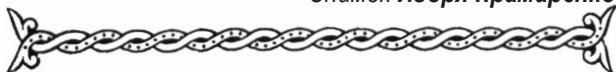

Сергей Алексеевич Заплавный родился в мае 1942 года. Работал грузчиком, сельским учителем, ответственным секретарем вузовской многотиражки. Окончил историко-филологический факультет Томского государственного университета. После службы в ракетных частях Бакинского округа ПВО вернулся в Томск и сотрудничал в газете «Красное знамя». Редактировал областную газету «Молодой ленинец», был старшим редактором Западно-Сибирского книжного издательства.

Автор более 20 поэтических и прозаических книг, изданных в Москве и Сибири. Среди них – документально-художественное повествование «Рассказы о Томске», роман «Укрепи мою память», альбомы «В краю кедровом» и «Томские просторы», исторический роман-трилогия «Клятва Тояна», эссе «Крылатый конь» и другие произведения о Томске. Новая книга писателя – это взгляд на историю родного города через призму томских легенд и сказаний.

Член Союза писателей СССР с 1974 года. С 1999 года – член Правления Союза писателей России. Действительный член Петровской академии наук и искусств. Член Томского городского совета старейшин и областного совета по сохранению деревянного зодчества.

СНИМОК *Игоря Крамаренко*

СОДЕРЖАНИЕ

Эхо реальных событий	5
Схватка в небесах	19
Богатырь Эүшт	30
Легенда о Белом озере	36
Могила хана Тахтамыша	39
Золотой аркан	43
Үшай и Тома	48
Легенда о Томе (Т. Мейко)	58
Как чүдү живьем закопалась	67
В гостях у мамүтов	76
Томское Лукоморье	84
Основание города Восновца	94
Сказание о Грустине	97
Отчая земля и крест святой	104
Божьи подвижники	117
Возрожденный монастырь	121

ЖЕЛЕЗНЫЕ СЛЕДЫ	125
Позара	130
Бес попутал	143
СИБИРСКИЙ ЗАТВОРНИК	150
Богомолица и святой старец.....	162
На путях сибирской фольклористики	170
Из преданий Московского тракта (А. Мисюрёв).....	173
Томск многоликий	188
Сказ о томских теремах	192
Гюратта Меженинов	199
Земляной солдат (В. Величко)	201
Богатство узорной фантазии	218
Каменные богатыри	226
Об авторе	228

УДК 882
ББК 84(2p)6
3328

Заплавный С.А.

Томские сказания / С.А. Заплавный. – Томск:
ОАО “Издательство “Красное знамя”, 2007. – 232 с.
ISBN 5-9528-0048-3

Литературно-художественное издание

Сергей Алексеевич Заплавный

ТОМСКИЕ СКАЗАНИЯ

Редактор: *Т.А. Калёнова*

Компьютерная верстка: *Л.Д. Кривцова*

Дизайн: *Е.В. Чиндина*

Корректоры: *В.И. Дмитриева, Н.Г. Синявская*

Сдано в набор 27.11.2006 г. Подписано в печать 11.01.2007 г.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Формат 84x90 1/32. Объем 7,25 п.л.

Тираж 2000 экз. Заказ 1035.

ОАО "Издательство "Красное знамя",

г. Томск, пр. Фрунзе, 103.